

АЛЕКСАНДРА
МОРОЗОВА

СВЕТЯ ДРУГИМ -
Сгораю

ALIIS-INSERVIENDO CONSUMOR.

18+

Александра Морозова

Светя другим – сгораю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68050831

SelfPub; 2023

Аннотация

Как сильно нас держит прошлое? Почему не отпускают ошибки юности? Да и можно ли считать ошибкой логичный и оправданный шаг? Главный герой – успешный врач, работающий за границей, – возвращается в родную страну, чтобы понять, верным ли было решение ради карьеры покинуть любимую...

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	27
Глава 3.	32
Глава 4.	57
Глава 5.	72
Глава 6.	80
Глава 7.	84
Глава 8.	90
Глава 9.	99
Глава 10.	117
Глава 11.	123
Глава 12.	141
Глава 13.	152
Глава 14.	176
Глава 15.	186
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Александра Морозова

Светя другим – сгораю

*Посвящается Ирине Зюзиной,
первому человеку, назвавшему
меня писателем.*

Глава 1.

Матвей надеялся проспять весь полёт, но никак не мог уснуть – то и дело ворочался в кресле, пытаясь поудобнее пристроить чересчур длинные ноги. Наконец он закрыл глаза и стал медленно считать про себя по-английски. Дошёл до сотни. До двух сотен. Сбился. Вновь открыл глаза.

Парень на соседнем месте вырубился, едва самолёт набрал высоту. Матвей слушал посапывающее дыхание незнакомца и лишь завидовал его здоровому сну.

Экран, встроенный впереди стоящее кресло, предлагал пёструю ленту фильмов на выбор. Ни один не вызвал у Матвея интереса. Он включил какую-то комедию, едва взглянув на название, но выключил, не досмотрев и до середины.

Его раздражало место возле прохода. Раздражало, что выпитый в аэропорту джин не превратился в снотворное, что полёт из Нью-Йорка в Москву длится одиннадцать часов.

Раздражали мысли, спутанные, как поражённые мальформацией сосуды.

Матвей не верил, что летит домой. Решился внезапно, забронировал билет прямо на дежурстве, ещё до того, как договорился с шефом об отпуске. Коллеги решили, что у него что-то случилось. Случилось, да. Но что?

Стюардесса в тёмно-синей форме улыбнулась, проходя мимо. Матвей машинально улыбнулся в ответ, даже не заме-

тив, насколько она привлекательна.

Напряжённо, словно его потянули за волосы, занял затылок. Матвей выпил воды и заставил себя расслабиться. Коснулся головой спинки кресла, снова закрыл глаза и представил себя в кабине пилота. Он понятия не имел, как управлять самолётом, и просто фантазировал, отрывочно припоминая фрагменты из фильмов о лётчиках. Вот он кладёт руки на штурвал, и приборы вокруг загораются зелёно-красными огоньками. В разделённом надвое лобовом стекле виднеется небо изнутри.

Многие мальчики в детстве хотят стать пилотами. Матвей никогда не думал об этом. А зря. Ему нравилось тихое ощущение полёта. И лётная униформа сидела бы на нём не хуже белого халата.

Одиннадцать часов за штурвалом или одиннадцать часов в операционной?

Он с детства знал, что будет врачом. Только в девять лет Матвей думал, что врач – герой, способный вылечить любого чудотворными пилюлями и волшебными хирургическими инструментами. В двадцать девять же окончательно убедился, что медицина – это не всегда жизнь. Это ещё и страх, боль и смерть, которые часто оказываются сильнее врача.

Матвей даже не помнил момента, когда разбилась его детская мечта. Это произошло естественно и как-то само собой. Но если бы сейчас ему предложили начать всё заново, он подал бы документы в тот же медицинский университет. Без

белого халата нет и его самого.

Значит, *высокое звание врача*¹ стоило того, чтобы пренебречь собственной жизнью?

Самолёт скользил, рассекая упрямым носом облака. Вместе с ним заскользили мысли Матвея. И вдруг – едва ощутимый толчок. Что это? Воздушная яма? Словно блуждающий по артерии на подступах к мозгу катетер уткнулся в стенку сосуда. Весь самолёт внезапно уменьшился до того, что поместился на кончик этого катетера, и в потоке крови двинулся вверх по позвоночной артерии к базилярной и дальше – к средней церебральной.

Мысли стали удаляться, растягиваться и переплетаться, и Матвей не заметил, как уснул.

Просыпался несколько раз, но окончательно – перед самым приземлением. В голове гудели отголоски самолётных двигателей, пока Матвей, зевая, ждал свой огромный чемодан и гитару в зале выдачи багажа.

Ночь слишком затянулась. Самолёт вылетел в шесть вечера, летел почти половину суток, а сел в час пополуночи. Организм обманывал Матвея предчувствием розовых утренних лучей, но из стеклянных дверей терминала он вышел в блестящую октябрьскую темноту.

Матвей никого не просил встретить его в аэропорту. Он шёл к стоянке такси, слушая стук колёсиков чемодана по тротуарной плитке. Холодный воздух остудил голову, побо-

¹ Из клятвы российского врача.

рол сонливую усталость.

Назвав водителю адрес, Матвей впервые задумался, нет ли у него теперь американского акцента. Пять лет он оттачивал свой английский, заставлял себя даже думать на нём, чтобы овладеть как родным языком.

В окне автомобиля плыла Москва – немного забытая, но в то же время знакомая с самого детства. Матвея захлестнуло ощущение, что всё это уже происходило. Что он уже был здесь, уже проживал эту поездку в такси, видел бело-жёлтые огни вдоль шоссе, вывески магазинов, глянцевые листья деревьев на бульварах. Он словно смотрел сон, повторяющийся ночь за ночью. Вот только никак не мог разгадать, что же будет дальше.

После заката Москва совсем другая. Днём она притворяется, красуется перед туристами блеском куполов, роскошью витрин на Тверской, оживлённым гулом Старого Арбата. А ночью, подсвеченная мягким уличным освещением, она, как молчаливый друг, готова выслушать тебя на кухне с сигаретой в руке.

Доехали быстро. Матвей вышел из такси и полминуты рассматривал громаду дома в семнадцать этажей. Когда он жил здесь, редко поднимал глаза на бесчисленные окна и балконы. А ведь в некоторых даже сейчас горел свет.

У порога квартиры он старался не шуметь, но каждое бряцание ключей эхом гремело вверх и вниз по подъезду. Пальцы давно отвыкли от ключа родного дома, его формы и веса.

– Наконец-то! – воскликнула мама и потянулась обнимать Матвея, едва он вкатил в квартиру чемодан. – Мы заждались! Всё-таки надо было отцу тебя встретить. Господи, ты и гитару с собой приволок! На две недели мог бы оставить её там, ничего бы не случилось.

От мамы даже дома пахло духами. Она поцеловала Матвея и тут же стёрла ладонью след от помады, царапнув его по щеке массивным кольцом в виде раскрытой розы.

– Гитара не помешает, – сказал отец, с улыбкой пожимая Матвею руку. – Будешь играть для нас по вечерам.

Он хлопнул сына по плечу. Тонкая золотистая оправка очков блеснула, когда он поднял подбородок, чтобы взглянуть на Матвею в глаза. Зачёсанные назад, немного пушащиеся волосы на висках заметно поседели.

– Я привёз её в подарок, – сказал Матвей и, пока не начались расспросы, добавил: – А вы что не спите? Поздно уже.

Он снял с плеча и бережно прислонил к стене прошитый поролоном кейс с гитарой, стал расстегивать пуговицы пальто.

– Успеем выспаться, – сказал отец. – Три месяца тебя не видели! Ведь три, Верушка?

– Три! И за ту неделю, что мы у тебя гостили, ты был дома, дай бог, дня два.

– Да ладно вам, – улыбнулся Матвей. – Я же вчера звонил.

– Что нам твои звонки! – отмахнулась мама. – Тебя всё равно невозможно выцепить больше, чем на десять минут.

Мой руки и иди к столу! Или я зря полдня стояла у плиты?

В квартире всё было новым. Песочные, коричневые, светло-серые оттенки, яркие детали, массивные люстры, зеркала в нелепых рамах. Мама постоянно присылала Матвею фотографии того, как идёт ремонт, и восторгалась тем, какая теперь плитка на кухне, пол в гостиной, бра в прихожей.

Матвей восторга не разделял. Ему ещё тогда всё показалось каким-то чужим. Сейчас же, очутившись среди этого буйства дизайнерских идей, он вовсе чувствовал себя остановившимся в отеле. Или пришедшим в музей, где старинную обстановку попытались заменить дорогой лжеклассической мебелью.

Будьте любезны ничего не трогать руками.

Он особо не разглядывал прихожую и коридор, но увидев, как изменилась ванная, забеспокоился, не добрались ли ухоженные мамины ручки до его комнаты и не превратили ли её в роскошный и бестолковый гостиничный номер.

Из прихожей прямым углом вглубь квартиры выходил коридор. Такой широкий и длинный, что в четырнадцать лет Матвей гонял по нему мяч, пока две недели сидел дома с ветрянкой. Слева двери в ванную и в спальню родителей. Справа – в гардеробную и в комнату Матвея. Дальше коридор, как река, впадал в огромную столовую, практически врезаюсь в длинный овальный стол – единственную вещь, которая пережила все мамины ремонты. Матвей помнил его ещё в их старой квартире. Но сейчас он был обставлен дюжиной но-

вых тяжелых стульев с бархатной обивкой цвета фиолетового тюльпана. Кухню отделяла от столовой лишь линия на полу, где паркет сменялся мраморной плиткой. Полностью новый гарнитур цвета слоновой кости славился какими-то специальными доводчиками на дверцах, которыми мама жутко гордилась. Почти у самой разделительной полосы возвышался остров с двумя стульями на длинных, как для бара, ножках.

С другой стороны к столовой – также без дверей и стен – примыкала гостиная. Новый огромный диван напротив нового огромного телевизора. Новые застеклённые шкафы для маминых антикварных безделушек. Новые кресла и новый журнальный столик с зеркально блестящей поверхностью. И всё это на фоне обновлённых стен, полов и, насколько мог судить Матвей, даже потолка.

– Как тебе? – спросила мама. В глазах её отражался блеск хрустальных бокалов. – Правда, пока не все готово. Я хочу поменять ещё кое-что. Шторы, светильники, может, картины.

– Вживую выглядит шикарнее, чем на фотках.

Мама улыбнулась. Это она и хотела услышать.

Папа молча прошагал к своему месту за столом. Интересно, в какую сумму вылились ему мамины причуды?

Стол уже был накрыт. В Штатах о домашней еде Матвей вспоминал с особой грустью. Вечно пустой холостяцкий холодильник, перекусы на бегу и остывший кофе доводили его

до отчаяния.

Мама приготовила отбивные, несколько салатов и любимое блюдо Матвея – жаренную с луком картошку. Сколько он сам ни пытался приготовить её так же вкусно – никогда не получалось.

На большом блюде лежали ещё горячие пирожки с красивым швом посередине, пахнущие детством. Мама всегда пекла их с тремя начинками: с мясом, с картошкой и с вишней. Матвей любил только такие.

– Михалевич о тебе восторженных отзывов, а это большая редкость! – сказал отец, едва Матвей успел съесть свою отбивную. – Когда мы учились, он был отличником и считал, что все остальные бездари, а только он один чего-то стоит. Прямо высказывать не решался, но в разговоре всегда было понятно, какого он о тебе мнения. А возможно, Михалевич и был прав. Дальше всех ведь забрался! Остальные мои однокурсники кто где, а только он за океан смог пробиться.

– Он и вправду искусный хирург, – произнёс Матвей и потёр пальцами вилку, не торопясь накалывать на неё золотистую картофельную соломку, остывающую на тарелке.

– То-то! Но мне куда важнее другое. Раз ты ему нравишься, он ни за что тебя от себя не отпустит. Видишь, в Бостон перебрался и сразу тебе местечко нашёл у себя под боком. Считай, ты там уже зацепился, теперь только потихоньку вверх ползти.

Матвей отложил вилку и взглянул на маму. Она сидела,

коснувшись лопатками спинки стула, и смотрела куда-то на окно, подняв острый подбородок. Может, решала, какиекупить шторы.

Она родила Матвея в девятнадцать, и с того дня время потеряло власть над ней. Она менялась, но нельзя было сказать *старела*. Изящества и женственности в ней меньше не становилось. Да и девчачьей вредности, капризов и упрямства тоже.

– Я не уверен, что хочу ехать в Бостон, – честно признался Матвей. – В моей больнице согласны оставить меня после ординатуры. Я взял отпуск, чтобы подумать.

– Твоя больница по сравнению с той клиникой – перевязочный пункт, – возразил отец, всем своим видом показывая, что тут и думать нечего. – Я понимаю, в Филадельфии уже слаженный коллектив, определённая репутация – на новом месте придётся заново показывать себя. Но если хочешь стать выдающимся нейрохирургом, тебе нужно соответствующее учреждение, где ты сможешь заниматься наукой, а не только дыры в черепе сверлить. Как, кстати, твои статьи? Написал ещё что-нибудь?

Матвей отпил вино и пожалел, что не может задержать его во рту до конца ужина.

– Нет. Только те три, что ты уже читал.

– Когда ему писать, Саш? – поморщилась мама так, словно её вино кислило. – Он ведь целыми днями пропадает в больнице. Даже девушку себе за пять лет не нашёл!

Матвей вздохнул, посмотрев на глянцевый потолок, в котором отражалась блестящая торжественность семейного ужина.

– Надо заниматься наукой, это только в плюс будет! – гнул своё отец. – У тебя сейчас как раз отпуск. Так и займись! А я тебе помогу. Выбирай тему. Вместе мы такую статью напишем, что!..

– Давай только не сегодня, – прервал Матвей, боясь, как бы отец не притащил за стол ноутбук. – И вообще, мне ближе практика.

– Практика всем ближе. Но для неё хватит простого умения, а вот наука...

– Да что ты к нему пристал! – вдруг крикнула мама. – Сын только с самолёта. Дай ему отдохнуть! Никуда твои статьи не денутся!

Папа рассеянно заморгал, взял свою чашку с чаем – он не пил спиртного – и проговорил под маминым упрекающим взглядом:

– Да. Потом потолкуем.

Матвей готов был расхохотаться, но сдержался.

– Уже почти три, – примирительно сказал он. – Я хочу прилечь. У тебя завтра выходной, пап?

– У твоего отца не бывает выходных, – сказала мама прежде, чем папа успел открыть рот.

– А как ты хочешь, Верушка? – улыбнулся отец. – Вся больница на мне.

Мама вздохнула.

– И правда, пора спать. Завтра к нам придут гости.

– Гости? – удивился Матвей.

Он взглянул на отца и по тому, как задвигались очки у него на носу, понял, что для папы это тоже неожиданность.

– Да, – невозмутимо ответила мама. – Я позвала на ужин твоих друзей по институту.

– Это ещё зачем? – спросил Матвей.

– Пусть полюбуются на тебя воочию. Когда теперь у них будет такая возможность?

Матвей посмотрел на маму, стиснув зубы. Её сюрпризы часто приходились не к месту.

– У меня уже есть планы на завтра, – сказал он.

– Так отмени, – мама пожала плечами, описала бокалом полукруг в воздухе и, глотнув вина, добавила: – Или перенеси. А может, ты и успеешь. Ребята придут к пяти.

Матвей не стал спорить – бесполезно. Залпом допил своё вино и поднялся.

– Пойду к себе. Спокойной ночи.

Уже входя в комнату, он вспомнил, что чемодан остался в прихожей. Пошёл за ним и на стене в коридоре заметил новую картину. Она была большой, светлой и странной. Сливающиеся в вертикальные и горизонтальные полосы, бело-серые, точно заснеженные, стволы берёз. Просто стволы, без листвы, без земли. Как на обрезанной фотографии.

Матвей не стал искать в ней смысла. Утром посмотрит

свежим взглядом, может, что и увидит.

– Ты привёз все свои вещи? – улыбнулась мама, когда он прикатил в комнату здоровущий чемодан и оставил его у изножья кровати.

– Не нашёл сумки поменьше.

– Так купил бы.

– Сначала как-то не подумал, а потом уже поздно было бегать по магазинам.

Мама закивала головой – *знаю-знаю* – и подошла ближе.

– Мы ничего здесь не трогали, – сказала она. – Как ты и просил.

Матвей окинул взглядом свою комнату и вмиг успокоился. Всё в ней осталось прежним и на прежних местах. Большая кровать, накрытая синим покрывалом, тяжёлые серые шторы. Письменный стол с чёрной тонконогой лампой и небольшим круглым креслом. Напротив кровати стеллажи с книгами и тёмно-серый шкаф для одежды. Ближе к двери, под самым потолком – турник. Матвей прикинул, сколько раз смог бы теперь подтянуться.

– Да, – сказал он. – Спасибо.

– Хотя здесь стоило бы обновить мебель, – намекнула мама.

– Нет, – ответил Матвей, а потом улыбнулся, сглаживая свою категоричность. – Меня всё устраивает.

– Тут слишком мрачно, – тон мамы становился настойчивее. – И слишком просто. Посмотри, как здорово стало в

других комнатах. Почему ты не хочешь и здесь что-нибудь поменять?

– Просто не хочу.

– Не понимаю, что ты так цепляешься за эту серость? Почему это вообще так важно? Ты здесь пять лет не был и неизвестно, когда приедешь в следующий раз.

– Ну и что? Это ведь моя комната. Пусть здесь всё будет так, как нравится мне.

Матвей почувствовал, что чего-то не хватает. Сначала почувствовал, а только потом заметил, подошёл к письменному столу.

– А куда делись фотографии? – спросил он будто между прочим.

Без нескольких глянцевого бумажек с улыбающимися влюблёнными комната казалась пустой до эха.

– Я думала, они уже не нужны, – ответила мама и добавила с особой деликатностью: – Ведь не нужны?

Пальцы Матвея коснулись того места, где раньше стояли серебристые рамки. Мама тщательно вытерла пыль. На поверхности стола проступил лишь запотевший след от тёплой кожи, который тут же исчез.

– Да, – сказал Матвей. – Не нужны.

– Уже поздно, – негромко произнесла мама. – Пора ложиться.

Матвей опомнился, обернулся.

– Спокойной ночи!

Шагнул к ней и торопливо коснулся губами её щеки.

Но мама уходить не спешила. Дотронувшись до руки Матвея, взгляделась снизу вверх в его лицо.

– Какой ты вырос красивый, – сказала она и провела ладонью по его голове. – И какой высокий. Твой дед тоже был высоким, но ты даже выше. Сейчас ты очень на него похож... И волосы какие чёрные. Прямо басменные.

Матвей улыбнулся.

– У тебя такие же волосы, мам.

– Так я их крашу, а у тебя свои, – взгляд мамы пробежал по его лицу, задержался на глазах и стал задумчивым. – Не верится, что тебе уже двадцать девять лет. Совсем взрослый мужчина.

Матвей поймал мамину руку, поднёс к губам, поцеловал и потёр большим пальцем место поцелуя.

– Ты не выглядишь как мать совсем взрослого мужчины.

Мама, моргнув, вздёрнула подбородок и откинула с плеча волосы.

– Да? А как я выгляжу?

– Как моя сестра.

Невидимым лучом по её лицу проскользнула довольная улыбка и зажгла гордым блеском взгляд. Мама прекрасно знала о своей красоте, но никогда не отказывалась лишний раз услышать комплимент.

Она склонила голову набок и, глядя Матвеем в глаза, спросила:

– Ты хочешь увидеть Алику?

Вопрос застыл в воздухе и заставил сам воздух застыть.

В Штатах Матвей редко говорил об Алике. Мог вставить в отвлечённой беседе что-то вроде: *одна моя знакомая любила мороженное с карамелью, но терпеть не могла шоколадное* или *одна моя знакомая могла всего лишь раз услышать мелодию и тут же сыграть её на пианино*.

Матвей даже почти поверил, что выдумал её. Но произнесённое вслух имя убедило его – он не сошёл с ума. Память тут же возродила из сумрачной глубины лучшее, что сохранила за всю жизнь – окутанный искрящимся светом образ.

Месяц её рождения – май – подарил свою зелень её глазам. Они на всё смотрят вдумчиво и чуть-чуть исподлобья. Не со страхом, нет. С интересом, здравым недоверием и тонкой обольстительной дерзостью. Она улыбается сдержанно, не выдавая того, что у неё на уме. Зато, если смеётся, то громко и открыто, совсем не стесняясь, и кажется, всё пространство вокруг неё становится живым, бегущим и искрящимся, как ручей, пока звучит её смех. Тяжёлые тёмно-рыжие волосы ловят и прячут в своих изгибах солнечные блики. Нет приятнее ощущения, чем пропускать их сквозь пальцы, а одну прядь, зацепив у кончиков, наматывать на указательный.

– Не знаю, – сказал Матвей.

Но мама могла определить ложь, как опытный хирург только лишь по снимку – злокачественную опухоль.

Она пристально посмотрела на Матвея. Он отвёл глаза к

книжным полкам.

На одной из них сидел плюшевый барбос, увешанный медалями за соревнования по рукопашному бою. В детстве это была любимая игрушка Матвея.

– Столько времени прошло, – сказала мама. – Пора перестать думать о ней.

– Я и не думаю! – слишком быстро ответил Матвей.

Вздыхнул, отошёл к кровати и опустился на стёганое, в квадратах, покрывало.

– А если бы и думал. Что плохого в том, что мы с ней встретимся? Как старые знакомые. Как друзья.

– Друзья? – усмехнулась мама. – Друзьями вам уже не стать.

– Мы всегда были в первую очередь друзьями.

Но вспомнив, что они имели, кроме дружбы, Матвей на мгновение перестал дышать.

Мама подошла к нему, села рядом.

– Тебе незачем её видеть. Хотела бы Алика с тобой поговорить, она бы это сделала. А она просто сбежала. Исчезла, будто и не было!

– Если подумать, выходит, что сбежал я. Ведь это я уехал, а не она.

Глаза мамы вспыхнули. Слова Матвея не просто задели – оскорбили её. Она неровно вдохнула, готовясь сыпать хлёсткими упрёками, но тут же закусил губу, одёрнула себя. Стараясь не уронить воображаемую вазу на голове, напомнила:

– Ты уехал учиться.

– И оставил её.

– Оставил ненадолго. Чтобы стать врачом. А она тебя бросила!

Мама всё-таки не выдержала и отвернулась. Нащупав на пальце кольцо с розой, стала крутить его туда-сюда.

– Алика никогда ни с кем не считалась. Жила только своим умом. Решила, что вы должны расстаться, и испарилась, едва взлетел твой самолёт. А ведь ты уезжал на стажировку всего на год. Это потом уже тебе дали место в ординатуре... А вначале получалось всё равно, как если бы ты в армию пошёл. И что? Стала она тебя ждать? А ты как последний дурак ещё и оправдываешь её.

– Я не оправдываю. Просто знаю, что она сделала это ради меня. Понимаешь?

– Нет.

Матвей посмотрел на мамины руки, теребящие серебряную розу. Длинные, жёсткие пальцы. Заострённые ногти покрашены красным. А кожа на тыльной стороне ладоней вся в мелких чёрточках морщин.

Ему было сложно говорить с мамой об Алике. Все пять лет родители не вспоминали о ней, словно в жизни их сына не было этой девушки. Но сейчас Матвей чувствовал, что должен объясниться.

– Она видела, что я колеблюсь, что готов отказаться от стажировки. Знала, как тяжело продолжать отношения на

расстоянии. Возможно, решила, что я на такое не способен. В общем-то, она поступила благородно.

Мама посмотрела на сына, скептически сдвинув угловатые брови.

– Ты сам всё это выдумал, – сказала она. – А что, если у неё просто появился другой, и она осталась с ним?

Матвей мотнул головой.

– Нет. Алика бы мне не изменила.

– Господи, какой ты наивный! В твои годы пора бы начать хоть немного разбираться в жизни.

– Наивный или нет, но в Алике я уверен. Она никогда мне не врала. И не простила бы, если бы я ей соврал.

– Да откуда ты знаешь, что было у неё в голове? Может быть, она просто не хотела тебя ждать, нашла себе кого-нибудь, а признаться побоялась. Ты же за неё был готов любого растерзать. Это явно ничем хорошим не кончилось бы. А так ты уехал – и она...

– Нет, мам! Это бред, – оборвал её Матвей. – Да и Алика смелая до безрассудства. Она бы призналась. Нет. Никого у неё не было.

– Матвей, ты всё идеализируешь. Вот что я скажу, – мама крепко взяла его за запястья, будто этим могла удержать от губительной иллюзии. – Вам выпало испытание. Вы его не прошли. Такое бывает гораздо чаще, чем ты думаешь. Не все сильные чувства оказываются настоящей любовью. Смирись. Оставь в прошлом. Живи дальше, я очень тебя прошу!

– Я живу, правда, – сказал Матвей и улыбнулся, чтобы обнадежить маму. – Прошное меня не держит. Да и что мы вообще вспомнили об этом? Столько лет прошло, какое там встретиться. Может, она уже и не живёт в Москве. А вам с папой повезло, – поспешил он сменить тему. – Вы полюбили друг друга сразу и навсегда. И никаких испытаний.

Мама громко усмехнулась.

– Жить с твоим отцом и есть испытание. Он без меня из дому не выйдет – забудет, где дверь! Совершенно не приспособлен к жизни.

Матвей засмеялся и незаметно вытащил свои руки из-под маминых.

– Папа привык, что вне операционной за него думаешь ты. Наверное, оттого он и стал одним из лучших нейрохирургов Москвы.

– Разумеется, – мама закинула ногу на ногу и обхватила ладонями тонкое колено. – А вообще, это удобно для мужчины. Бери пример! Женись на той, которая будет возиться с тобой, как с ребёнком, а сам занимайся своей медициной и ни на что не отвлекайся.

Матвей нелепо ухмыльнулся.

– Я пока не готов к браку.

– Да ты ни к чему не готов, – махнула рукой мама. – А пора бы уже! Мальчик взрослый. Я хочу увидеть внуков, пока ещё в состоянии с ними поиграть. А ты, чувствую, разродишься, когда я стану немощной старухой, которая сидит в кресле и

ждёт, что ей малыша поднесут показать.

– Тебе до старости ещё далеко.

– Конечно, далеко. Но вот ты точно не молодеешь.

– В обозримом будущем я не собираюсь жениться, – сказал Матвей мягко, но уверенно. – Да и кому нужен муж, который почти всё время проводит в больнице?

– Я уже тридцать лет живу с таким мужем и ничего, счастлива. А ты, если так волнуешься, – добавила мама, облокотясь на подушки, – найди себе кого-нибудь из молоденьких врачниц. Будете целыми днями вместе.

– Во-первых, внеслужебные отношения в моей больнице запрещены. А, во-вторых...

Случайным взглядом Матвей выцепил на полках одну книгу и замолчал. Сомневаясь, что это та самая, он захотел скорее достать её и посмотреть. Уже дёрнулся, чтобы встать, но сообразил, что мама ещё не ушла, и остался на месте. Припомнил, о чём они говорили, и продолжил:

– А во-вторых, я никого не хочу искать. Мне одному неплохо.

– Оно и видно, – вздохнула мама.

Матвей закрыл глаза и потёр ладонями лицо.

– Я сегодня так устал. Этот перелёт... Мне всё кажется, что сейчас утро и надо идти на работу.

– Да, засиделись мы, – сказала мама. – Отдыхай.

Она наклонилась к Матвею, и он быстро поцеловал её в щеку.

– Спокойной ночи, мам.

Мама улыбнулась и заглянула ему в глаза, пытаясь понять, услышал ли он её. Но лишь вздохнула, поднялась и ушла. По движениям и походке, высокой тонкой фигуре со спины её можно было принять за совсем ещё молодую женщину.

– Саша, что ты всё бродишь? – слышался её голос из гостиной. – Ложись уже спать.

– Сейчас, – ответил голос папы. – Я где-то оставил телефон...

Матвей встал и ещё раз провёл рукой по пустой поверхности стола. Он жалел, что в Филадельфии в минуту пьяной решимости избавился от всех фотографий с Аликой – бумажные сжёг, а цифровые удалил. Когда наутро проснулся и понял, что натворил, лупил кулаком по стене, пока на обоях не появились кровавые пятна.

Он шагнул к книжному шкафу. Посреди учебных пособий по медицине стояла одна художественная книга в неброском твёрдом переплёте. Матвей не ошибся. Это не его книга, и мама, зная она об этом, выкинула бы её вслед за фотографиями. По корешку полустёртыми буквами шла надпись: «Время страстей человеческих».

Матвей потянул книгу из ровного ряда и почти физически ощутил, как её трогали другие руки. Руки, положившие её на стол поверх конспектов и учебников по анатомии.

«Почитай, как будет время, – почти услышал он голос. – О поисках себя, о выборе жизненного пути. Пожалуй, что и

о жизни в целом. Мне понравилась».

И Матвею понравилась. Он читал всё, что она ему приносила. И всё нравилось ему хотя бы тем, что потом они долго это обсуждали, спорили, сердились и смеялись.

Матвей не решался открыть книгу. Боялся прогнать невестомое, как туман, присутствие её хозяйки. Он вернулся на кровать и долго всматривался в нарисованного на обложке мужчину – главного героя. Его изобразили спиной к тем, кто держал книгу в руках. Матвей тихо усмехнулся. Глупо скрывать лицо от людей, которые совсем скоро узнают все твои мысли.

А что, если он прячется не о них, а от себя самого?

Глава 2.

Матвей побрился, помыл голову, и долго расчёсывал перед зеркалом влажные волосы. Потом дважды переглядел рубашку, вычистил туфли и пальто.

Мама не спрашивала, куда он собирается.

– Ребята придут в пять, – лишь напомнила она, бренча венчиком на кухне.

– Я помню, – отозвался Матвей уже из прихожей.

Но вернуться вовремя не обещал.

Он вышел на прохладный октябрьский воздух и сразу ощутил разницу климата двух континентов. Поднял воротник пальто, засунул руки поглубже в карманы.

В Штатах его часто обманывали сны, в которых он гулял по Москве. И если добросердечные медсёстры неотложного отделения Филадельфийской больницы давали уставшему русскому доктору поспать подольше, он встречал Алику где-нибудь на Болотной набережной или в цветниках парка Горького.

У Матвея не хватило терпения ехать на метро. Он вышел к шоссе и сел в такси. Мысли перебойно сменялись в голове, запутанные часовыми поясами, волнением и разорванным сном. Радио непривычно трещало о чём-то на русском, сбивая Матвея окончательно. Что он скажет ей, когда увидит? Какими словами? Да и нужны ли им слова? Когда-то

они могли подолгу обходиться без них.

Сердце забилося чаще, когда показался её дом в форме буквы «П», повернутый к дороге самой длинной своей стороной. Такси въехало сквозь арку во двор и остановилось. Матвей вышел, и в знакомом переулке на него накинудись цепкие воспоминания. Каждый раз, провожая Алику домой, он на прощание целовал её здесь, возле зелёной скамейки перед подъездом. Бессчётное множество вечерних поцелуев. Коротких и привычных, настоящую цену которых он узнал, стоило Алике исчезнуть.

Реальность подозрительно смахивала на очередную фантазию.

Матвей подошёл к железной двери подъезда. Здесь почти никогда не работал замок домофона.

Повезёт ли в этот раз? Потянул дверь на себя. Поддалась.

Матвей улыбнулся. Бросился, не дыша, вверх по лестнице – на четвёртый этаж, и сразу, чтобы не дать себе передумать, – выжал до упора кнопку звонка.

Колокольчиковые звуки отозвались щекоткой где-то под рёбрами. Матвей отпустил кнопку и услышал свой учащённый пульс. Казалось, сердце вынули из груди, и теперь оно бьётся на всю лестничную клетку.

Матвей не сразу понял, что на его звонок никто не откликнулся.

Позвонил ещё раз. Потом ещё.

Никто не выходил. Весь мир был глух и неподвижен.

Матвей отступил на шаг, огляделся.

Ошибся дверью? Подъездом? Домом?

Нет. Скорее, он забыл бы собственный адрес.

Тогда что?

Может, дело в том, что сегодня воскресенье?

В этой квартире не сидят дома по выходным. Лучше зайти позже, ближе к вечеру.

Вдруг щёлкнул замок. Только не в этой двери, а в соседней.

Матвей обернулся.

Из отворившейся двери, звеня жетоном на ошейнике, выскочил рыжеухий бигль, подбежал к нему и засновал носом по штанинам тёмно-синих брюк. Матвей не двигался, боясь наступить собаке на лапу.

Следом появилась женщина в куртке и с поводком в руках. Закрыла дверь квартиры, увидела Матвея, спросила:

– Ищите кого-то?

– Да. Ваших соседей. Случайно не знаете, где они?

Женщина посмотрела на Матвея недоверчиво, потом на собаку – вопросительно. Бигль дружелюбно махал хвостом.

– Они ещё не вернулись с дачи, – наконец сказала она. – Раньше восьми не ждите.

– С дачи? – удивился Матвей. – Садовские купили дачу?

– А, вы о Садовских?.. Перси, нельзя! – прикрикнула женщина на бигля, передними лапами упершегося в ноги Матвея. – Они давно здесь не живут.

Матвей удивился ещё больше.

– Как? Они переехали?

– Да. Года два назад продали квартиру и съехали.

Матвей машинально гладил собаку. Пёс подставлял голову под его ладонь и настойчиво бил лапой по ноге, если рука останавливалась.

– Не знаете – куда?

– Нет, – женщина подошла и прицепила к ошейнику собаки поводок. – Они уезжали в такой спешке, что, наверное, и сами этого не знали.

– Почему? Что-то случилось?

Матвей по привычке стал искать в кармане пачку сигарет, хотя давно уже бросил курить. Пёс продолжал тереться у его ног, несмотря на попытки хозяйки его оттащить.

– Разное говорили. Такое, что и не верится. Знаю только, что Алике с братом было очень тяжело после смерти тёти.

Из лёгких Матвея, точно от удара в грудь, выбило весь воздух. Он застыл на месте, казалось, даже сердце остановилось.

– Что? – прошептал он. – Смерть их тёти? Лены? Лена... умерла?

– А вы не знали?

Матвей лишь замотал головой из стороны в сторону.

Женщина виновато пожала плечами.

– Простите.

Пёс метался по площадке между хозяйкой и Матвеем,

бурчал и сердился, что она так расстроила его нового друга.
– Я не был здесь несколько лет, – сказал Матвей, кое-как собравшись.

Женщина понимающе кивнула.

Что-то влажное коснулось пальцев Матвея. Он опустил взгляд. Пёс облизывал его ладонь и слабо прикусывал за мизинец.

– Зовёт играть, – перевела хозяйка. – Странно. Обычно Перси не играет с незнакомыми. А вообще, он очень хорошо чувствует людей, – добавила она. – Алику с Пашкой любил. Они часто угощали его чем-нибудь.

Женщина неловко дёрнула уголками губ.

– Всего доброго.

– Да, – опомнился Матвей. – Спасибо вам.

Женщина сочувственно улыбнулась и потянула собаку за поводок. *Гулять, Перси, идём гулять.*

Пёс лизнул на прощание руку Матвея и поторопился за хозяйкой. Слышно было, как когти бигля царапают ступени лестницы и металлически стучит жетон на ошейнике. Звуки эти стремительно удалялись, уходили вниз, как вода утекает в сливное отверстие раковины.

Наконец дверь на первом этаже хлопнула, и Матвей ощутил себя выброшенным в открытый космос, где даже крик превращается в тишину.

Глава 3.

– А я вам говорю: нечего в этой стране делать! – настаивал Антон. – К медицине здесь относятся как к сфере обслуживания. Никакого уважения!

Он резко провёл рукой по коротким всклокоченным волосам. От алкоголя и спора, им же самим затеянного, щёки у него покраснелись.

– Да, – согласилась Люба, вяло переводя взгляд с Антона на Матвея, а потом на свою тарелку. – К врачу на приём приходят всё равно что на маникюр или стрижку.

Её до одурения ровный, монотонный голос и замедленные движения сводили с ума.

– И ведь все знают, как именно врач должен лечить! – почти кричал Антон. – А если ты их лечишь не так, как они хотят, – начинаются жалобы! А мне потом что делать, когда на меня этих жалоб целая стопка собирается? Без зарплаты сидеть? Я зачем их лечил?! – он вскинул руку, и виски из его стакана плеснуло на белую скатерть, чего он в горячке даже не заметил. – Зачем время на них тратил? Я ведь тоже человек. Тоже хочу жрать и на работу не в драных штанах ходить!

– Ой, Тох, не начинай, – поморщился Толик, и его очки сползли до самого кончика носа. Он поправил их знакомым со студенческих пор движением – пальцем за центр оправы – и продолжил: – Тебе ли про дырявые штаны петь? У тебя

отец недавно в министерство перебрался.

– А причём тут мой отец?! – так подскочил на месте Антон, что стул под ним сдвинулся и скрипнул. – Я что, потвоему, не работаю? За счёт отца живу?!

– А как ты, простой лор, купил квартиру с видом на Москва-реку? А про то, на чём ты на работу ездишь, я лучше промолчу. У нашего заведомо машина скромнее.

– Ты, Толик, тоже не прибедняйся, – сказала Люба, разрезая мясо и ни на кого не глядя. – У тебя самого скоро новоселье.

– Ребята, перестаньте! – вмешалась мама Матвея и по очереди всех оглядела. – Родители должны помогать своим детям. Это естественно. Не надо смотреть на их заботу, как на подачку или что-то постыдное. Если есть возможность, почему не помочь?

Матвей слушал рассеянno и ничего не говорил. Алкоголь расслабил его, успокоил, оттеснив ужас трагедии, о которой он узнал лишь несколько часов назад.

Когда это произошло? Что случилось с Леной? И почему?

Матвей жалел, что не узнал у соседки Садовских – уже бывшей соседки – никаких подробностей. Мысли его прыгали с одного на другое, но в конце концов возвращались к Лене и закольцовывались на её смерти.

А ещё Матвей упустил последнюю нить, которая могла привести его к Алике. Чёрт знает, где теперь её искать!

Пять лет назад телефон Алики оказался навсегда забло-

кирован, а страницы социальных сетей удалены. Близких подруг и друзей у неё не было. Во всяком случае, сколько Матвей не перебирал в памяти, не вспомнил ни одного человека, к которому можно пойти и хоть что-нибудь узнать о ней.

Попробовать расспросить в художественной галерее, где работала Лена? Алика часто там бывала. Даже подрабатывала, пока училась в институте.

Там же в постоянной экспозиции представлены картины её матери. Наверняка она, как и раньше, приходит на них посмотреть время от времени. Может, в галерее про Алику что-нибудь слышали?

Точно! Надо сходить туда завтра прямо к открытию и поговорить с сотрудниками.

– Ладно, мальчики, – вздохнула Люба. – В конце концов, мы собрались не для того, чтобы ваши квартиры обсуждать.

Матвей услышал это и поднял голову. Ребята смотрели на него.

Они пришли втроём. Люба, Толик и Антон – дети тесно знакомых врачей, друзей отца Матвея. Наверное, это единственная причина, по которой они худо-бедно общались между собой.

– Да! – подхватил Антон, поднимая стакан. – Сегодня мы чествуем нашего иностранца. Какой ты всё-таки молодец, что свалил!

– Я тоже считаю, правильно сделал, – добавил Толик. – И я бы уехал, если бы позвали.

– Да любой бы уехал, чего говорить!

Антон махом выпил всё, что оставалось в стакане.

Матвей давно понял, что его приятели зря пошли в медицинский. У них не было ни желания, ни способностей к профессии врача. Родители – завыв, главы, чины из министерства и труженики частной медицины, – заталкивая детей в медицинский институт, распаковывали перед ними карьеру, которую тем оставалось только накинуть на себя, как новенький белый халат.

– Если все разьедутся, кто будет лечить людей здесь? – спросил Матвей.

– Пусть сами себя лечат! – ответил Антон, морщась от виски. – В Интернете же написано, как. И чему мы столько лет учились!

Ну да, ну да.

Антон однажды чуть не отчислили из университета. На экзамене по анатомии он, вытянув билет про череп, перепутал лобную кость с лобковой. Профессор был вне себя и, краснея от наступающего приступа гипертонии, кричал, что человек, который не может отличить голову от того места, каким соображает, не должен лечить людей.

– Напрасно вы думаете, что люди на западе не освоили Интернет, – возразил Матвей.

– Тогда пусть идут к шаманам! – не унимался Антон. – Здесь в них уж точно верят больше, чем в нас.

– А ещё все считают, если у врача хорошая машина или

дорогие часы, то он обязательно нажил это на здоровье пациента, – сказала Люба. – У нас верят только бедным врачам, голодным и несчастным. А такие, как эти двое, – она небрежно кивнула на Антона и Толика, – поводы для вечных сплетен что среди коллег, что среди больных.

Матвей практически не общался с одноклассниками с тех пор, как закончил университет. Пару раз они созвонились с Антоном. Изредка загоралась и тут же гасла переписка с Толиком. С Любой же он и в студенчестве обмолвился лишь сотней слов – вряд ли больше, – из которых половина «привет» и «пока». Он был не против повидаться с университетскими знакомыми, но не расстроился бы, если бы они не пришли.

– А что Оксана задерживается? – как бы между делом спросила мама.

Матвей тут же забыл, о чём шёл разговор минуту назад.

– Ты пригласила Оксану?

Мама невозмутимо пожала плечами.

– Я пригласила всю вашу компанию.

Она не смотрела на сына и упорно делала вид, что не замечает его пристальный взгляд.

Матвей опрокинул в рот остатки виски, поставил стакан на стол и откинулся на спинку стула. Он хотел встать и уйти, но понимая, насколько это глупо, остался сидеть.

– Странно, что Оксана опаздывает, – заметил Толик. – Раз Матвей приехал, она должна была всё бросить и лететь сюда,

как «Чёрный дрозд»!

– Да скоро придёт, – отозвалась Люба. – С работы не отпустили, а приём у неё до шести.

– Точно! – крикнул Антон, хлопнул в ладоши, а потом выкинул указательные пальцы в сторону Матвея, как пистолеты. – Ты ж встречался с Оксанкой!

– С ней полпотока встречалось, – буркнул Матвей, наливая себе ещё.

– Но влюблена-то она была в тебя, – сказала Люба. Матвей поморщился.

– Оксана не была в меня влюблена. Ни она в меня, ни я в неё.

Он быстро глянул на маму, прикидывая, что она знала об их с Оксаной отношениях (что-то ведь наверняка знала!). Она сидела, посматривая на ребят будто невзначай, но Матвей видел – её любопытство обострено до предела.

– Тогда что ж она липла к тебе, как шерсть к халату? – засмеялся Антон. – А когда ты её бортанул, у неё вообще крышу снесло! Что она только ни делала, чтобы тебе подгадить.

– Я помню, как она начинала кашлять, когда ты пытался сбежать с пар Ткачёва, – сказал Толик. – Он у нас вёл отоларингологию и требовал обязательного присутствия на всех лекциях. Или не видать зачёта, – пояснил он Веронике Николаевне. – Матвей придёт, отметится, а через полчаса вещи соберёт и тихонечко к выходу. Эта заметит и давай задыхаться. Ткачёв оборачивался, видел Матвея, а его-то, двух-

метрового, отовсюду видно, и начинал при всех его честить, а в итоге: «Продолжаем лекцию. Садитесь, Филь. После пары я хочу увидеть ваш подробный конспект».

– Ничего себе! – смеялась мама и, посмотрев на Матвея, добавила: – Жаль, отец о твоих побегах ничего не знал.

– Тетради его рвала, – вспоминала Люба. – Воровала листы с контрольными, помнишь, Матвей? Тебе потом «неуды» ставили, заставляли пересдавать.

– Это ещё что! – сказал Антон. – А какие она сплетни распускала! И ладно бы только о нём, так она и меня в свои рассказы втянула! Наболтала первокурсникам на дне студента, что мы с ним эти... ну... активный и пассивный. Хотя чего ещё ожидать от её перепелиных мозгов! Насмотрелась тупых комедий. А я потом два месяца ни к одной подкатить не мог, все на меня как на идиота смотрели.

Матвей заставил себя улыбнуться этому, как глупой шутке. Чем на самом деле Оксана портила ему жизнь, ребята и мама даже не догадывались.

– Обидел ты её страшно, – сказала Люба. – Оксана считала, что любого сможет у своей ноги удержать, а ты взял и вырвался.

Матвей не спеша осушил свой стакан, даже проглотил недотаявшую льдинку; в горле было сухо, словно он вдохнул песка.

– Как пить дать, она тебе это припомнит, – предрёк Антон.

– Зачем ей? – отозвался Матвей. – Я слышал, она вышла

замуж, у неё всё хорошо.

– Так она уже разводится, – сказала мама.

Матвей усмехнулся:

– Что-то быстро. А впрочем...

Он слишком хорошо знал Оксану, чтобы удивиться.

– Уж ни тебя ли она ждала, а, Матвей? – подмигнул ему Антон и жестом попросил передать виски.

– Вряд ли, ведь на развод подала не Оксана, а её муж, – сказала Люба. – Он был уверен, что она ему изменила.

– Там такая история, что не поймёшь, кто прав, кто виноват, – сказала Вероника Николаевна и доверительным тоном продолжила: – Мне её мама рассказала, что муж даже замахнулся на Оксану, когда приревновал к какому-то знакомому или пациенту. А с виду такой приличный молодой человек. Скромный, молчаливый. Мы познакомились с ним на юбилее Оксаниного папы. Кто же знал, что он окажется таким Отелло!

Антон хлебнул из стакана и оскалился в пьяной улыбке.

– Удушить её хотел, что ль?

– Ты Оксану-то помнишь? – подал голос Толик. – Она сама кого хочешь задушит.

Антон рассмеялся громче прежнего и прихлопнул ладонями по столу, отчего посуда испуганно зазвенела. Люба тоже засмеялась – как-то грубо и заторможено, словно шутка до неё не дошла или не показалась смешной. Она широко раскрыла рот, и Матвей заметил, что со студенческих пор

Люба так и не выпрямила зубы.

Сам Матвей ухмыльнулся, но ничего не сказал. Оксану не исправить замужеством. Другой бы убил за измену. Считай, легко отделалась.

– Как не стыдно! – сказала Вероника Николаевна. – Вы же друзья и должны её поддержать.

– Матвей с ней больше всех дружил, – отозвался Антон, охватив рукой спинку соседнего стула. – Вот он пусть и поддерживает!

И подразнил Матвея взглядом: *Ну ты меня понял.*

Обычно Матвей недолго слушал шутки Антона и ловко затыкал потоки его воспалённого красноречия. Но сейчас ему было всё равно, что несёт этот кретин. Матвей выпил и налил себе ещё.

– Вкусное вино, – сказала Люба, щурясь на бутылочную этикетку. – Испанское, я смотрю.

– Да, – ответила Вероника Николаевна. – Это из Сашиных запасов. Пациенты часто дарят ему алкоголь, а ведь он совсем не пьёт. Куда ему, и так полусонный! Пробовал отказываться, не брать – несут всё равно. Матвей! Что ты сидишь? Налей Любаше вина. У неё бокал пустой.

Матвей коснулся прохладной бутылки, искренне желая, чтобы всё это скорее закончилось и его оставили в покое. Взял бокал, наклонил. Вино медленно заструилось по изогнутому стеклу. Оно напоминало тёмную и густую венозную кровь. Матвею на миг показалось, что в воздухе даже запах-

ло ею.

Лена умерла.

Эта мысль появилась внезапно, и стол, приятели, шутки, смех – всё вдруг исчезло перед страшным осознанием – Лена умерла.

В голове Матвея она была жива. Была полна сил. Её бессчётные цепочки и браслеты звенели, стоило ей пошевелиться. Её голос колыбельной вливался в уши, когда она читала, чуть картавя, стихи Есенина, Ахматовой, Блока – на русском, а потом по-французски, с идеальным выговором – Бунина и Пастернака, Гюго и Рембо. Её морщинки казались нарисованными вокруг глаз, во всём видящих надежду.

А теперь нет больше ни этих глаз, ни голоса, ни серебряного перезвона, вторившего движениям её тела. Нет ни Алики, ни Пашки, которые могли бы разделить с ним боль, как делили всё до его поездки в Штаты.

И почему они не сообщили ему?

Что бы ни случилось, какие бы обиды между ними ни встали, *об этом* они должны были сказать!

Из прихожей слышался щебет дверного звонка. Матвей опомнился, заморгал, чтобы избавиться от влажного тумана в глазах.

Все посмотрели на него. Сначала Матвею показалось, что они прочитали его мысли, но вскоре сообразил – им просто интересно, как он встретит Оксану.

Руку всё ещё отяжелял бокал с вином. Он протянул его

Любе.

– Открой дверь, – попросила мама подозрительно миролюбиво. – А я пока проверю пирог.

Матвей молча поднялся. Оксана ли пришла или кто-нибудь другой – ему было безразлично. Он не торопился. Голова упоительно кружилась, ноги мягко ступали по новому, жутко дороговому полу.

А вдруг это Алика? На секунду Матвей представил, что она вправду стоит за дверью. Может, как-то узнала, что он вернулся, и сама пришла? Одной её улыбки хватило бы, чтобы пережить этот вечер.

Звонок повторился.

Матвей почти поверил, что сейчас увидит любимые рыжие волосы и эту самую улыбку – сдержанную, но с особым, страстным послекусием, – и не глядя на экран видеоглазка, распахнул дверь.

Первое, на что упал его взгляд, – огромная, поражающая точностью окружностей грудь. Её бы узнал каждый парень в мединституте. Шесть лет она оставалась особой гордостью вуза, приманкой для глупых ботаников, отождествляющих с ней учёбу в медицинском. Следом появились широкие плечи, белокурые пряди на фоне тёмной ткани пальто и чересчур густые ресницы на веках маленьких зорких глаз.

– Привет, Матвейка! – кинула Оксана и переступила порог.

Матвея раздражало, когда его имя сокращали или как-ни-

будь ласково уменьшали. Больше не надеясь, что этот вечер что-то спасёт, он улыбнулся скорее своей наивности.

– Здорово, Ксюнь.

Оксана сняла пальто. Матвей повесил его в шкаф, а когда обернулся, она стояла прямо перед ним и улыбалась, странно растянув губы. Глаза её, словно пальпирующие руки врача, тщательно исследовали Матвея.

– А ты похорошел, – наконец заключила Оксана. – Что ж, даже не обнимемся?

Она раскинула руки, и Матвей, чуть наклонившись, дал окутать себя тактильными воспоминаниями о студенческом романе, напрочь лишённом нежных чувств.

От Оксаны пахло сладковатыми духами. На искушённый вкус Матвея – приторно. Вся она со своей фигурой, запахом, голосом создавала ощущение донельзя заполненного пространства, отчего Матвею не хватало кислорода, а сознание стягивало реальность до размеров, вызывающих приступы клаустрофобии.

– Всё такой же худой, – сказала Оксана. – Но надо же, какой крепкий!

Похлопав его пониже лопаток, она ещё на пару секунд задержалась рядом, потом отступила на шаг.

– Небось, ходишь в зал и ничего не ешь. А что угрюмый такой? Неужели не рад меня видеть?

– Что ты, – Матвей наскоро изобразил на лице улыбку. – Конечно, рад.

– Вот! С улыбкой совсем другое дело.

Оксана окинула его взглядом с чуть приподнятой бровью, хмыкнула и уверенно направилась по коридору в столовую.

Матвей шёл сзади, вдыхая тошнотворный шлейф духов и глядя сверху вниз на её затылок с примятыми от шапки, темнеющими у корней волосами.

Мама Матвея, улыбаясь, выдвинулась навстречу госте.

– Оксана! Тысячу лет тебя не видела!

– Вероника Николаевна! – произнесла Оксана, нараспев вытягивая слова. – Выглядите просто великолепно!

Они обнялись, прижавшись щекой к щеке. Матвей, на которого уже никто не обращал внимания, вернулся на своё место и хлебнул виски.

– Проходи, дорогая, садись, где тебе удобнее, – руководила мама, подводя Оксану к столу. – Через десять минут пирог будет готов, но я положу тебе горячее. Что будешь пить? Мальчики себе открыли виски, а мы с Любашей – вино.

– Вино, – сказала Оксана, помахав всем собравшимся. – Только немного. Мне завтра на работу.

– Завтра всем на работу, кроме него, – Антон кивнул на Матвея и сделал большой глоток из своего стакана. – Халявщик.

– Ему можно, – ответила Вероника Николаевна, не глядя на Антона. – Он пять лет не был в отпуске. Матвей! Налей Оксане вина.

– Я только ручки помою, – сказала Оксана и быстро вышла

в коридор.

Она хорошо знала расположение комнат и не спрашивала, которая из дверей ведёт в ванную.

Мама взглядом что-то показала Матвею. Он кивнул, не вникая, чего от него хотят, а когда она ушла на кухню, вздохнул и потянулся за бутылкой вина и пустым бокалом.

Оксана вернулась через полминуты. Стол огромный, овальный и длинный, но уселась она прямо напротив Матвея и, чуть наклонив голову, не сводила с него изучающего взгляда.

– Как Матвей изменился, скажите, ребят? – промолвила она. – Такой стал серьёзный, важный. А взгляд-то какой! Настоящий нейрохирург.

– Настоящий разгильдяй! – вставил Антон и засмеялся, но все пропустили это мимо ушей.

Мама принесла Оксане тарелку с запечённым мясом и картошкой. Матвей подал бокал.

Принимая вино из его рук, Оксана помедлила и заставила Матвея открыто на себя посмотреть. Ему стало душно, как бывает от слишком тесного воротничка, хотя сейчас верхние пуговицы его рубашки были расстёгнуты.

– Спасибо, – промолвила Оксана и произнесла громче: – За встречу!

Матвей мельком улыбнулся, поднял свой стакан, но лишь пригубил – эта порция виски будет последней на сегодня.

– Как у тебя дела, Оксаночка? – спросила мама.

Оксана красноречиво вздохнула.

– Да какие там дела! Всё работаю. Сейчас, кроме горбольницы, устроилась в частную офтальмологическую клинику. По выходным там принимаю. Теперь-то я женщина свободная, времени полно.

Она бросила на Матвея взгляд едкий, как её духи.

– Ты недолго будешь свободной женщиной, – уверяла мама Матвея. – Вот увидишь!

– Надеюсь!

– А родители как?

– Родители хорошо, – Оксана улыбнулась Веронике Николаевне так, как раньше улыбалась преподавателям, но никогда – например, Любе или Антону. – Ждут вас в гости. Давно вы с Александром Евгеньевичем к ним не приходили.

– Саше всё некогда, – махнула рукой мама. – Целыми днями в больнице. Можно подумать, кроме него там нет врачей! Матвей, подай мне салат.

– Приходите, родители будут рады, – снова улыбнулась Оксана. – Но у нас-то что может быть интересного? Всё одно и то же. А вот человек вернулся из заграницы! – она посмотрела на Матвея, подняв ладони так, словно протягивала к столу невидимое блюдо. – Расскажи нам про жизнь за океаном, про то, какие люди там живут.

Матвей не хотел ничего рассказывать. Только не им.

– Жизнь как жизнь, – ответил он. – Люди как люди. Сложены из тех же органов. Болеют теми же болезнями.

– Ты нам про болезни, что ли, собрался рассказывать? – возмутился Антон. – Нашёл, чем удивить! Скажи лучше, а правда, что все американцы тупые?

– А все русские умные? – спросил Матвей, вместо ответа. – Я не верю, что ум – национальная черта.

Антон ничего не сказал, лишь недовольно скривил губы.

– Чем-то же мы отличаемся? – спросила Оксана. – В плане мышления.

Матвей пожал плечами.

– Я бы сказал, что американцы не привыкли думать наперёд. Обычный средний гражданин не видит в этом необходимости. Они живут более расслабленно, что ли.

– Я же говорю – тупые, – отозвался Антон.

– Да не тупые они, – объяснял Матвей. – Просто иначе смотрят на жизнь. Чувствуют себя свободнее. Американцу, например, проще сменить работу или переехать, поэтому они живут с ощущением, что весь мир перед ними открыт. Русский сильнее привязан к месту. И более замкнут. Хотя оно, конечно, понятно. У русского совсем другие условия.

– Вечно ты всех защищаешь! – с досадой отозвалась Оксана.

– А ещё он рассказывает как-то со стороны, – вставила Люба. – Как будто сам не принадлежит ни к русским, ни к американцам.

– Я тоже заметил! – крикнул Антон. – Да он зазнался! Небось давно себя американцем считает, а нам тут впарива-

ет!

Он уже не мог говорить спокойно. Но Матвей относился к его шуму, как отнёсся бы к слишком громкому голосу медсестры в приёмном отделении.

– Нет, не считаю, – ответил он и вдруг усмехнулся сам себе. – Я уже не помню, кто я. За всё это время кого мне только не доводилось лечить: и мексиканцев, и греков, и китайцев. Кого в Штатах только нет, а белых американцев, кстати говоря, не так много.

– И кто из них щедрее? – спросила Оксана.

– В каком смысле?

– Ну кто больше благодарит за помощь? Китайцы, греки или там негры?

– Меня не интересуют деньги пациентов, – ответил Матвей, пытаясь подавить раздражение. – Да и национальность не интересует. Я привык помогать всем.

– Не рассказывай сказок! – шумел Антон. – Знаем мы, кому врачи в Америке помогают. У кого страховка есть! Остальные идут лесом.

– А что? Может, оно и лучше, – рассуждал Толик. – А то у нас по больницам шастают все кому не лень.

Матвей молчал. Он мог бы сказать, что лечил тех, кто не в состоянии себе купить даже бинты с аспирином. Но зачем? Его приятелям такие поступки покажутся обычной глупостью.

– Вот-вот! Там и за здоровьем своим следят, потому что

лечиться – дорого! – произнёс Антон как тост и выпил залпом.

– У нас в частных клиниках, знаете ли, тоже не дёшево, – заметила Люба.

– И правильно! – рявкнул Антон, ещё корчась от алкоголя. – Хотят качественного обслуживания, пусть выкладывают шекели!

– А ведь сам Гиппократ говорил, что нельзя лечить бесплатно, – вспомнил Толик, поправляя очки. – Потому что тогда пациент перестанет ценить своё здоровье, а врач свой труд.

– Что бы ни говорил Гиппократ, – сказал Матвей. – Лично я давал слово лечить всех, кому нужна помощь.

– Какое благородство! – съязвила Оксана.

Упершись руками в стол, она глядела на Матвея так, будто они были одни.

– Благородство здесь ни при чём, – сухо ответил он. – Это мои прямые обязанности. Я врач.

– А мы что не врачи, что ли?! – взревел Антон и ударил по столу кулаком. – Или, по-твоему, врачи только хирурги, а остальные так, вешалки для белых халатов?

Антон никогда не умел пить. Он быстро захмелел и стал смотреть на Матвея с хищной злостью. В другой раз Матвея бы это зацепило. Он бы выволок приятеля на свежий воздух и мигом протрезвил, уронив лицом в мокрые осенние листья. Но сейчас скандал был никому не нужен.

Матвей долго на него смотрел, а потом обратился к Толику:

– Подай мне виски.

Толик боязливо захлопал глазами под очками. Потом, стараясь не пересекаться взглядом с Антоном, взял бутылку, которая была от того в опасной близости, и передал Матвею.

Оксана, видя, к чему идёт, поспешила заговорить о другом.

– А какие в Америке женщины? – спросила она громко. – Правда, что они все жутко некрасивые?

Матвей поглубже вдохнул и повернулся к ней, случайно угодив взглядом в сочную грудь, полукружьями виднеющуюся в глубоком вырезе кофточки. Он тут же поднял глаза на лицо Оксаны, но было поздно. По её шельмоватой улыбке понял, что именно этого она и добивалась, когда выбирала наряд.

– Все они разные, – сказал Матвей, припоминая, о чём был вопрос. – Белые, темнокожие, азиатки. Некоторые очень красивые, некоторые – *не* очень. Как и везде.

– Но здесь-то миленьких явно больше?

Матвей пожал плечами.

– Да, если ты так хочешь.

– А на самом деле?

– А на самом деле, я не знаю. Я был слишком занят и не успевал сравнивать.

– Скажи ещё, что ты совсем на девушек не смотрел! –

усмехнулась Оксана.

Мама с любопытством взглянула на него, пригубив вино из своего бокала.

– Почему же, смотрел, – ответил Матвей. – На некоторых даже засматривался. Но меня больше интересовали тела без одежды.

Парни одобрительно загудели.

– А иногда и без кожи, – добавил Матвей.

Антон загоготал на весь дом, так, что куций смех Толика почти совсем затмился. Люба фыркнула, мама поморщилась, а Оксана сузила и без того узкие глаза.

– Шут.

– Да ладно тебе, Ксюнь, – сказал Толик. – Я хоть и не был в Америке, а уверен, что наши женщины самые красивые. Что ты его слушаешь вообще? На него уже давно нельзя положиться в этом деле.

– Точно-точно! – подхватил Антон. – Он как со своей Аликой связался, так напрочь забыл, что в мире существуют другие бабы. Если бы я не знал его с детства, подумал бы о нём самое скверное.

Имя, произнесённое вслух пьяными устами, заставило Матвея вздрогнуть.

– Кстати, молодец, что бросил её! – продолжал Антон. – С ней ты совсем в каблука превратился.

Матвей посмотрел на Антона так, что тот на миг удивлённо, если не испуганно, скривил бровь.

В последний раз они дрались на втором курсе. Матвей помнил это очень чётко. Сцепились из-за какой-то ерунды. Их быстро растащили, пока никто не успел настучать в деканат, но кровавые сопли, падающие из разбитого носа Анто́на на белоснежный халат, закрепили за Матвеем негласную победу.

– Я её не бросал, – выговорил он, потом махом плеснул всё, что было в его стакане, в рот и проглотил, не почувствовав вкуса.

– Без разницы – ты её или она тебя, – морщил нос Анто́н. – Разошлись и хорошо. Она плохо на тебя влияла. Никуда одного не пускала, вечно таскалась хвостом. И всё водила тебя по своим музеям, театрам. Любительница искусства, интеллигентка! Всё прикидывалась, что не от мира сего.

Он повертел ладонью возле головы.

Матвей молча сжал кулаки.

Почему бы ему не вышвырнуть из квартиры этого болвана? Не съездить разок по его перцово-красной морде? Разнимать их будет некому. Женщины не полезут, а Толик всегда так боялся и Матвея, и Анто́на, что мог только причитать, когда они набрасывались друг на друга.

– Да она точно была не в себе! – подтвердила Люба. – И язва та ещё.

– Вот именно! Смотрела на нас, как на дебилов. Высокомерная...

– Анто́н! – вскрикнула мама.

Её голос, насквозь пронзённый тревогой, отрезвил Матвея, как неожиданная острая боль. Он выдохнул, расслабленно откинулся на стул, хотя секундой назад готов был вскочить с места и устроить драку, и, повернув голову, увидел маму. Она сидела, чуть подавшись вперёд, нервно выпрямив спину и так надавливая ладонью на край стола, будто могла этим заткнуть Антону рот.

Матвей повторил себе, что скандал никому не нужен. Пара синяков или даже рассечённая скула Антона не стоит того, чтобы до побеления напугать мать. Он велел себе дышать ровнее, разжал кулаки и уселся поудобнее (стулья из прошлого комплекта однозначно были лучше, эти – сплошное мучение для его длинных ног). На Антона он больше не взглянул.

Оксана глубоко вдохнула, поглядела в свою тарелку, сердито поведив сжатыми губами, но ничего не тронула вилкой.

– Какой бы ни была эта рыжая лисица, – выговорила она, – но устроилась так, что только позавидуешь. А муж-то у неё! Не знаю, под какой счастливой звездой надо родиться, чтобы так в жизни везло.

Повисла тишина, способная разорвать барабанные перепонки. Слова попали в голову Матвея и кружились там, упорно не давая ему вникнуть в смысл фразы. Одно только слово запечатлелось чётко и прочно, готовое воплотиться в живое существо.

– Муж? – произнёс Матвей, и пол зашевелился у него под

ногами.

– Да, – ответила Оксана, подняла на него глаза, и её реснички часто-часто задёргались. – Погоди, а ты что, не знал, что она вышла замуж?

– Нет, – ответил Матвей, не слыша своего голоса.

Глаза Оксаны распахнулись шире.

– Да ладно! – протянула она.

И по тому, каким восторгом для неё это обернулось, Матвей понял – Оксана удивляется искренне. А впрочем, если бы она знала, какое оружие есть в её арсенале, то нашла бы более эффектный способ им воспользоваться.

Оглушённый, как от выстрела, Матвей повертел головой и заметил, что мама как-то неестественно долго и неподвижно смотрит вглубь кухни. В нём сначала тенью проскользнула, а потом возросла и затвердела страшная догадка: мама обо всём знала! Знала и молчала!

Матвей отвёл взгляд, стараясь не делать резких движений. Ему неистово захотелось опрокинуть этот чёртов стол, на котором они с Аликой столько раз занимались любовью, перебить посуду, всех выставить за порог. И никогда, никогда больше не разговаривать с матерью!

Но вместо этого он лишь сел поровнее, кашлянул, прочищая горло, и сказал:

– Что ж, рад за неё.

И разом отсёк все мысли об этом.

Профессия дала ему нечто большее, чем чисто медицин-

ские знания. Она дала ему топор, который срубаёт все эмоции, как мачете тропические заросли, ведь врач не имеет права что-либо чувствовать, когда борется за жизнь пациента.

В больнице Матвей так часто видел чужие страдания, что привык не обращать внимания на свои собственные. Заталкивать поглубже в себя боль, страх и растерянность стало для него привычкой сродни профессиональной обязанности. Невозможно спасти человеку жизнь, если ты плачешь над его раскроенным черепом. Нужно действовать. Всё, что способно заставить руку со скальпелем вздрогнуть, нужно забить в самый тёмный уголок сознания и заставить сидеть там тихо, пока не снимешь перчатки и, наедине с собой, не позволишь себе это пережить.

О такой стороне работы врача отец ему не рассказывал.

Сначала Матвею она давалось плохо. Он паниковал и каменел, когда перед ним в крови и поломанных костях разворачивались самые страшные человеческие трагедии. Но теперь он безупречно освоил медицинское хладнокровие.

И тем не менее, что-то заныло внутри. Не боль, а лишь неясный призрак боли. Ноющая пустота там, где должна быть боль.

Все свои силы, весь разум, расслабленный алкоголем, Матвей направил на то, чтобы осторожно вертеть в руках круглый стакан с остатками виски и двумя истончившимися кубиками льда. Закруглённым ребром он ходил под его ру-

кой вправо-влево в то время, как в голове Матвея ещё жужжало слово, перечеркнувшее все планы на счастье. Но теперь слово это для него уже не было опасно. Он повторил его про себя столько раз, что оно разбилось на набор ничего не означающих звуков, и перестал обращать на него внимание.

Глава 4.

Вечер закончился быстро. После чая с маминым пирогом, к которому Матвей даже не притронулся, ребята стали собираться по домам.

Антон погрузили в такси. Толик поехал с ним, чтобы не дать новым приключениям дополнить его и без того бедовую биографию. За Любой заехал молодой человек (кто бы мог подумать, что у неё есть молодой человек!). Оксана уезжать не торопилась. Матвей разгадал её желание, и предложил проводить.

Мама долго не отпускала Оксану в прихожей, пытаясь в последние минуты вместить всё, что она не успела рассказать за столом. Матвей понял, что рано надел пальто. Как и Оксана, у которой над верхней губой выступили капельки пота. Она слушала Веронику Николаевну, до максимума раздвинув веки, и мелко кивала, точно при эссенциальном треморе головы.

На улице совсем стемнело и похолодало. Ветер выбивал из волос остатки домашнего тепла, скользил по шее, охлаждал рубашку так, что она казалась мокрой, но после выпитого виски Матвея это мало беспокоило.

Оксана надела шапку и обмотала вокруг шеи тёплый платок.

– Не боишься отит подхватить, красавчик? – спросила

она. – Весь нараспашку.

Матвей усмехнулся.

– Нет, если только моим лечащим врачом не будет Антон.

Оксана засмеялась и посмотрела на него так, что стало понятно – курс у неё намечен, и с этого курса её не сбить.

– Тебе к метро? – спросил Матвей.

– Тут всего пара станций, – ответила она. – Можно пройтись пешком.

Матвей пожал плечами.

– Идём.

Оксана шагнула к нему поближе, взяла за локоть и подсунула под него свою руку. Матвей не сопротивлялся.

– Эх, Матвейка! – выдохнула она, отчего её плечи и грудь заметно опустились. – Какой же ты счастливый!

– Считаешь?

– Конечно, ты же живёшь в Америке! – её пальцы крепче стиснули его предплечье. – Да ты даже не понимаешь, как тебе повезло!

Матвей ничего не ответил. Если бы Оксана прошла хоть через четверть того, через что прошёл он, она бы даже не заикнулась о везении.

– Ни за что не поверю, что тут лучше, чем в Штатах! – сказала она. – Даже в то, что тут так же, не поверю. Это ты специально говоришь, чтобы мы не завидовали. Чтоб не сглазили!

Матвей усмехнулся.

– Глупости всё это.

Недавно прошёл дождь. Плоские лужи ещё блестели на асфальте, подобно разложенным на дороге стёклам. Деревянные скамейки стояли сырыми, и казалось, если присесть на них, вода начнёт сочиться из дощечек, как из сжатой губки.

– Где ты живёшь сейчас? – спросил Матвей. – Ты же раньше жила...

Он пытался припомнить и не мог.

– С родителями на Фрунзенской, – подсказала она. – Это пока училась. Потом вышла замуж и переехала к мужу в Сокольники. А теперь вот развожусь и снимаю квартиру в этом районе.

Она вздохнула и плотно сжала губы. Матвей понимал, что от него ждут каких-то слов утешения, но сказал лишь:

– Ладно тебе, может, ещё обойдётся.

– Нет, не обойдётся, – ответила Оксана. – Да я и не хочу, чтобы обходилось. Пусть катится.

Она выглядела беспечной, а может, такой и была. Оксана не из тех, кто вскрывает себе вены, когда их бросают, а Матвей не из тех, кто любит копаться в чужих проблемах.

– Тебе виднее, – сказал он. – Найдёшь другого.

Оксана сделала большой вдох и подняла лицо к небу, с которого городские огни согнали все звёзды.

– Чем другой окажется лучше этого? – сказала она. – Да и знаешь, если у вас с Аликой всё оказалось ложью, как тут вообще можно поверить в счастливый конец?

Матвей молчал. Он не был откровенен с Оксаной, когда они лежали в одной постели, с чего бы сейчас ему оголять перед ней душу?

— А ведь это было так похоже на то, о чём песни поют, фильмы снимают, — добавила она. — Я даже думала, что ты на ней женишься.

Матвея передёрнуло, как от пощёчины.

Он не смотрел на Оксану, но чувствовал, что она улыбается. Торжествует.

Она его не простила и не простит, пока как следует не изваляет в грязи то, что когда-то было для него всем.

— Ты так изменился, когда стал с ней встречаться, — продолжала Оксана, выговаривая слова негромко, но жёстко, словно втоптывая их каблуками в асфальт. — Мне ты не стеснялся изменять, а тут даже смотреть на других девушек перестал. Сделался вдруг добрым, внимательным. За голову взялся, учиться начал. Конечно! Ей ведь дурачок не нужен был.

— С тобой мы не встречались, — сказал Матвей. — Развлекались, пока не находили кого-нибудь получше. Так что слово «измена» сюда не подходит.

Оксана снова шумно вдохнула, готовясь нанести следующий удар.

— Одно время мне страшно хотелось с ней подружиться, — сказала она. — Но ты не давал нам даже поговорить. Никого близко к своей драгоценной Алике не подпускал, когда при-

водил её на наши пирушки. А потом вовсе перестал приходить. Как ты её оберегал ото всех, – Оксана усмехнулась. – Не сильно тебе это помогло. Уехать не успел, она – фьють! – исчезла.

Матвей остановился. Остановилась и Оксана.

– Маменька моя наплела?

– Рассказала, – поправила она. – Наши мамы дружат, забыл? В бассейн вместе ходят, на йогу. Иногда я составляю им компанию.

– Что она ещё рассказала?

Оксана слегка качнулась на каблуках и не спеша пошла дальше.

– Много всего. Например, что ты всё время работаешь и почти не отдыхаешь. Что девушку себе не нашёл. Что совсем не думаешь заводить семью и ничем не интересуешься, кроме своих пациентов.

Матвей сплюнул на высвеченный красноватыми пятнами фонарей тротуар. Нашла мама с кем его обсудить!

Оксана вновь остановилась и повернулась к нему. Взгляд холодный, змеиный.

– А скажи мне, сероглазый, по старой дружбе, уж не за своей ли Аликой ты вернулся?

Мимо них, хлопнув шинами по мокрому асфальту, проехала машина. Матвею показалось, что она пронеслась прямо по его телу.

– Я приехал в отпуск.

Оксана ядовито улыбнулась.

– Врёшь ведь! Что я не видела, как ты в лице поменялся, когда узнал, что Алика замуж вышла? Да если бы тебя расстреливали, ты бы так не побелел. До сих пор вон вздрагиваешь, когда я об этом говорю.

– Холодно, вот и вздрагиваю.

– Ну-ну.

Оксана зашагала дальше.

– Кстати, откуда ты узнала про неё? – спросил Матвей.

– Случайно получилось. Столкнулись в больнице, где работаю. Я и узнала её не сразу. Что-то знакомое в глазах мелькнуло, потом взгляд этот её насквозь, как будто тебе через глаза смотрят на затылок. Волосы рыжие... И я как-то вдруг вспомнила тебя. Странно даже – сначала тебя вспомнила, а потом уже Алику узнала.

– Она у вас лечится?

– Нет. У нас обследуется мать её мужа. Обычно сын сам мамочку привозил, а тут Алика с ней приехала. Причём главный врач лично следит за тем, как проходит обследование этой пациентки.

– Она какая-то шишка? Чиновница?

– Нет, у неё просто много денег. Она директор консалтинговой компании. Бухгалтерия, аудит, налогообложение – чем-то таким её контора занимается. А муж у неё очень хороший адвокат. И очень дорогой. Главный наш такими связями не разбрасывается – понятное дело – и всячески перед

ними расстилается. Сам же эту аудиторшу в больницу притащил на полное обследование. Надеется, что ему в случае чего окажут услугу по старой памяти. Сынок их тоже юрист, – добавила Оксана. – Тоже преуспевает и, наверное, когда-нибудь дорастёт до папы. Видел бы ты его машину!

– Значит, у Алики всё хорошо? – спросил Матвей, больше ни на что не надеясь.

– Да у неё всё прекрасно! С таким мужем разве может быть плохо? Очень обаятельный. И о жене думает больше, чем о матери, которая подозревает у себя три миллиона болячек. Я не знала, что такие мужчины ещё остались. Другие и кольца обручальные снимают, а тут прямо семьянин-семьянин. Внешне на тебя похож. Такой же худой, темноволосый и очень представительный – костюмчики, рубашечки. Любит эта лисица такой типаж! Только ростом пониже будет. Ты-то вон... какой у тебя рост, кстати? Метр-девяносто пять? Шесть?

Матвей не отвечал и не смотрел, куда вела его Оксана. Пусть хоть напрямиком в ад – всё равно.

Он никогда не подходил Алике. Чёрт знает, каким образом человеку даётся талант, но она точно была одарена свыше. Казалось, Алика смотрит на вещи под другим углом и видит то, что для остальных незаметно. За что бы ни взялась – всё превращала в искусство. Богом в темечко поцелована.

А Матвей что? Ну врач. Ну хирург. Но ведь кроме своей работы, он ни в чём не разбирается, ничего не умеет.

– Только вот выглядит она странно, – сказала вдруг Оксана. – Бледная, вся какая-то тонкая. Нет, она и раньше была худышкой, а тут прямо до прозрачности. Может, диетами себя изводит?

– Вряд ли, – ответил Матвей. – Алика ни дня своей жизни не сидела на диете.

Он слабо усмехнулся. Она бы и двух дней не продержалась без сладкого. В верхнем ящике стола у неё всегда пряталась шоколадка или упаковка мармеладных мишек. Алика говорила, что слишком много думает, а для мозга полезна глюкоза.

Оксана безразлично повела плечами.

– Я особо не лезла. Но главный тоже это заметил, предложил ей воды и спросил, не хочет ли она сдать анализы.

– Думаешь, она может быть беременна? – спросил Матвей, схватив Оксану за запястье.

Оксана остановилась, посмотрела на него, приподняв одну бровь. Матвей тут же разжал пальцы.

– Я ничего не думаю, – сказала она. – Главный ей предложил, не я. Хотя, если тебе интересно, такое возможно. Почему нет?

Матвей с трудом втянул в себя воздух. Он вернётся в Штаты первым же рейсом. Благо даже чемодан не успел разобрать.

– Но Алика сказала, что её ничего не беспокоит, – продолжила Оксана. – Мол, на работе какие-то встряски.

– Возможно, – отозвался Матвей, ему чертовски захотелось курить. – У журналистов нервная работа.

Оксана наморщила лоб.

– А причём тут журналисты?

Матвей окинул взглядом улицу. Ни одного чёртового магазина до самого перекрёстка вдали. Что за район такой?

– Ну как же, – сказал он, думая, где достать сигарет. – Алика ведь училась на журналиста. Уже должна была закончить институт. Наверняка сейчас работает в каком-нибудь издательстве.

– Уж не знаю, где она там училась, – ответила Оксана. – Но она точно не журналист.

– То есть как?

– Вот так. Ни в каких издательствах она не работает.

– С чего ты взяла?

– Мамаша её мужа рассказывала. Она вообще любит поговорить. А ещё больше – пожаловаться.

Матвей замотал головой.

– Тут что-то не сходится. Алика училась на журфаке и мечтала об этой работе. Да ей меня было проще бросить, чем журналистику!

– Говорю тебе, она не журналистка!

– А может, ты просто ошиблась? Обозналась?

– За дуру меня держишь? – спросила Оксана, глядя ему прямо в глаза. – Это была твоя Алика. Я с ней разговаривала!

Матвей выдохнул.

– Ладно, допустим. Возможно, она после института не пошла ни в газету, ни на телевидение. Тогда чем она занимается? Неужели всерьёз взялась за писательство?

Оксана посмотрела на него разочарованно, как на глуповатого ребёнка.

– Она работает на маму своего муженька. Мамаша считает чужие деньги, а Алика у неё кто-то вроде помощника или секретарши.

Матвей так удивился, что даже рассмеялся.

– Секретарша? Ты серьёзно?

– Серьёзно.

– Да перестать! Где Алика и где – что ты там говорила? – бухгалтерия с аудитом?

Оксана назидательно качнула головой.

– Знаешь ли, мой дорогой, наступают моменты, когда поэты берутся за лопаты.

– Бред какой-то! – выдохнул Матвей. – Я даже представить этого не могу.

– Не представляй. Да только её всё равно, кроме как по знакомству, никуда бы не взяли.

– Это ещё почему?

– А в какое приличное место возьмут с таким братцем?

У Матвея дёрнулось сердце.

– А что с её братом? – вымолвил он, снова остановившись.

Оксана сделала шаг вперёд, обернулась.

– Ты и про это не в курсе?

– Да откуда я могу знать, что тут происходит?!

– Потихонечко, – сказала Оксана и подошла к нему. – Брат её ввязался в гнусную историю. Кого-то изнасиловал, кого-то избил или ограбил. Очень запутанное дело, – Оксана некрасиво сморщила лицо. – Мамаша-аудиторша говорит, ему светил большой срок, но Алика постаралась и вытащила его. В итоге дали условно.

Мимо прошла молодая пара. Ветер выхватил и донёс до уха Матвея усмешку из чужого, весёлого разговора.

Матвей долго смотрел на Оксану, но ничего не говорил. Услышанное не умещалось в его голову, словно огромный рояль в кладовку.

– Не может быть, – прошептал он, а потом добавил уже громче, осознанней: – Это просто не может быть правдой. Пашка на такое не способен.

Оксана закатила глаза и стукнула каблуками.

– Откуда ты знаешь, на что он способен, а на что нет?

– Я – знаю!

Матвей смотрел на Оксану, судорожно соображая, как передать всё, что знает о Пашке, как рассказать, какой он светлый, добрый парень, но не найдя в её глазах и капли сострадания, одёрнул себя. Ничего не сказал. Накрыл лицо замерзшими ладонями.

– Нет, – повторил он. – Я не верю.

– Да ты ни во что не веришь! Всё тебе кажется, что твои Садовские идеальные. А я вот, например, очень даже верю,

что этот Пашка оказался подонком. Он же сирота – кто его там воспитывал?

Матвей едва сдержался, чтобы не схватить Оксану за плечи и не встряхнуть, что есть силы.

– Я его воспитывал, – сказал он и, не вынося больше змеино-го взгляда, отвернулся и зашагал дальше.

Оксана поспешила за ним.

– Ты-то здесь при чём? Ты ему не отец.

Матвей глубоко вдыхал холодный октябрьский воздух. Он должен успокоиться. Должен взять себя в руки.

Пашка. Гибкий подросток с искренней улыбкой и таким пронзительно-добрым взглядом, что сердце раздирает жалость. Матвей всё переживал, каково будет Пашке во взрослом мире. Голову ломал – как защитить его от несправедливости, лжи и бездушия некоторых людей? Чем помочь?

И вдруг, словно видение, перед Матвеем снова предстала Лена. Он увидел её всю до мелочей. Казалось, можно разглядеть узор платка, который она повязывала на голове наподобие тюрбана. Горло схватывало от подступавших рыданий.

Он слишком многое пытался удержать внутри. Запрятать поглубже, чтобы не дать чувствам разгореться. Но всегда наступает минута, когда переживания оказываются сильнее, захватывают целиком, лавиной, как повстанцы осаждённый город. И ничего нельзя сделать, пока не проживёшь всё это до последней капли.

Но только не сейчас. Только не при Оксане.

Матвей коснулся рукой своего лица. Оно было сухим. Тогда он вдохнул так глубоко, что казалось, улица спиралью закрутилась возле его ноздрей.

Оксана наблюдала молча, едва переступая с ноги на ногу – стоять на месте становилось холодно.

Не торопясь, они пошли дальше.

– Пашке было тринадцать, когда я впервые пришёл к ним в дом, – сказал Матвей, но не ясно – Оксане или себе самому. А может, призраку Лены, который не отпускал его весь вечер. – Дурацкий возраст, гражданская война гормонов. Но не помню, чтобы он хоть раз мне нагрубил. Или своей тёте. Золотой парень. В нём не было ни злости, ни жестокости – ничего, что могло бы превратить его в преступника. Нет, он бы так не поступил.

Матвей уже забыл про Оксану, как вдруг она подала голос:

– Зря ты его защищаешь. Прости, конечно, но ты никогда не разбирался в людях. А подростки – так их вообще невозможно понять. Кто знает, что у него на уме? Может, раз он такой бесхребетный, решил однажды отомстить всем, кто его обижал? Сколько таких случаев было. Терпит, терпит, а потом находит где-нибудь пистолет и всех расстреливает.

Матвей не сразу понял, о чём она говорит. Снова остановился, взгляделся в её лицо и всё, что увидел там – совершенная пустота. Ничего она не поняла. Да и чёрт с ней.

– Ты знаешь, где они сейчас живут? – спросил он.

– Кто? Алика с мужем? Разумеется, нет. Откуда мне

знать? В больнице должен быть адрес аудиторши, но они точно живут отдельно, – она посмотрела на Матвея, прищурив узкие глаза. – Ты всё-таки собрался с ней повидаться?

– Раз уж приехал, поздравил бы с замужеством.

– Нужны ей твои поздравления! Небось, видеть тебя не хочет.

– Возможно. И всё же. Ты не запомнила, где она работает?

Оксана пожала плечами, глядя себе под ноги.

– Нет. Знаю только, что фамилия её начальницы – свекрови то есть – Игнатова. Ольга Валерьевна, что ли. Или Витальевна.

Больше они не говорили ни об Алике, ни о Пашке. Оксана рассказала про некоторых одноклассников, кто на ком женился, где работает, сколько получает чистыми, сколько несут «благодарностями». Матвей почти не слушал.

– Здесь я теперь живу, – сказала Оксана, подводя его к дому.

Матвей огляделся и не сразу узнал район в темноте влажной осенней ночи. Всё-таки многое за пять лет изменилось.

Оксана сделала шаг к нему и оказалась совсем близко.

– Холодно. Может, поднимешься?

Посмотрела в глаза настойчиво, определённо. Её пальчики, затянутые в кожаную перчатку, играясь потянули пуговицу на его пальто.

– Ты хочешь, чтобы я поднялся? – спросил он.

– А почему нет?

– Значит, ты на меня не в обиде?

Оксана пожала красивыми широкими плечами.

– Столько лет прошло. Глупо вспоминать.

Матвей усмехнулся про себя.

– И потом сейчас мы оба одиноки. Нам обоим пойдёт на пользу хотя бы простое, дружеское участие.

А почему бы в самом деле не подняться? Что он потеряет? Ведь в студенчестве всё получалось точно так же: их с Оксаной пути пересекались, когда обоим не к кому было идти. Так почему бы сейчас не согласиться?

Оксана потянулась на носочках и поцеловала его в сомкнутые губы.

– Прости, Ксюнь, – выговорил Матвей, когда она, не дождавись ответа, отступила. – В другой раз. Я ещё не пережил смену часовых поясов. Не дуйся.

Глава 5.

Только-только проснувшееся солнце запустило лучи в огромные окна зала вылета и окрасило волосы Алики в красный. Она стояла, временами вздрагивая и обхватывая себя за плечи, будто попадая под поток холодного ветра.

Веки её словно обвели розовым карандашом. Бессонная ночь забрала все силы, и слёзы беспрерывно струились по щекам. Она, стыдясь их, прятала лицо у Матвея на груди.

Матвей прижимал её к себе сильнее, целовал рыжий затылок, пытаясь надышаться терпким, даже резковатым, ароматом, в котором нотки её духов – сильных для женщины, но слабых для мужчины – смешивались с нежным запахом её кожи.

– Ты ведь дождёшься меня? – шептал он ей в волосы. – Это всего лишь на год. Кажется, долго, но время пройдёт быстро...

– Матвей, не надо, – голос глубокий, чуть ниже, чем ожидаешь услышать, глядя на неё. – Мы уже столько раз об этом говорили...

– Столько, что можем и ещё раз!

Её голова зашевелилась, заходила из стороны в сторону.

– Я не дам тебе никаких обещаний, – проговорила Алика, подняв лицо. – И твоих никаких не приму. Ты ведь знаешь, что для меня значит слово.

– Знаю, потому и прошу его дать!

– Матвей... – она произнесла его имя негромко, но так, что её тягучий, как расплавленное олово, голос залил собой всё пространство вокруг них. – Не будем загадывать. Что угодно может произойти...

– То, о чём ты думаешь, произойти не может! – уверял он. – Со мной точно. Мне никто кроме тебя не нужен, как ты не понимаешь!

– Понимаю. Но ты уезжаешь не на две недели...

Голос изменил ей, сорвался в самом конце. Она дотронулась ладонью до горла.

– На сколько бы ни уезжал! – поспешил сказать Матвей. – Я люблю тебя и буду любить всегда.

Он нечасто произносил такие слова, оттого и выходило как-то нелепо.

В ту минуту Алика была всем его миром. Расставание колело сердце, и болезненный спазм, точно переносясь с кровью, расходился от груди к плечам и дальше – по рукам, а затухал лишь в кончиках пальцев.

– Ты приедешь ко мне? – спросил он.

Алика только кивнула, снова коснувшись виском его груди.

– Я тоже попробую приехать. Ближе к Новому году. И буду часто звонить, не удивляйся, пожалуйста, – раз по сто в день, – тараторил Матвей, стараясь болтовнёй приободрить и себя, и её. – И ты мне звони, прошу тебя! Всегда, как будет

свободная минутка. Днём или ночью – всё равно.

– Ты едешь не к тётушке в гости, – напомнила Алика. – У тебя не будет времени на постоянные звонки.

– Будет! Я готов не спать, но твой голос хочу слышать постоянно, – он наклонил голову и лбом коснулся её лба.

Матвей молился про себя, чтобы вылет задержали. Чтобы дали ему ещё немного побыть с любимой.

Эта стажировка представлялась недостижимой целью, идеалом, к которому нужно стремиться, но до которого невозможно добраться. Он не очень-то верил в неё, даже когда его кандидатуру одобрили. Ему до последнего казалось, что что-нибудь случится и он никуда не поедет. А теперь он стоит в аэропорту и через считанные минуты расстанется с Аликой на целый год. Двенадцать месяцев без неё. Три месяца лета, три – осени, три – зимы и три – весны. Если разделить это время, кажется, что действительно не так долго. Четыре раза по три месяца. Целый год.

– А может, не ехать никуда? – повторил Матвей вопрос, которым ежедневно задавался, получив приглашение в Штаты. – К чёрту эту стажировку!

– Нет, Матвей, – терпеливо возразила Алика. – Ты слишком долго к этому шёл. Нельзя просто взять и всё бросить.

Матвей слышал этот ответ много раз и знал, что Алика устала его повторять. Он посмотрел поверх её головы. Солнце осмелело до того, что выслало в центре зала полосу света прямо между рядами белых сидений. Блестящая солнечная

дорожка, ведущая прочь от терминалов.

– Нужно ли мне туда ехать? Давай я останусь здесь? За-
кончу ординатуру и буду спокойно работать у отца в больни-
це. Мы ничего не потеряем, вот увидишь...

– Матвей, не заставляй меня силой заталкивать тебя в са-
молёт, – оборвала его Алика. – Если ты останешься, то ни-
когда себе этого не простишь. И меня возненавидишь.

– Глупости! Я не смог бы тебя возненавидеть, даже если
бы хотел.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда окажешься в подчи-
нении у отца.

– С отцом сложно, но разве это так важно? Мы с тобой
будем вместе. И всё будет как раньше.

– Послушай меня! – Алика крепко сжимала его руку и вы-
говаривала слова чуть ли не сквозь зубы. – Ты станешь пре-
красным нейрохирургом и поможешь очень многим людям,
я в тебя верю. Только для этого надо постараться, – Мат-
вей хотел возразить, но Алика не дала себя перебить. – Те-
бе нужна эта стажировка! В Москве имя отца будет и твоим
спасением, и проклятьем. К тебе будут относиться как к сы-
ну начальника. Поезжай в Америку, там ты поймёшь, чего
стоишь на самом деле.

– И уехать я должен один?

Алика вздохнула.

– Ты же знаешь, я не могу поехать с тобой, – сказала она
и приложила ладони к его груди. – Сейчас точно не могу.

Матвей сквозь рубашку почувствовал привычную прохладу её рук. Уже давно он заподозрил у Алики проблемы с сосудами, от которых кровь плохо поступала к рукам и ногам, и они почти всегда оставались холодными.

– Конечно, – сказал Матвей, выдыхая после глупой надежды, сошедшей с него, как остатки сна. – Учёба. Ты ведь не бросишь ради меня институт.

– Не только это, – ответила Алика. – Сам подумай, как мы там будем жить? Кто нас будет кормить? Что я буду делать? Вечно продлевать туристическую визу? – она посмотрела на него, склонив голову набок. – Дай мне доучиться. Доучись сам. А там посмотрим.

Матвей нехотя кивнул, потом поймал её руку, поцеловал и привычными движениями стал греть, растирая ладонь. Сколько бы она ни убеждала, что ей не холодно, ему всё равно казалось, что она замерзает.

– Не хотела делать из этого трагедию, но никак не могу перестать плакать, – проговорила Алика, вытирая лицо рукавом кофты.

Матвей улыбнулся, чувствуя, что получается не слишком-то радостно.

– Плачь на здоровье.

Губы Алики дёрнулись, словно кто-то потянул краешек её рта. Она отвернулась и посмотрела в окно. Такая одинокая и слабая, что внутри у Матвея всё перевернулось.

Он не выносил женских слёз. На его счастье в обычной

жизни Алика плакала крайне редко. Зато её могла растрогать книга. Или фильм. А иногда слёзы появлялись на её глазах, когда она смотрела на какую-нибудь картину. И Матвей не всегда понимал, что вызывало в ней переживания там, где другие оставались равнодушными.

Но сейчас он был рад проснувшейся в ней чувствительности. Обнял крепче одной рукой, а другой достал из кармана носовой платок. Своего у Алики, как обычно, не было.

Объявили посадку, а Матвей всё не уходил.

– Пора, – прошептала Алика, головой касаясь его рубашки.

Когда она подняла лицо, то посмотрела на него так, словно верила, что завтра они опять встретятся.

– Ещё немного, – сказал он и поглубже вдохнул такой родной запах её волос.

– Уже не надышимся. Идём.

Она мягко отстранилась и взяла его за руку. Пальцы их переплелись и сжались.

Алика проводила Матвея до пограничного контроля. Слёзы всё текли по её щекам, но теперь она делала вид, что не замечает этого.

Матвей осторожно стёр с её лица мокрые следы. Ему хотелось запомнить каждую мелочь, каждую крапинку на радужке зелёных глаз, каждую веснушку на её носике, с чуть вздернутым кончиком.

Когда он коснулся её щеки, Алика накрыла его руку сво-

ей и потерлась о тёплую ладонь, крепко, как от боли, зажав глаза. Матвей не выдержал – схватил Алику, поцеловал с рвущим сердце отчаянием, дико, как никогда не позволял себе целовать её на людях.

– Я люблю тебя! – зашептал он, едва их губы разомкнулись. – Люблю, слышишь! И уже ненавижу этот год! Но он пройдёт, мы снова будем вместе.

Вместо ответа Алика сама прильнула к его губам. Но только нежно, тонко, затаив дыхание.

Матвей сделал шаг назад, глядя на неё и не решаясь отпустить её руку. Она была так прекрасна. Он хотел запомнить Алику именно такой – нежной, плачущей, совсем не похожей на ту, какой она обычно виделась всем вокруг.

Чуть отойдя, Матвей опомнился, поднёс к губам её руки, поцеловал кончики ледяных пальцев и снова по привычке потёр их.

Ещё шаг, и их руки висят в воздухе. Ещё – и они больше не касаются друг друга.

Матвей сжал пальцы в кулак, пытаясь сохранить ощущение её прикосновения.

Ещё шаг и ещё. Их связывает только линия взгляда.

«Люблю тебя!» – неслышно шепчут его губы.

И я тебя люблю!

Матвей заставил себя отвернуться, но не прошёл и двух шагов – оглянулся.

Алика обхватила себя руками, её волосы растрепались от

его порывистых касаний. Она не накрасилась утром, зная, что тушь растечётся от слёз, и выглядела совсем по-домашнему, будто только что встала с постели и ещё растеряна после стремительного фантастического сна.

Матвей отвлёкся на секунду, пока у него проверяли документы, а когда вновь посмотрел туда, где стояла Алика, её там уже не было.

Глава 6.

Когда Матвей вернулся, родители спали. Он прошёл на кухню, взял из отцовских запасов бутылку виски и заперся с ней у себя в комнате.

Что это? Проверка на прочность? Судьба испытывает, после какого известия Матвей наконец свихнётся?

Лена в могиле. Алика замужем. Пашка в тюрьме.

Матвей запустил руку в волосы и крепко сжал пальцы.

Распечатал бутылку и спустя несколько глотков честно признался себе, что больше всего думает не о Лене или Паше, а об Алике. Ни смерть, ни загубленная в самом расцвете жизнь не пугают его так, как её семейное счастье.

В том, что Алика счастлива, Матвей не сомневался. Она бы не вышла замуж за первого встречного.

Да и за Матвея вряд ли бы пошла. Она заслуживала достойного, надёжного, лучшего. И судя по всему, такого и встретила.

Матвей пил и дразнил себя тем, что Алика теперь принадлежит другому мужчине. Этого другого она обнимает во сне, улыбается, когда он хвалит её платье, смеётся над его шутками. Этот другой слышит её стоны, ласкает её возбуждённое тело. Она выгибается под ним в их общей постели, кусает губы, сжимает пальцами простынь. А потом притягивает его ближе, раскрывается перед ним, впивается ногтями

в его кожу, когда не может справиться с настигнувшим удовольствием.

Виски громко всплеснуло в бутылке, когда Матвей, обхватив губами горлышко, резко её перевернул.

Оксана говорила, Алика как будто беременна. Конечно – она скоро станет матерью! В её теле созревает новая жизнь, восхитительный плод новой любви.

Это мог быть его ребёнок. Но теперь в её матке растёт эмбрион, несущий гены другого мужчины. И с ним Алика будет связана до конца дней своих как ни с одним другим человеком. Только ребёнок способен связать двух людей по-настоящему. Соединить клетки двух организмов в один, подобно сплаву металлов.

Матвею захотелось сделать себе больно. Так больно, чтобы валяться на полу и кричать во всё горло. И будь он сейчас в своих съёмных апартаментах в Филадельфии, разнёс бы к чёрту квартиру, бил бы руками стекло, крушил мебель. Переломал бы себе пальцы, чтобы уже никогда не взяться за скальпель. Он больше никого не может спасти.

Он открыл ноутбук, немного заторможено после всего выпитого за день ввёл свои данные и почти забронировал билет, но в последний момент всё отменил и откинул ноутбук подальше.

Нет, так не пойдёт. Он не может уехать, пока во всём не разберётся.

Бог с ней, с Аликой. То, что она бросила журналистику и

вышла замуж, его не касается. Но Пашка! Пашка его друг, Пашка ему самому как младший брат. Матвей собирал его на первое свидание, объяснял, как надо вести себя с девушкой, как говорить комплименты. Бриться его учил!

Нет, он ни за что не поверит сплетням Оксаны, пока сам не увидит Пашку! Избил ещё ладно – чего только между парнями не случается. Но чтоб тронул девушку!..

Матвей сделал ещё глоток.

Он останется. Не из-за Алики. Нет. Он останется, чтобы найти её брата и посмотреть ему в глаза. И если вдруг окажется, что Оксана права – Пашка пожалеет, что не оказался запертым в тюремной камере.

Только, чтобы найти Пашку, сначала надо отыскать его сестру.

Снова внутри Матвея всё перевернулось и рухнуло куда-то вниз живота. Мысль о том, как им с Аликой когда-то было хорошо, лезла в голову, точно настырная кошка в форточку.

Он выпил ещё виски. Пора завязывать, иначе утром будет умирать от похмелья.

Спрятал бутылку под кровать и оглянулся в поисках ноутбука. Что там Оксана говорила, Игнатова Ольга? Валерьевна или Витальевна?

Вбил в поисковике: «Игнатова Ольга аудит консалтинг», и Всемирная сеть услужливо выдала всё, что имела в своих виртуальных кладовых. Матвей полазил по ссылкам и почти

сразу отыскал нужное. Игнатова Ольга всё-таки Витальевна. ООО «Ad rem».

Ad rem? Что-то знакомое, явно на латинском.

На первом курсе медицинского преподаватель латыни драл с будущих докторов *cutis*², чтобы не дать мёртвому языку сгинуть окончательно. Но эта фраза была на юридической латыни.

Интереса ради Матвей забил её в переводчик. *По существу.*

Кстати, да. Что там по существу?

На сайте Матвей нашёл адрес, часы работы и даже отзывы клиентов. Есть довольные, а есть возмущённые. Интересно, какие из них правдивые?

² Шкура (лат.).

Глава 7.

Пузырьки на кофейной глади напоминали бисер или маленькие рыбы глазки. С выпивкой Матвей вчера всё-таки перебрал. Он чувствовал себя так, словно планета поменяла полярность, и ему никак не удаётся попасть в новый ритм её вращения. Старался дышать глубже, но душное, давящее ощущение в висках и затылке не проходило. Казалось, сосуды в мозге не просто сузились, а ссохлись, превратились в солому, и кровь больше не приносит в голову кислорода.

Есть не хотелось – даже думать о еде не хотелось, – но Матвей знал, чем быстрее поест, тем быстрее перестанет тошнить. Он смотрел на кофе, собираясь с силами для первого глотка.

Из коридора слышалось шуршание, которое поначалу Матвей принял за сквозняк. Оно становилось всё яснее и наконец переросло в звуки шагов. Через минуту в кухню вошёл отец.

– Я думал, ты на работе, – сказал Матвей.

Мама точно куда-то уехала полчаса назад. Матвей ждал, когда она захлопнет за собой дверь, чтобы сходить в душ.

– Да, – отец растирал глаза кулаками, отчего очки переместились на лоб. – Сейчас поеду. Вчера засиделся допоздна, решил сегодня дать себе поспать. Налей мне тоже, пожалуйста.

Матвей встал, чувствуя, как комната и вообще весь мир отплывает в сторону, и, когда всё вокруг снова замерло, оглянулся в поисках чистой чашки.

– На пробежку выходил уже? – спросил папа.

Он присел к острову посреди кухни. Матвей поставил перед ним кружку, и, наливая кофе, попытался вспомнить, когда бегал последний раз или хотя бы привёз ли с собой кроссовки.

– Нет, только собирался.

– Бегать надо, а то разленишься за отпуск, потом себя не заставишь, – сказал отец и пододвинул поближе кофе. – Спасибо.

Матвей кивнул – и соглашаясь, и отвечая на благодарность, и надеясь, что они поговорят о другом. Папа посмотрел на поднимающийся от кофе пар, потрогал кончиками пальцев кружку, но пить помедлил.

– Что там со статьёй? – спросил он. – Тему выбрал?

Матвей взвыл про себя.

– Нет, пап. Не выбрал. И вообще, я пока не собираюсь ничего писать.

– Что-нибудь написать нужно, а то чем ты будешь заниматься целых две недели? Впрочем, можешь приходить ко мне в больницу, чтоб совсем без дела не сидеть. Поконсультируешь немного, поделишься опытом зарубежных коллег.

– Пап, я найду себе развлечение, правда, – сказал Матвей. – Я очень много работал и очень сильно устал за послед-

нее время. Мне нужен отдых.

– Никто ведь не просит тебя оперировать, – сказал папа и отпил кофе. – Отдыхай, кто мешает-то? Только обещай, что найдёшь время и заскочишь ко мне в больницу. На тебя там все хотят посмотреть.

Матвей вздохнул.

– Ладно, пап. Как-нибудь выберу время.

– Вот и хорошо.

Папа вдруг отставил кружку и посмотрел Матвею в глаза.

– Я ещё кое о чём хотел с тобой поговорить, пока мы одни.

– О чём? – спросил Матей.

Он уже не ждал ничего хорошего.

– Михалевич много тебя хвалил, хотя и поругать не забыл, – начал отец. – При маме я не стал говорить. Как бы тебе сказать... Ты хороший врач, Матвей. Но нельзя создавать неприятности человеку, который заботится о твоей карьере. Нельзя бить руку, которая тебя кормит. Ты понимаешь, о чём я?

Матвей набрал в грудь побольше воздуха.

– С доктором Михалевичем, как и с другими хирургами, у нас часто возникают споры, – сказал он. – И это нормально. Это естественный рабочий процесс.

– Да споры спорами, бог с ними, – махнул рукой отец. – Но ведь иногда до споров даже не доходит. Ты просто делаешь то, что хочешь, ни с кем не подумав что-либо обсудить.

– Я делаю не то, что хочу, а то, что *надо*. И обычно мне хватает опыта, чтобы разобраться самостоятельно.

– А что за история с пациентом без страховки? – спросил отец прямо. – Ваша больница отказала ему в обслуживании. Так чего ты полез его лечить?

– Это был молодой парень, иммигрант, которому дали ночью по голове, – ответил Матвей. – Стоило хотя бы убедиться, что ему не нужна операция. Всего-то сделать КТ и заматать голову бинтами. Я не понимаю, какие ко мне могут быть вопросы? Я всё оплатил.

Папа снова притянул к себе чашку, но не пил, а только стучал по ней подушечками пальцев.

– Сын, ты знаешь, я не жадный человек. И ты не жадный человек. Но всех за свой счёт не вылечишь. Если пациенту вашей больницы по какой-то причине отказывают в обслуживании, тебе не за чем идти наперекор начальству.

– Приказа не прикасаться к нему или дать ему умереть не было. Так что ничью волю я не нарушил.

– Матвей, – выдохнул папа, потеряв переносицу за очками. – О чём ты говоришь? Никто не хотел, чтобы он умер. Я о другом. Ты многого добился за эти пять лет. И заметно выдвинулся. Но это не значит, что пришло время своевольничать.

– Если я там чего-то и добился, – сказал Матвей, чувствуя, что разговор пора прекращать, – то как раз за счёт своей самостоятельности и умения нести ответственность. Я

не рискую жизнями пациентов, не красуюсь и не корчу из себя героя. Но если надо помочь – помогаю.

– Матвей, ты ведь всегда был неконфликтным и благоразумным. Вот и сейчас, переходя на новое место, пожалуйста, думай о том, что идёт на пользу твоей карьере, а что нет.

Матвей молчал.

Почему отец решил, что он уже согласился на новое место? Матвей ведь ясно сказал – взял отпуск, чтобы подумать. Да отец, наверное, и не слышал этого. У него в голове карьера сына расписана до самой пенсии.

– Споры с начальством – последнее дело, – продолжал папа. – В них всегда останешься дураком, как бы ни был прав. Конечно, ты теперь врач, хирург, тебя унижает, когда кто-то пытается командовать, но пока ты сам не станешь заведующим, придётся с этим мириться.

Матвей поднялся. Почти полная кружка кофе отправилась в раковину.

– Пойду бегать.

– А вот это правильно, – сказал папа. – Который там час, кстати? У-у-у. Пора собираться, в двенадцать у меня совещание.

Матвей пошёл в свою комнату и лёг на кровать. Потолок отплыл немного вправо, но потом вернулся обратно.

С отцом всегда было непросто, а теперь он наслушался Михалевича и стал совершенно невыносим. А ведь как раз Михалевич вытянул на свет эту историю с иммигрантом.

Другим начальникам нет дела, чем занимается и кому помогает доктор Филь, если больнице не приходится за это платить.

Тошнота из пустого желудка карабкалась к самому горлу. Надо поесть. Сейчас отец уедет на работу, и Матвей спокойно позавтракает. На миг он даже задумался о пробежке, но она скорее добьёт его, нежели оживит. А свои кроссовки последний раз он видел в больнице. Неужели всё-таки забыл? Немного отдохнёт и посмотрит в чемодане.

Ему бы поспать ещё, да разве можно уснуть, зная какая встреча ждёт вечером?

Глава 8.

Такси остановилось возле громоздкого бизнес-центра, собранного из голубоватых стекляшек, за полчаса до конца рабочего дня. Нелогично маленькую для такого здания стоянку и узкую дорогу вдоль фасада, заполнили припаркованные машины, втиснутые в каждый сантиметр асфальтированного пространства.

Матвей, поглубже вдохнув, вошёл в прозрачные двери здания. В таких местах он чувствовал себя неловко. Все эти люди в деловых костюмах, эта офисная аккуратность и чистота так не похожи на то место, где работает он. В больнице сам воздух напряжённее, острее, жёстче. А чистота и стерильность там заканчивается с первой открытой раной.

Матвей направился к стойке информации. Девушка с заплетёнными по кругу волосами и синим шейным платком улыбнулась ему, оторвавшись от своих дел.

– Чем могу помочь?

Матвей тоже улыбнулся и, по блеску её глаз вспомнив, как действует на женщин его улыбка, сразу почувствовал себя увереннее. Уточнил, чуть понизив голос, здесь ли офис компании «Ad rem».

Да, на третьем этаже.

Хорошо.

Потом, надеясь не показаться девушке подозрительным

(или хотя бы пусть она подумает, что он полицейский, а не психопат), Матвей спросил, пользуются ли сотрудники только этим выходом или в здании есть ещё, и узнал, что *вход и выход из здания осуществляется только по электронным пропускам и через вон тот турникет.*

Прекрасно.

Матвей ещё раз улыбнулся и, прихлопнув ладонью по стойке, пошёл к выходу. Лучше он подождёт Алику на улице.

Возле высоких дверей вокруг урн курили люди в строгой офисной одежде, начхав на зачёркнутые сигареты прямо у них над головами. От табачного дыма Матвею самому захотелось курить. Он поискал глазами, где можно присесть, но на тротуаре, до половины занятом капотами автомобилей, что в одну, что в другую сторону, не было ни одной скамейки.

Он точно проморгал бы Алику, если бы взгляд не вырвал из окутавшей его стеклянной серости алое пятно наброшенного на плечи, разлетающегося на ходу пальто.

Матвей не сразу узнал её. Сначала только обратил внимание на внезапно возникшую из пустоты яркость, а потом заметил что-то знакомое в походке, движениях, наклоне головы с тёмно-рыжими, скрученными в тугой пучок волосами.

Она шагала быстро, почти бежала, придерживая одной рукой край пальто, глядя на узкую полосу асфальта у себя под ногами. Ещё немного, и она скроется за углом здания, в переплёте внутренних дворов, не заметив Матвея и даже не

узнав, что он видел её.

– Алика.

Голос подвёл, прозвучал слишком тихо, чтобы его услышать в городском смешении звуков – слякотном чавканье резины по асфальту, урчании автомобильных моторов и кондиционеров.

Матвей кашлянул и, торопя оклик вослед удаляющейся фигурке, произнёс громче, чётче:

– Алика!

Она остановилась и даже чуть отшатнулась назад, точно перед её ногами на бордюр упал цветочный горшок или прощмыгнула крыса. Матвей поспешил к ней, но, приблизившись, невольно замедлил шаг.

Она стояла, не оборачиваясь, лишь слегка повернув голову в сторону, откуда слышала своё имя.

Он остановился на вытянутую руку от её спины. Между ними – стена, пропасть, неизвестность. И если бы кто-то сказал, что их с Аликой разделяют всего полтора шага, он ни за что бы не поверил.

Наконец она обернулась, вздёрнув подбородок и выпрямив спину. Но её зелёные глаза смотрели на него так, словно однажды видели, лежащим в гробу.

– Привет, – произнёс Матвей.

Улыбаться бессмысленно – Алика не улыбнётся в ответ.

– Здравствуй.

Матвей не верил себе. Что это – сон? Или он правда вер-

нулся? Перелетел океан и стоит напротив Алики? И Алика ли это? Если да, то почему она так на себя не похожа?

Он вглядывался в неё, пытаясь понять, что изменилось. Та же фигура, лицо, волосы... но что-то не так. Вся она словно фарфоровая, застывшая, безучастная. Взгляд – осколок разбитой вазы. Нервно сжатые сухие губы искусаны до ранок с запекшейся кровью.

– Давно приехал? – спросила она.

– В субботу, – ответил Матвей и зачем-то уточнил: – В ночь на воскресенье.

Алика кивнула, сначала приподняв подбородок.

– Слышал, ты вышла замуж, – выпалил он и тут же почувствовал себя дураком.

Алика снова кивнула.

– Да, вышла.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Мимо спешили прохожие. Чтобы не мешать, Матвей и Алика на полшага подвинулись к припаркованным автомобилям, почти коснувшись ногами фар. Алика позаботилась, чтобы разделявших их с Матвеем сантиметров не стало меньше.

Матвей припоминал, что у него была какая-то цель, когда он шёл сюда. Но увидев Алику, больше не мог думать ни о чём, кроме как о самой их встрече. Он ждал этого пять лет. Порой даже не верил, что однажды они увидят друг друга. А

теперь Алика стоит перед ним, но уже решительно повзрослевшая и словно бы вовсе незнакомая. Злится ли она, презирает, ненавидит – что-то внутри него всё равно хотело оставаться возле неё как можно дольше.

– Может, сходим куда-нибудь? – предложил он. – Где можно посидеть и спокойно поговорить?

– Нам есть о чём разговаривать? – спросила Алика, то ли с усмешкой, то ли с вызовом.

– Да, есть.

– Не думаю.

Плечи её резко развернулись, пола пальто, подхваченная ветром, описала полукруг.

– погоди!

Матвей шагнул вперёд и схватил её за запястье. С минуту они стояли, глядя друг другу в глаза, оба поражённые, что расстояние между ними оказалось так легко преодолеть.

Рука под его пальцами напряглась, сжимая ладонь в кулак.

– Аль, я не скандалить приехал, – сказал Матвей, отважившись назвать её прежним ласковым именем. – Мы ничего друг другу не обещали, и я ни в чём тебя не виню. Я хочу просто поговорить.

Алика посмотрела на него, думая поверить или нет, потом отвернулась, забегала глазами по зданию, возле которого они стояли, будто считала окна.

– Прости, я тороплюсь, – сказала она.

Тонкая шея вытянулась, проглянула в остром разре-

зе блузки ложбинка между ключиц. Матвей почувствовал странное, сохранившееся в глубинах памяти, смутное и самому непонятное до конца желание коснуться этого места губами.

– Я не отниму много времени, – произнёс он непослушным языком.

– Сейчас я на самом деле спешу.

Матвей посмотрел ей в глаза. Она не врала.

Алика уже не пыталась убежать, но он продолжал держать её за руку, и знакомый бодрящий холодок её пальцев подтверждал реальность их встречи.

– Хорошо. Когда ты не будешь спешить?

– Завтра. Приходи в это же время. Можно чуть раньше.

Чёлка сложенным крылом падала на глаза, Алика поправляла её привычным смахивающим движением к виску. На безымянном пальце у неё сверкнул, отражая свет ещё не прожитого дня, аккуратный золотой ободок.

– Хорошо, я приду.

Но Матвею всё равно не хотелось её отпускать.

– Давай я хотя бы до метро тебя провожу.

Алика упрямо мотнула головой.

– Я на машине.

– Ты научилась водить?

– Да.

– Я многое пропустил.

В кармане у Алики заиграла музыка.

– Прости, – машинально сказала она, запуская руку за телефоном, и отворачиваясь к блестящим влажным капотам. – Да, Никит, что? Да помню я, что он ждёт сегодня. Почему он тебе позвонил, а не мне? Ладно, скажи, что я скоро буду. Пробка на выезде, авария или не знаю... что я могу сделать? – в голосе зазвучало плохо скрытое раздражение. – Руль на себя – и взлететь? Минут двадцать ещё. Никит, не начинай... сказала, сейчас приеду!

Она бросила трубку и нервно стала запихивать телефон куда-то между складок пальто, не попадала в карман и раздражалась ещё больше.

– Всё, Матвей, мне пора.

Она выдернула руку из его пальцев, которые рефлекторно ещё полмгновения пытались её поймать.

– До встречи, – улыбнулся Матвей, убирая руку за спину.

Алика лишь кивнула, развернулась и быстро скрылась за углом здания, ни разу не обернувшись.

Алика часто снилась ему. Любящая, нежная и немыслимо ласковая, она целовала его, и он её целовал. Они занимались любовью на несуществующих постелях в несуществующих домах. А когда он просыпался весь мокрый, горячий, как при ангине, ему хотелось умереть от безжалостности собственного подсознания.

Он и сейчас не доверял себе, но ладонь ещё хранила

прохладу тонких женских пальцев – случайно подаренный незримый сувенир. Значит, это не сон. Ощущения от сна проходят быстро и, сколько их ни хватай, таят, как снег в тепле. Сон стремится исчезнуть из памяти раньше, чем успеет превратиться в воспоминание.

Матвей не спешил домой. Он шёл по улице, и казалось, будто Алика идёт следом, отражаясь в стёклах машин и скрываясь в подъездах домов. А он делает вид, что не замечает этого, но продолжает видеть её в спешащих вдалеке фигурах, в пассажирках трамваев и такси.

Матвей остановился, посмотрел на серое вечернее небо, разрезанное чёрными нитками проводов. Выдохнул.

Глупо. Как же всё это глупо!

Правда бывает ужасна. Как врач, он не раз говорил такую правду пациентам, безжалостно вышибая из своих слов всё, в чём могла бы проглянуть обманчивая надежда. Теперь его очередь принять диагноз, симптомы которого он распознал давно, но старательно игнорировал.

Ему не выкарабкаться.

Алика принадлежит другому мужчине. Хватит играть с её тенью. И лучше надеть перчатки.

Только сейчас Матвей вспомнил, что она, возможно, беременна. Правда ли это?

Алика выглядела уставшей, замученной. Гестоз первого триместра?

Матвею казалось, что при беременности – если она же-

ланная, – женщина расцветает, хорошеет, пусть даже время от времени чувствует себя неважно. Это ничтожная плата за то счастье, что дарит ей жизнь.

Может быть, он неосознанно хотел себя успокоить, но ему не верилось, что Алика ждёт ребёнка.

Матвей огляделся. На соседней улице в годы его студенчества находился неплохой бар. Пару раз он приводил туда Алику, но заведение её мало интересовало – она практически не пила.

Народу после рабочего дня – полон зал, однако при желании столик отыскать можно.

Матвей забрался в угол, подальше от шума и музыки, заказал себе ром и выпил за крылья, укрывающие другого.

Глава 9.

На четвёртом курсе студентов-медиков отправляли в морг, чтобы наглядно показать то состояние пациента, при котором их работа как врачей прекращается.

Матвей отнёсся к этому беспечно. Что может напугать его в морге? Врачи не боятся мертвецов.

Отец рассказывал, как он в первом походе в морг сделал надрез на теле трупа и зашил так, что патологоанатом похлопал его по плечу.

Куда больше Матвей переживал из-за того, что Алика от института уезжала на семинар к Чёрному морю на неделю. Рвался ехать с ней, но она была непреклонна.

– Ты пропустишь слишком много, – сказала она, обнимая его, что само по себе хоть и не было аргументом, но действовало обезоруживающе.

В её комнате привычный порядок смешивался с привычным беспорядком на столе – верным признаком вечного творческого процесса. На кровати лежал наполовину сложенный чемодан. В целом, сборы проходили незаметно – Алика умела собираться без суматохи.

– Да что я там пропущу? – раздражался Матвей.

– Вас поведут в морг, – напомнила Алика.

– Нас будут туда водить целый месяц. Ещё насмотрюсь.

– Первое занятие самое важное. Потом ничего не пой-

мёшь.

– Я три года учил анатомию! Как-нибудь разберусь.

Алика только выдохнула и пожала плечами.

– Совсем не хочешь, чтобы я поехал с тобой, да?

– Очень хочу. Но у тебя учёба. Это важнее. А я вернусь через семь дней.

Матвей накрутил на палец прядь её волос.

– Мы ещё не расставались так надолго. Что я буду делать без тебя?

– Учиться и скучать, – Алика потянулась на мысочках и поцеловала его в шею. – И я буду скучать.

– Тебе-то там будет явно нескучно! – Матвей нехотя отпустил её. – Море, вино, молоденькие студенты журфака, разогретые южным солнцем. Изменишь мне, а я никогда ни о чём не узнаю.

Алика громко искренне рассмеялась.

– Если бы я хотела тебе изменить, я бы не поехала ради этого за полторы тысячи километров, – сказала она. – А вообще, из-за одного потрёпанного студента-медика, меня давно перестали интересовать студенты всех остальных факультетов и отделений.

Матвей поцеловал её, вдохнув лёгкий запах шампуня – Алика недавно вымыла волосы, и они только-только успели высохнуть.

– Всё равно не хочу тебя отпускать.

– Мне надо поехать, – Алика с улыбкой заглянула ему в

глаза. – Туда обычно не берут первокурсников, но для меня сделали исключение. Хочу, чтобы они поняли – я не любимчик препода, а их шанс не сесть в лужу.

Матвей вздохнул.

– Что ж ты у меня такая талантливая-то?

Алика с невинным видом пожала плечами и вернулась к чемодану.

– Не будем загадывать, – сказала она. – Но может, выберемся летом куда-нибудь вдвоём?

Матвей заскучал уже в первый вечер. Он привык встречаться с Аликой после занятий и где-нибудь гулять. Обычно проблем с тем, куда пойти, не возникало. Алика знала обо всех событиях, происходящих в Москве: от концертов органной музыки до открытия новых пиццерий. Но если им хотелось побыть наедине или нужно было что-то сделать по учёбе, они шли в какое-нибудь тихое кафе или к Алике домой. Реже – к Матвею.

В университете, как назло, отменили занятия. Свободного времени образовалось целое озеро, и Матвей жалел, что послушал Алику и остался. Как было бы хорошо поехать к ней, поселиться в гостинице поблизости и переманивать её в свой номер каждую ночь.

Они созванивались уже после заката и по полночи переписывались, а утром Алика оказывалась вне зоны доступа. Матвей постоянно доставал из кармана телефон и проверял сообщения, хотя знал, что до вечера она не напишет. Она

слишком серьёзно относилась к этому дурацкому семинару, чтобы во время чьих-то мегалитературных выступлений зависнуть в телефоне.

Ещё Матвею не давали покоя окружающие Алику недожурналисты со старших курсов, расслабленные молодым вином. Наверняка думают, что нет ничего проще, чем заполучить жаркой южной ночью милую первокурсницу. Матвей тысячи раз ловил на Алике жадные мужские взгляды, которых сама она даже не замечала. Она, конечно, ни за что не согласится на *поздний ужин в чужой постели*, но с её способностью влипнуть в приключения...

И вдруг Матвей получил сообщение с неизвестного номера: «Мой телефон на дне морском. Почему я родилась такой недотёпой?! Буду звонить, как смогу. Люблю».

Перезвонил, но телефон уже выключили. Вечером Алика позвонила с другого номера, рассказала, как хотела сделать фотографию с пирса и уронила телефон в воду.

– Теперь мы не сможем общаться по ночам, – сказала она. – Но не расстраивайся, прошу тебя. Через четыре дня я уже приеду домой. А пока буду одалживать у кого-нибудь телефон и звонить по вечерам. Скажи, пожалуйста, Лене, что со мной всё хорошо.

Матвей предложил купить новый телефон, но Алика решила сначала вернуться в Москву.

Выходные прошли пустыми, время тянулось, раздражало. Матвею казалось, что он тратит его не на то, чем бы ни за-

нимался. Чтобы окончательно не сойти с ума он решил навестить тётю и брата Алики. Купил Пашкин любимый торт и Ленины любимые пирожные и пришёл к ним без приглашения. Они допоздна пили на кухне чай и вино, смеялись и все вместе поговорили с Аликой, когда она позвонила.

Матвея это воодушевило, и по дороге домой он решил подарить Алике новый телефон, сразу как она вернётся. Точно! Только нужно будет выбрать что-нибудь приличное и поймав отца, чтобы попросить денег.

На пятый день своего одиночества Матвей засунул в сумку белый халат, выпил кофе и поехал в морг.

Он осознал, куда попал, только у входа, уходящего на три ступени вниз и как будто вглубь здания и обозначенного тёмным коротким козырьком. Студенты в белых халатах разбрелись по двору стайками. Девчонки с зеленеющими под косметикой лицами старались держаться уверенно и не смотреть на табличку с названием у двери. Ребята курили, негромко переговаривались и слабо улыбались шуткам, ставшим вдруг невинными.

Внутри вошли молча, по кафельному коридору разносился лишь шум смешавшихся шагов. Пахло хлоркой, холодом и – пока ещё совсем немного – формалином.

У Матвея пересохло в горле. Зря не купил по дороге бутылку воды.

Запах формалина усиливался, вытесняя из помещения воздух. Становилось душно, что странно, ведь морг сам по

себе большой холодильник.

По одному студенты зашли в просторную секционную, где прямо посередине стояли три стола для вскрытий. На центральном и том, что дальше от входа, студентов-медиков ждало нечто, накрытое белым полотном.

Формалином несло нестерпимо. Казалось, он имеет вес и, оседая на одежде, предметах, коже, въедается в них, заполняет собой и утяжеляет, как вода пропитанное ею одеяло. Но как ни старался формалин, сквозь него проступал запах охлаждённого мяса. Или, возможно, это было только гадкое ощущение этого запаха.

Матвей встал сзади, пропустив вперёд тех, кто ниже ростом. Это уже вошло у него в привычку, сейчас послужившую кстати.

Патологоанатом после небольшого вступления откинул простынь с одного стола.

Перед студентами лежал труп мужчины. Он умер в зрелые годы, но смерть поколдовала над ним, и Матвею показалось, что покойник был немногим старше его самого. На мёртвом лице не отразилось ни покоя, ни умиротворения, ни прочей обнадёживающей чепухи, о которой вспоминают в разговорах об убиенных. Черты стали острыми, резкими, ненавидящими этот мир и то, что в нём приходится умирать.

Труп ранее вскрыли, исследовали и зашили. На серой коже темнели рубцы от разреза, сошедшиеся на груди в одну линию, разделившую живот до самого лобка.

Матвей не мог отделаться от ощущения, что покойник вот-вот проснётся и встанет. Его пугающая неподвижность восковой куклы будоражила нервы. Неужели живое существо, дышавшее, думавшее, любившее может превратиться в замороженный мешок с костями, распоротую звериную тушу?

– Тут ещё одно тело, – сказал патологоанатом, подходя к другому столу. – Давайте тоже посмотрим.

Врач смахнул простынь, и студенты замерли на вдохе.

На столе оказалась совсем молодая девушка, тонкая, угловатая, с головой в рыжих пружинках, разъедающих своей яркостью глаза.

В первый миг Матвей едва не закричал, готовый броситься на этот железный секционный алтарь. Но потом, какие-то микросекунды спустя, взгляд различил черты лица: нос с горбинкой, брови полукругом, тёмная родинка, клещом впившаяся в шею под ухом. Волосы слишком волнистые и слишком короткие. Это не Алика. Он обознался. Да и как бы Алика оказалась здесь, если она сейчас за полторы тысячи километров на этом своём... – чёрт, как его там!

Главное, что Алика сейчас – живая.

Матвей провёл рукой по лбу, вытирая пот. Его чуть не лопнувшее сердце снова отстукивало одиночные удары. Не она. Слава богу.

– Предположительно, суицид, – сказал патологоанатом. – Обратите внимание на руки.

Студенты вытянули головы. Левая рука девушки в районе запястья была изуродована потемневшими следами от порезов.

– Но вскрытие всё равно будет проводиться по всем правилам, – продолжал патологоанатом. – Сначала внешний осмотр. Далее делается Y-разрез, – он пальцем начертил в воздухе Y. – Благодаря нему мы сможем удалить внутренние органы и взвесить их. После тщательно исследуется желудок. По тому, как он переварил пищу, можно установить время смерти. Также не забудем взять на анализ образцы тканей. Дальше у нас голова. Через треугольный разрез в черепе исследуется головной мозг, а затем удаляется для более тщательного...

Рука Матвея схватила и оттянула ворот водолазки, надетой под халат. Дальнейший рассказ патологоанатома он слышал, точно тот говорил в стеклянный стакан. Уши заложило. Пространство вокруг стало упругим, желеобразным, с отвратительным вкусом формалина на языке. Зал вскрытий покачивало, как если бы подземные воды толчками бились о фундамент здания.

Матвей отступил назад, тряхнул головой. Всё кругом пришло в движение, размытое жгучей влагой на глазах. Белые халаты закружились, налетая на железо столов для вскрытий, кафель стен и полов, холодное голое тело трупа, готового соскочить со своего стола, большое тёмно-синее пятно рабочей одежды патологоанатома, пёстрое облако волос мёрт-

вой девушки.

Матвей зажмурился, но пульсирующая темнота не давала ему успокоиться. Когда он вновь открыл глаза, секционная обрушилась на него, словно он вынырнул из реки, обстреливаемой с берега. Горло изнутри стало шершавым, воздух разрезал глотку, как будто вместе с ним Матвей вдыхал битое стекло.

– Вам плохо? – слышался из общего водоворота голос, казалось, самого трупа.

Матвей отшатнулся, схватился рукой за что-то холодное, твёрдое, но тут же отпустил и, шатаясь, выволок себя в открытую дверь.

Он не помнил, как преодолел коридор и оказался на улице. Голова ещё кружилась. Тошнота подступала, стоило только взглянуть на серое двухэтажное здание с уходящим вглубь крыльцом. Матвей знал, что его не вырвет, но старался дышать неглубоко.

– Твою мать, Филь! – донёсся откуда-то сзади голос Антона.

Матвей не обернулся.

– Да не она это! Елизавета какая-то там. Хотя и похожа на лисицу твою... Кончай блевать, погнажи обратно. Я не хочу из-за тебя пропустить, как девчонку будут резать.

Но обратно Матвей не вернулся. Он стоял, не шевелясь, пока не угасли выкрики Антона и не захлопнулась за спиной тяжёлая дверь морга. Потом пошёл к шоссе, ещё не совсем

твёрдой походкой, заметил у себя белые рукава, стянул халат, скомкал и запихал в сумку.

Он ничего не рассказал родителям. Вообще никому ничего не рассказал. На следующий день не поехал в морг, а только метался по своей комнате, думал, надумывал, додумывал, стыдил себя и наконец решил порвать с медициной.

Он никого не хотел видеть, не ел и не спал, а только ждал, когда вернётся Алика. Ночью, сдаваясь усталости, он время от времени дремал, но без конца открывал глаза, то почувствовав холод, пахнувший мясом, то услышав сардонический смех одноклассников. Матвей никогда ещё так отчаянно не ждал утра.

Встречать Алику на вокзал он поехал на три часа раньше и долго ходил вдоль перрона, пока не прибыл поезд.

– Дурацкие чайки! – смеясь, сказала Алика и коснулась губами его щеки. – Мне до сих пор слышится их крик! Работать было невозможно. Что вообще можно делать при таком шуме? Воистину души погибших моряков.

Несмотря на отповедь, выглядела она едва ли не счастливой. Обычно бледные щёки сейчас чуть-чуть розовели. Глаза блестели, как зелёные аметисты в витрине ювелирного. Она непривычно много говорила, но, не найдя в Матвее отклика, замолчала, остановилась и настороженно вгляделась в него. Он отвёл глаза к электронному табло с расписанием.

– Что-то случилось?

Матвей не знал, как ответить. Ему вдруг показалось, что

зря он ждал Алику всё это время, что она ничем не сможет помочь и рассказывать ей глупо. Пожал плечами, посмотрел вниз, увидев рядом с её ногами чемодан, опомнился.

– Давай мне, он тяжёлый.

Но Алика не отпускала чёрную выдвижную ручку и не двигалась.

– Что случилось, Матвей? – выговорила она очень чётко.

Матвей поднял глаза к высоким сводчатым перекрытиям, с голубым небом в просветах железной паутины. Вокруг них сустились люди, встречающие и провожающие, приехавшие и собравшиеся в путь, каждый со своим багажом и своей историей, гонящей их из одного города в другой.

– Я решил забрать документы из института, – сказал Матвей и отважился посмотреть на Алику.

Она словно ожидала услышать что-то другое, но услышав это, растерялась ещё больше, тряхнула головой.

– Что, прости?

– Я отчисляюсь, – сказал Матвей уверенней. – По собственному желанию.

Рыжие волосы стали раскачиваться из стороны в сторону.

– Нет, – промолвила Алика. – Что за глупости? О чём ты?..

Матвей взял в одну руку чемодан, который она уже не удерживала, другой легонько коснулся её локтя и повёл к выходу.

– Я понял, что не смогу стать врачом.

– Морг, – догадалась Алика. – Что там произошло?

Матвей вдохнул поглубже.

– Я сбежал, – признался он.

Алика так резко остановилась, что он чуть не врезался в неё и не ушиб, а она этого даже не заметила.

– Осторожнее, Аль!

– Сбежал?

– Да.

Она взяла его за лацкан пиджака. Глаза искали что-то в его взгляде и, найдя, вспыхнули.

– Пойдём куда-нибудь, – сказала Алика, сжала его руку и зашагала по перрону. – Ты всё мне расскажешь.

Они зашли в кафе неподалёку от вокзала. Алика нырнула за первый пустующий столик. Матвей заказал себе кофе и Алике чай, который потом долго остывал прямо перед ней.

Он рассказал, что случилось, начиная с минуты, когда вышел из дома. Алика слушала, ловя каждое слово, не перебивая и, казалось, не дыша. Просто слушала, чутьём уловив, что ему нужно выговорить всё, что он перенёс, передумал и перечувствовал за три последних дня.

Он не стеснялся. Никому другому Матвей не смог бы признаться в слабости, в страхе, а ей говорил, не виляя, всё как было.

– Я не могу учиться дальше, – заключил он. – Завтра утром поеду в институт и заберу документы.

Алика вдохнула, как перед прыжком в воду, задержала дыхание, оторвала взгляд от его лица и посмотрела в огром-

ное окно на улицу. Мимо как раз в это время проехала поливальная машина, заливая дорогу и окропляя тротуар брызгами, яркими, как осколки хрустала.

– Родителям сказал уже? – спросила Алика.

Матвей глотнул кофе.

– Нет. Отчислюсь, тогда и скажу.

Алика молчала, не сводя глаз с мокрого асфальта.

– Ты только не думай, что я совсем ничем не буду заниматься, – добавил Матвей. – Поступлю в какой-нибудь другой институт. Отучусь на химика или, может, провизора. Не знаю сколько они получают, но надеюсь, не меньше, чем хирурги.

Лицо Алики снова обратилось к нему. На лбу у неё обозначилась едва заметная морщинка. Казалось, она пытается подслушать то, что происходит за окном.

– Ты попадёшь в армию, если сейчас отчислишься, – сказала она.

– Да, наверное, – ответил Матвей. О товарище военкоме он как-то позабыл. – Но это же не проблема, правда? Сейчас служат всего год. Ты ведь будешь меня ждать?

Глаза Алики распахнулись шире.

– Да, но...

– Вот и всё! Больше мне ничего не надо.

– Погоди! – Алика придвинулась ближе и коснулась холодной ладонью его руки. – Ты поторопился с решением.

– Да говорю же, мне уже не стать врачом! – Матвей вы-

свободил свою руку и откинулся на спинку дивана. – Какие тут ещё могут быть решения?

– Матвей, – тихий голос Алики проникал в сознание, как дождевые ручейки в землю. – То, что случилось, не показывает, станешь ты врачом или нет.

– Ещё как показывает! – возразил Матвей, изо всех сил сопротивляясь этому голосу и пытаясь стоять на своём. – Алика, неужели ты не понимаешь, врач не может бояться мертвецов!

Вышло громко, импульсивно. Алика скользнула взглядом в одну сторону, в другую, потом снова посмотрела на Матвея.

– Не кричи, пожалуйста, – сказала она. – Бояться смерти – нормально. Это заложено в человеке природой. Инстинктами. Как врач ты сам можешь мне об этом рассказать.

– Я не врач, – попробовал вставить Матвей.

Но Алика упорно продолжала:

– Страх смерти заставляет беречь жизнь. Из-за него люди придумали про загробную жизнь мифы, целые религии! Страх смерти – самый сильный человеческий страх. Так почему ты решил, что справиться с ним будет легко?

Матвей смотрел на тёмную кофейную гущу, заволокшую дно его чашки.

– Потому что по глупости думал, что смогу стать хирургом, – сказал он. – А если кто-то умрёт у меня на столе? Я сбегу из операционной, как сбежал из морга?

– Из операционной ты не сбежишь. И ты это знаешь. Тем более, что не у всех трупов рыжие волосы.

– Нет, с тем, что она похожа на тебя, я вроде бы справился. Точнее, понял, что это не ты, и немного успокоился. Но когда патологоанатом начал рассказывать, как вскрывают тело, шаг за шагом, я уже не мог себя контролировать.

Алика едва заметно, очень нежно улыбнулась.

– Не требуй от себя всего сразу. К смерти надо привыкнуть.

– Мой отец не испугался, когда впервые увидел труп, – возразил Матвей.

– Да что ты сравниваешь! – Алика прихлопнула ладонями по серо-белой столешнице. – Твой отец маньяк. Уж прости! Он за болезнями не видит людей. Даже когда рассказывает что-то, говорит: «Сегодня я видел опухоль», как будто она существует где-то вне пациента. А ты другой. Ты сопереживаешь. В следующий раз будет легче. Когда тебе в морг? Завтра?

– Шутишь? – усмехнулся Матвей. – Я туда больше не вернусь.

Алика вновь двинулась к нему навстречу.

– Матвей...

– Не вернусь, и не думай меня уговаривать! После того, как сбежал у всех на глазах! – Матвей вздрогнул, словно до него вновь донёлся навязчивый запах формалина. – Патологоанатом меня на смех поднимет перед всей группой и будет

прав. Хуже девчонок. Те хоть и стояли зелёные, но выдержали.

– Матвей, ты не о том думаешь. Чёрт с этим патологоанатомом! – крикнула Алика так, что теперь Матвей посмотрел по сторонам. – Ты через месяц распрощаешься с ним навсегда. Чёрт с твоими одноклассниками! Недели не пройдёт, кто-нибудь другой выкинет глупость, и про тебя забудут. А вот ты, – её палец острым ноготком почти коснулся его рубашки, – будешь помнить это всю оставшуюся жизнь. Ты сам для себя останешься трусом. И что бы ты ни делал потом: боролся бы со вселенским злом, спасал котят на деревьях, детей из огня – этот случай вечно будет тебя топить. Единственный способ всего этого избежать – взять себя в руки и пойти в морг снова, *сейчас*, пока эта история не окостенела и из неё ещё можно лепить, как из глины.

Матвей чувствовал, что она права, но всё равно не хотел это признавать.

– Ну как я пойду туда после...

– Вот так возьмёшь – и пойдёшь! – оборвала Алика. – Я бы пошла с тобой, но вряд ли меня пустят.

Матвей взглянул на неё недоверчиво.

– Серьёзно?

– Cent pour-cent³, – сказала Алика и посмотрела на белую кружку посередине стола. – Мне давно принесли чай? Я только сейчас заметила.

³ Сто процентов (фр.).

– Тогда же, когда и мне кофе, – ответил Матвей, привыкший к её бытовой рассеянности. – Ты бы правда пошла со мной в морг? Не испугалась бы?

– Конечно бы испугалась, говорю же – все боятся смерти. Но если бы так я могла тебе помочь, то да, пошла бы, – она сделала глоток из своей чашки. – Можно попробовать накинуть на меня белый халат и выдать за одну из студенток, если твои одноклассники нас не выдадут.

Матвей на секунду представил Алику рядом с собой в секционной, когда мертвецы начинают кружиться перед глазами, а сам он ищет руками, за что ухватиться, потому что вот-вот потеряет сознание.

– Нет, лучше я один.

Плечи Алики подпрыгнули. Сложно было понять, это её огорчило или обрадовало.

– Но я всё равно поеду завтра с тобой, – сказала она. – Подожду где-нибудь неподалёку.

– А тебе разве не надо в институт?

– Надо, но мне простят прогул. Я же была такой умницей на выездном семинаре. Отдувалась за весь институт, пока остальные терялись и зал с колоннами рассматривали.

– Семинар, точно! – Матвей хлопнул себя по лбу. – Прости меня! Я олень, даже не спросил, как ты съездила.

– Ничего-ничего, тебе не до этого, – Алика не выпускала из рук свою чашку. – Здесь на удивление неплохой чай. Запомни место, если я вдруг забуду. А семинар как семинар.

Море, вино, молодые студенты, в общем, всё, как ты и говорил.

Матвей улыбнулся, похоже, впервые с её отъезда.

– Который час? – вдруг спохватилась Алика. – Лена с Пашкой нас, наверное, ищут. Без телефона жизнь останавливается.

Стыд обжёг Матвея, точно перед ним внезапно разгорелся костёр.

– Телефон! Чёрт, я совсем забыл...

– Да, непривычно, – сказала Алика, которая, к счастью, не знала, какой сюрприз Матвей ей так и не подготовил. – До сих пор не понимаю, как он выскользнул у меня из рук. Позвони, пожалуйста, Лене, скажи, что мы едем.

Когда они вышли из кафе, Матвей, успокоенный и счастливый, притянул Алику к себе и поцеловал.

– Это нужно было сделать ещё на перроне, – сказал он. – О чём я только думал?

Потом обнял её одной рукой за плечи, и они пошли к метро. Алика говорила про наступившее на черноморском побережье лето, а Матвей думал, что больше никуда её не отпустит.

Глава 10.

Матвей приехал домой уже затемно. Родители в такое время обычно спали. Тихо открыл дверь и вошёл, положил ключи на полку и, снимая пальто, заметил, что мама наблюдает за ним из коридора.

– Где ты был?

– Гулял, – Матвей повесил пальто в шкаф. – К вечеру появилось настроение побродить по Москве. Я так давно тут не был, что соскучился даже по метро. Решил не брать такси.

Он присел на диванчик и стал разуваться.

– Один? – спросила мама.

– Да. А с кем бы я гулял?

– Мало ли.

Матвей убрал туфли в обувницу и направился в ванную, но мама остановила его, оглядела, подёргивая носом.

– Ты что – пил?

– Выпил немного. А что?

– А не кажется ли тебе, что ты слишком часто понемногу выпиваешь? – мама приняла угрожающую позу. – Нечего закатывать глаза! Я серьёзно с тобой разговариваю. Что за повод?

Матвей улыбнулся, надеясь всё обратить в шутку.

– А что, обязательно нужен повод?

– А ты уже и без повода хлещешь, – сказала мама и по-

качала головой с видом сыщика, наконец-то раскусившего негодяя.

Его веселья мать явно не разделяла. Матвей посмотрел в её хмурое лицо, стараясь отыскать признаки если не понимания, то хотя бы возможности переговоров.

– Я не так много выпил, чтобы разводить из-за этого скандал.

– Думаешь, я не заметила, что из шкафа пропала бутылка виски? – мама воинственно вздёрнула подбородок. – Что за дела, Матвей? Раньше для тебя два бокала вина было много, а теперь ты пьёшь уже третий день подряд!

– Мам, я в отпуске. Мне не надо ни на работу, ни за руль. Что ты взъелась-то?

– Значит, если тебе не надо ни за руль, ни на работу, ты просто берёшь и напиваешься?

– Вот только не нужно из меня пьяницу делать.

– А это не я, это ты, мой дорогой, из себя делаешь пьяницу! Я смотрю, ты в Америке не только врачеванию выучился.

– Мне почти тридцать лет! – не выдержал Матвей. – Я что, разрешение спрашивать должен, если выпить захочу?

– Должен! – крикнула мама. – Раз сам себя не контролируешь.

– Ай! – Матвей махнул рукой. – Бред!

Спорить с матерью бесполезно. Отец никогда этим не занимался.

Матвей осторожно подвинул маму и пошёл в ванную, но

она, мастерски обойдя его на повороте, встала в дверном проёме.

– Нечего руками размахивать! У меня один сын, и я не позволю ему спиться!

– Я не спиваюсь. Дашь руки помыть? Я с улицы пришёл.

Мама неохотно отшагнула в сторону, но, пропустив его, снова заслонила проход.

– Откуда такая тяга к бутылке? – не унималась она.

Матвей повернул кран, подставил под журчащую воду замёрзшие ладони. В первую секунду тёплая вода показалась обжигающей.

– Нет у меня никакой тяги.

Он раскатал в жёстких негнущихся пальцах кусок мыла, пахнувшего чем-то сладким.

– Все так говорят. А потом...

– Мам! Перестань, правда, – Матвей посмотрел в зеркало и встретился с мамой взглядами. – Не надо мне читать лекции о вреде алкоголя. Вряд ли ты расскажешь что-то, чего я не знаю. Отец дома?

– Нет его!

Матвей надеялся, что теперь мама уйдёт, но она продолжала стоять у него за спиной. Густая мыльная пена копилась возле крошечных дырочек сливного отверстия. От тёплой воды пальцы покраснели, стали послушнее, будто раскололась сковывающая их ледяная скорлупа.

Мама нетерпеливо выдохнула.

– Ты можешь мыть руки бесконечно.

– Трёхкратно и в шесть приёмов, – сказал Матвей. – Всё, как учили.

Мама выдержала возмущённую паузу, а потом спросила не столько обиженно, сколько раздражённо:

– Тебе вообще не стыдно с матерью пререкаться?

Матвей глубоко вдохнул и глубоко выдохнул.

– Я не пререкался.

Мама фыркнула.

– Ты бы лучше вместо того, чтобы пить и так с матерью разговаривать, девушку себе нашёл.

Матвей с силой хлопнул по крану – его чудом не сорвало, – и повернулся к ней, стряхивая с рук воду.

– Ты опять?

– Опять! – сказала мама и кивнула так, что, если бы перед ней было стекло, она пробила бы его лбом. – Найди – себе – девушку! И желательно такую, чтобы отучила тебя дурыю маяться.

– Это какую же *такую*? – спросил Матвей. – Как Оксана, что ли?

Мама нахмурила брови и призадумалась, став вдруг спокойнее. Её настроение изменилось, как движение машины, водитель которой, хорошенько разогнался и поздно заметил знак ограничения скорости.

– Вряд ли, – ответила она.

– Да? А зачем тогда ты её позвала?

– Она несколько раз спрашивала, когда ты приедешь. Я подумала, пусть придёт, развлечет тебя, пока ты в Москве.

– Как заботливо с твоей стороны. А может, мне на ней заодно и жениться, пока я в Москве?

Мама махнула рукой.

– Вы ни за что не уживётесь, – сказала она так, словно этот разговор мог быть серьёзным.

– Да? А что так?

– Оксане нужен мужчина, очень в неё влюблённый или очень глупый. Ты не подходишь ни под одно, ни под другое.

– Какое счастье, что хоть где-то наши мнения сошлись! – сказал Матвей и тут же, сменив тактику с обороны на наступление, добавил: – Ты ведь знала, что Алика вышла замуж?

Мама отвернулась.

– Так знала?

– Знала.

– А почему мне не сказала?

Мама пожала плечами.

– Зачем?

– Я бы тоже знал.

Сидел бы спокойно в Штатах и не строил идиотских планов, по степени несбыточности равных наводнению на Марсе.

– Теперь знаешь. И что изменилось? Стал счастливее?

Из прихожей послышалось проворачивание ключа в дверном замке. Отец вернулся домой.

Мама шагнула к Матвею и, торопясь, зашептала:

– Я уже говорила и ещё раз скажу: живи своей жизнью. Алика ваш разрыв пережила, семью построила, а ты всё ждёшь непонятно чего.

– Я строю карьеру, – так же тихо и быстро ответил Матвей. – Не вы ли с отцом с детства твердили мне, как это важно?

– Вижу я, как ты карьеру строишь! Теперь понятно, почему до тебя вечно невозможно дозвониться.

– Ну конечно! Не оттого, что я работаю без выходных, а оттого, что пьяный сплю под операционным столом.

– Дурак! – сказала мама и ушла в прихожую встречать отца.

Глава 11.

Солнце вернулось в столицу, как тётушка, забывшая в гостях зонт. Было тепло даже в расстёгнутом пальто.

В этот раз Матвей ждал Алику недолго. Она вышла из стеклянных дверей, которые ловили и отбрасывали последние яркие солнечные лучи, нашла глазами Матвея и кивнула ему, не улыбнувшись даже из вежливости.

– Куда пойдём? – спросил он, когда Алика остановилась в двух шагах от него. – Есть тут поблизости кафе, где можно спокойно поговорить?

Или лучше ресторан? Какие, интересно, у неё теперь предпочтения?

– У меня не так много времени, – ответила она. – Рабочий день ещё не кончился. Можем пройти по скверу. Тут недалеко.

– Веди.

Алика держалась на расстоянии. На узкой дороге – с одной стороны нарезанные полосы автомобильного шоссе, с другой пыльные строительные леса, – если надо кого-то пропустить, предпочитала шагнуть подальше вперёд и задеть прохожего, лишь бы не подходить ближе к Матвею.

Матвей делал вид, что не замечает этого. Кто знает, может, верная жена должна со всеми мужчинами, кроме мужа, соблюдать дистанцию?

– О чём ты хотел поговорить? – спросила Алика, когда дорога стала шире, и они могли спокойно идти в метре друг от друга.

Матвей исподволь поглядывал на то, как солнце подсвечивает её волосы, как кладёт свои лучи ей на лицо, заставляя немного щуриться, и прятал улыбку в будто бы посторонних движениях губ. Он забыл, что собирался сказать, стоило глазам цвета майской зелени настойчиво взглянуть на него, подгоняя разговор.

– Хотел узнать, как ты? – ответил он. – Как Пашка? Лена... я слышал, что произошло. Прими мои соболезнования.

Сказал – и тут же пожалел. Получилось холодно, пусто, как если бы они были чужими людьми. Ему бы сказать что-то душевное, что отразило бы его истинную скорбь, а не брякнуть дурацкую затасканную фразу.

Алика приняла его слова с сухой формальной благодарностью. Ещё бы! Вот если бы он мог обнять её, уверить, что она по-прежнему может рассчитывать на любую помощь, что это и его горе...

Матвей продолжал идти вперёд, глядя себе под ноги.

– Я узнал, только как приехал в Москву, – сказал он. – Не могу поверить.

– Да, – ответила Алика. – Я не верю до сих пор.

– Когда это произошло?

– Четыре года назад. В марте.

– Четыре года! Это же почти сразу после моего отъезда...

Алика молча кивнула.

– Где её похоронили? – произнёс Матвей охрипшим голосом.

– Там же, где маму с папой.

Матвей вспомнил парк с прудом возле Новодевичьего монастыря. В ясную погоду вода поразительно точно отражает деревья, растущие по краю земляного бережка, и бело-красную монастырскую стену со всеми её окошечками и бойницами. Для самого Матвея этот парк прочно связался с забавным, немного неловким, но самым счастливым воспоминанием в его жизни. Для Алики же небольшой полукруглый мостик, перекинутый через пруд, олицетворял пристанище, откуда ветер унёс и развеял прах её родных. Матвей узнал об этом не сразу, но, как узнал, стал приходить в Новодевичий парк с цветами.

Алика сейчас выглядела спокойной, однако Матвей чувствовал, что это лишь видимость спокойствия. Внутри неё туго скрученная железная пружина, которая рванёт, стоит напряжению между ними ещё немного возрасти.

– Что случилось с Леной? – спросил Матвей.

– Сердце, – ответила Алика. – Внезапно стало плохо на работе. Скорая к ней даже не успела.

Матвей по взращённому в себе врачебному инстинкту задумался над диагнозом. Ишемическая болезнь сердца? Загрудинные боли, ощущение нехватки воздуха – чаще после физической нагрузки. Это так легко списать на подступаю-

щую старость, никто не воспринимает симптомы всерьёз. И вдруг закупорился сосуд в сердце, закрылась коронарная артерия. Инфаркт.

– Тебе Вероника Николаевна сказала про Лену? – спросила Алика, оторвав его от догадок.

Лена!

Это ведь о её сердце он задумался так холодно-профессионально. Это её случай показался ему таким примитивным и простым. Лена, всегда встречающая его с улыбкой. Лена, готовившая по субботам изумительный Цветаевский пирог с яблоками. Лена, полюбившая его, как сына за то, что он любил её названную дочь.

Матвей очнулся.

– Нет, – сказал он, кашлянув. – Я приходил к вам домой. Точнее, туда, где вы раньше жили.

Алика замедлила шаг.

– А что, Вероника Николаевна тебе ничего не рассказала? – спросила она, как-то подозрительно на него посмотрев.

– Нет. А разве она знала? Я думал, вы не общались с тех пор, как мы...

– Да, но откуда ты тогда узнал про моё замужество?

Алика удивилась, Матвей растерялся.

– Оксана сказала. Вы же встретились с ней в больнице.

– Ах, Оксана! – Алика выдохнула и даже слабо улыбнулась. – Да, было дело, – и добавила, посмотрев на него по-другому, словно разочаровавшись: – А ты уже и её успел на-

вестить?

– Она сама меня навестила, – сказал Матвей, чувствуя, что упускает какую-то важную нить.

На мгновение глаза Алики зажмурились, а тугой пучок волос дёрнулся вслед за резким стряхивающим движением головы.

– Меня не касается.

Внутри него точно кит ударил хвостом. Матвей хотел сказать, что у них с Оксаной ничего не было, но понимал, как глупо будут выглядеть его оправдания.

– Чем занимается твой муж? – спросил он.

– Никита юрист. Помогает решать споры между компаниями. Невыполненные обязательства, истёкшие сроки, лазейки в договорах. Всякая такая ерунда.

– Ерунда? – удивился Матвей.

В далёкие времена, когда он ещё мог поцеловать Алику при встрече, Матвей часами рассказывал ей о медицине, и она ни разу не назвала это ерундой. Ни с ним в разговоре, ни с кем-нибудь другим – он был в этом уверен. Алика не смогла бы каждый вечер слушать о том, что считала ерундой.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу бумагомарание во имя денег, – ответила она. – А тут целые схемы кого и как обмануть, чтобы меньше делиться прибылью.

– Для кого-то и это важно, – сказал Матвей и снова подумал, что зря.

Однако Алика пожала плечами и согласилась.

– Для кого-то да. Например, для моего супруга.

С языка так и рвался вопрос: *любишь его?* Но Матвей боялся услышать ответ, и потому молчал.

Он поднял голову и осмотрелся. Небольшой сквер, уже пожелтел от наступившей осени. Летом здесь, наверное, всё утопало в зелени и прохладной тени. Впереди слышался смех наполоам с плачем, и ярким пластиком пестрели башенки детской площадки. Как же здорово приходить сюда со своим ребёнком, катать его на каруселях, ловить, когда съезжает с горки, а потом сидеть на скамейке в форме самолёта и есть мороженое.

– Ты познакомилась с ним после того, как мы?..

Матвей не договорил, но Алика поняла его и кивнула.

– Да. Уже после.

Значит, вся эта чушь про побег с другим мужчиной так и остаётся чушью. Матвей облегчённо выдохнул.

– Давно вы женаты?

– Чуть больше года.

Чисто теоретически за это время можно выносить и родить. А если ещё представить, что Алика выходила замуж в положении...

– У вас есть дети? – спросил Матвей.

Алика остановилась и впервые посмотрела на него прямо, что-то тревожно выискивая в его лице. Это продолжалось не больше нескольких секунд, а потом она сморгнула этот взгляд и вовсе отвернулась.

– Нет, – сказала она, делая шаг. – У меня нет детей.

Матвей, не зная, как это понимать, двинулся за ней.

– Будет честно, если теперь ты расскажешь о себе, – сказала Алика прежде, чем он успел ещё о чём-то спросить. – У тебя есть кто-нибудь?

– Нет.

– Что, совсем никого?

Матвей развёл руками, спрятанными в карманах пальто.

– Не сложилось. Я слишком люблю свою работу, чтобы уделять время чему-то или кому-то ещё.

– Было ясно, что ты станешь прекрасным врачом. Только вот одиночество тебе не идёт.

– Очень даже идёт, – возразил Матвей. – Я полюбил свою работу, как иные любят жену. Порой терпеть её не могу, прямо ненавижу, а всё равно люблю. Целыми днями торчу в больнице. Смены, дежурства или просто сложные пациенты, которых стоит понаблюдать самому, несмотря на выходной. Какая женщина будет это терпеть?

Взгляд Алики стал пристальным, вдумчивым. Она хотела что-то сказать, даже чуть растворила губы, но промолчала. Может быть, что-то слишком личное?

– Где ты теперь работаешь? – спросила Алика.

Вопрос обычный и понятный, но близкие люди его друг другу не задают. Алика этим вопросом словно бы поставила барьер между ними, ещё раз напомнила, что последние пять лет разделили их окончательно. Матвей поглубже вдохнул.

– В отделении неотложной нейрохирургической помощи Филадельфийской больницы, – ответил он. – Меня направляли туда для стажировки. Я там же прошёл ординатуру, и меня взяли в штат. В других больницах тоже предлагали работу, но я всё отказывался. А недавно позвали в Бостон, в хорошую клинику. Теперь вот в раздумьях.

– Замечательно, – сказала Алика. – Правда. Ты молодец.

– Да ладно, ничего фантастического. Плыл по течению, вот и доплыл.

– Ты всегда скромничал.

– Я всегда говорил, как есть.

– Знаешь, так странно, – промолвила вдруг Алика. – Говорю с тобой, понимаю, что это ты, но как будто передо мной совсем другой человек.

– Наверное, я изменился. Но, если честно, я плохо помню, каким был.

Она взглянула на него, чуть наклонив и повернув голову, будто ученик за партой, которому нельзя вертеться.

– Раньше ты смог бы жить одной работой?

– Не думаю. Тут ты права. Зато для тебя карьера была всем. А что теперь? Я был уверен, что ты уже давно известный журналист. Почему не стала работать по профессии? Муж не пускает в долгие командировки?

Алика провела языком по сухим губам. Матвей ощутил, как опять, пробираясь выюном, по её телу разрасталось напряжение.

– Нет у меня никакой профессии. Я бросила институт.

– Бросила? – Матвей даже остановился. – Ты бросила институт?

Алика молчала.

– Да ведь ты мечтала стать журналистом!

Алика тяжело вдохнула густой осенний воздух.

– Я бы никогда не стала журналистом, – сказала она, рассматривая носы своих туфель. – Нечего об этом говорить.

– Да бред же! Ты такая талантливая, такая...

– Матвей...

Алика отвернула голову так, как люди в сознании отворачиваются от своей раны, над которой корпит врач.

– Я не могла учиться, – сказала она, помолчав. – Много всего произошло с тех пор, как ты уехал.

– Пашка, – догадался Матвей.

Алика резко повернулась, посмотрела на него настороженно, отчего темнее обозначились следы бессонницы у неё под глазами.

– Ты уже и о нём слышал?

Матвей кивнул.

– Поверил?

Голос Алики – тревожный, даже испуганный – уколол в самое сердце.

– Нет, – ответил Матвей. – Не поверил.

Она расслабленно выдохнула и, казалось, из её лёгких вышел весь воздух.

– Прости, – прошептала она, зажмурившись. – Не знаю, как я могла подумать, что ты... прости.

– Прощаю. Но что произошло? До меня долетели какие-то ужасные сплетни про драку и изнасилование.

– Чего только ему теперь не приписывают, – сказала Алика, снова тронувшись с места. – А ведь всё было так хорошо! Он поступил в медицинский. Туда же, где учился ты. Ходил такой гордый, такой счастливый... Не скажу, что экзамены ему дались тяжело. Ты его здорово подтянул, задал направление, и всё шло замечательно. Он весь насквозь проникся этим делом. Может, любовь к медицине передаётся воздушно-капельным путём?

– Не знаю, – ответил Матвей. – У меня она явно наследственная.

– Тогда Пашка должен уметь рисовать или писать. Или хотя бы чуточку разбираться в искусстве. А тут – врач. И ведь в нём чувствовались способности, талант. Почти так же, как в тебе.

– Я видел это с самого начала. С его добротой и желанием всем помогать какая ещё профессия могла ему подойти?

– Желание помогать, – произнесла Алика чуть ли не по слогам. – Это его и погубило.

Она замолчала, глядя, как перед светофором выстраиваются машины.

– Расскажи, что с ним случилось, – попросил Матвей.

Алика, влекомая своими мыслями, и раньше часто ныря-

ла в какую-то другую реальность. Но сейчас при таком *нырке* Матвей заметил что-то аутистическое, отрешённое в её взгляде. На миг показалось, что она больше не вернётся обратно.

Однако услышав его слова, Алика тряхнула головой и выбралась из туманной задумчивости.

– Пашка тогда учился на втором курсе, – сказала она. – Где-то задержался – у девушки, возможно, или с друзьями куда-то ходил – не помню. Возвращался домой поздно вечером, почти ночью. Увидел, как двое пьяных парней заталкивают в машину девчонку, – Алика ненадолго замолчала, но потом продолжила как-то даже бодрее: – Одному сломал челюсть, другому рёбра, что-то ещё порвал, повредил... одним словом, хорошенько досталось обоим. Со злости он так или уже защищаясь – сложно сказать. А потом, ты же знаешь Пашку, он ещё и остался оказывать им первую помощь. И в итоге вроде всё хорошо, зло наказано, красавица спасена, герой молодец. Но вдруг история вывернулась наоборот. Родители этих двоих оказались отнюдь не рядовыми служащими. Через несколько часов их сыновей перевели из обычной больницы в частную клинику уже без конвоя. А испуганная, несостоявшаяся жертва получила приличную компенсацию. Настолько приличную, что не постеснялась переписать свои показания. Теперь получалось, что это Пашка пытался её изнасиловать, а два храбрых молодца – защитить, отчего сами пострадали. Опустим подробности – ведь если он их так от-

делал, что ему помешало бы воспользоваться этой девчонкой? – и примем за данность новую интерпретацию. Пашка негодяй, разбойник и не самый успешный, но всё-таки насильник. Его быстренько в кандалы и в темницу с решётками на окнах и с «волчками» в дверях. К матёрым головорезам, преступникам – в девятнадцать лет!

– Неужели ничего нельзя было сделать? – спросил Матвей. – Никак не доказать его невиновность?

– Доказать? – Алика усмехнулась. – Нет. Ни свидетелей, ни камер. Пашка выбрал слишком неудачное место для драки. Да и кто стал бы за него заступаться? Единственный выход был тот же, что и у этих двоих – за деньги переписать историю.

– И вы продали квартиру, чтобы?..

Алика кивнула.

– А что оставалось делать? Лены не стало. Я подрабатывала то там, то тут, но моей зарплаты едва хватало, чтобы заплатить за квартиру и поесть. А нам потребовалась колоссальная сумма – следователь оказался не из скромников. И ещё надо было оплатить труды адвоката и убедить эту дуру снова поменять показания. К двум другим героям маскарада соваться было бесполезно – чтобы их подкупить, мне нужно было ещё пятнадцать квартир продать.

– Ужас какой-то! – сказал Матвей и отвернулся, сжимая кулаки. – Слушаю тебя и... убил бы их всех.

– Мне тоже хотелось их убить.

Голос Алики звучал так серьёзно, что Матвей тут же повернул к ней голову. Глаза – зелёные, яркие, как листва перед грозой, – смотрели в пустоту перед собой жёстко и непреклонно. Если бы сейчас перед ней на коленях стояли эти парни, или глупая девочка, или жадно-продажный следователь или все они вместе – Алика бы не раздумывая нажала на спусковой крючок.

Но она вдруг моргнула, чуть вздрогнула, хоть ветра совсем не было, и продолжила обычным тоном:

– К счастью, получилось добиться для Пашки условного срока. Жизнь, конечно, перебита, но хоть в настоящую тюрьму не попал. В СИЗО просидел пару месяцев, я уже чуть не поседела. Особенно в самую первую ночь. Так боялась за него. И не знаю, чего больше: что его там убьют или что он озлобится и станет таким же, как те ублюдки, что сидят вместе с ним.

– И как он? – спросил Матвей. – Очень изменился?

Алика снова усмехнулась.

– Да разве дураки меняются? Доброта его неизлечимая болезнь. Он уже всех простил и привыкает к жизни на социальном дне. Знаешь, я часто думаю, что если бы родители были живы, то всё было бы по-другому. Если бы только они не погибли в той аварии. До того дня у нас была семья, нас любили, а потом вдруг всё перевернулось, и мы с Пашкой навсегда остались двумя потерянными детьми. Никому не нужными сиротами. Нет, конечно, у нас была Лена, и мы

до конца жизни будем ей благодарны. Но если бы родители выжили в той аварии, если бы вообще не сели в тот день в эту дурацкую машину, у нас с Пашкой была бы совсем другая жизнь.

– Многое в этом мире невозможно ни объяснить, ни изменить, – только и сказал Матвей.

– Да, – протянула Алика и опустила глаза на мощёную плиткой дорожку.

Матвею страшно захотелось обнять её. Сильнее, чем когда она говорила про Лену. Сильнее, чем когда-либо в жизни, потому что сейчас это было невозможно. Но вместе с тем он вдруг почувствовал в себе зарождающуюся обиду. Словно мутная вязущая жидкость натекла и мерзко захлюпала в невесомой, как дымка, душе.

– Не понимаю только, почему ты ничего не сообщила мне о Пашке? – спросил Матвей. – Неужели ты думала, я не помогу?

– К тому моменту наши жизни настолько отделились одна от другой, что мне и в голову не пришло тебя побеспокоить. Да и чем бы ты помог?

– Всем! Пашка мне как родной, ты же знаешь, – Матвей на миг закрыл глаза, привычным способом забывая поглубже и злость, и отчаяние. – Сейчас я могу для него что-нибудь сделать?

– Нет, – ответила Алика, что было предсказуемо. – Моей зарплаты хватает нам обоим. Он, конечно, пытается рабо-

тать. В основном, грузчиком или уборщиком, но нигде долго не задерживается.

– Он живёт с вами?

– Нет, отдельно. Когда мы расплатились со всеми, кому не лень было подставить карман, осталось немного денег. На приличное жильё, конечно, не хватало, зато хватило на комнату в общежитии уже за пределами Москвы. Когда-то туда заселяли работников одного завода, которого уже и в помине нет. А сейчас все комнаты выкуплены и сданы-пересданы наркоманам, проституткам, мигрантам и тем, кто недавно грел спиной нары. Район не просто неблагополучный – какой-то оживший сериальный кошмар.

– Да уж, дальше – больше! – отозвался Матвей. – И где находится это общежитие?

– Недалеко от Москвы, практически у границы с областью, но... – Алика критически посмотрела на Матвея. – Ты бы лучше туда не совался. Тем более в таком наряде.

Матвей улыбнулся.

– Говори адрес.

Алика пожала плечами – *я предупредила* – и сказала, где живёт Пашка.

– Там обитает отпетый народ, – добавила она. – У меня с машины однажды скрутили колёса. Несколько раз били стёкла. Пашка вроде всё уладил, колёса даже вернули, правда, только два. Но всё равно, если я еду к нему надолго, то добираюсь общественным транспортом.

– Ты едешь туда одна? – удивился Матвей.

– Никита ненавидит это общежитие. Пашка уже три дня не может собрать новый шкаф – ленится, поросёнок, а может, в самом деле одному тяжело, – но Никита ни за что не поедет ему помогать. Разве что привезти сборщиков и покомандовать.

– Любит командовать? – спросил Матвей.

Он никак не мог представить того мужчину, которому Алика вверила свою свободу. Обрывочные упоминания о нём, подхваченные из истории Алики и рассказа Оксаны, никак не складывались в единый образ.

– А кто не любит? – улыбнулась она и остановилась.

Матвей тоже остановился. Незаметно за разговором они подошли ко входу в метро.

– Мне пора, – сказала Алика. – Если честно, мы и так гуляли дольше, чем я рассчитывала.

– Ты куда сейчас? – спросил Матвей, немного растерявшись. – Давай провожу?

– Не надо, – ответила Алика. – Я пойду обратно, к машине. Нужно съездить по одному поручению. А тебе будет удобно сесть на метро здесь, до твоего дома как раз по прямой. Ты же у родителей остановился?

– Да, – сказал Матвей, хоть домой и не собирался. – Удобно. Та же ветка.

Алика кивнула, поджав губы.

– Сложно подобрать верные слова на прощание, – призна-

лась она. – Спасибо, что нашёл меня. Это было неожиданно, но приятно. Я никогда не сомневалась, что ты станешь прекрасным хирургом. Теперь осталось лишь встретить своё счастье, чего я тебе искренне желаю.

– Спасибо.

Матвей чувствовал, что Алика дорывает последние связи, паутинкой протянувшиеся между ними. Он не знал, как схитрить, что сказать или сделать, чтобы остановить её.

– А может, встретимся завтра? – предложил он, надеясь, что привычка изображать спокойствие его не подведёт.

Алика закусила губу, обдумывая вежливый отказ.

– Это лишнее.

– Да брось, – не сдавался Матвей. – Послушай, я понимаю, что за эти пять лет мы оба изменились. Вообще всё изменилось. И между нами тоже... но ведь друзьями мы можем остаться?

Брови Алики поломались в выражении сожаления.

– Матвей...

– Нет, конечно, сейчас у тебя есть муж, ты счастлива с ним, и я очень рад за тебя. За вас обоих. И я ни на что не претендую. Просто... мы ведь так хорошо понимали друг друга. Мы никогда не ругались, помнишь? Почему мы не можем дальше общаться хотя бы время от времени? Хотя бы пока я ещё здесь?

Матвей заметил, как отяжелел взгляд Алики. Она размышляла, а может, даже спорила сама с собой.

– Когда ты уедешь?

– Через две недели.

Губы Алики дрогнули, но до улыбки не растянулись. Матвей не шевелился, с замиранием сердца каждую секунду ожидая чего-то ужасного, как если бы к его ногам кинули гранату с вырванной чекой.

– Не надо, Матвей, – сказала она. – Эта встреча ещё не раз нам обоим вспомнится в самые неподходящие минуты. Не надо других.

– Пусть вспомнится!..

– Матвей, – Алика подняла голову выше и чётко выговорила: – Не надо больше ничего. И если тебе в самом деле дорого то, что когда-то связывало нас, не надо перекраивать это в другие формы. Тем более в дружбу. Нам обоим с ней никогда не везло. Я рада была увидеть тебя. Но на этом – всё.

Она развернулась и пошла прочь. Звуки её шагов разлетались по скверу, каблучным боем пугая галок. Узкая пешеходная дорожка растягивалась между ними, выбегая из-под фигурки в красном пальто.

Матвей не двигался, ожидая момент, когда связующие их нити наконец лопнут, по ошибке соотнося их с исчисляемым расстоянием.

Глава 12.

– «Садовская, вы недисциплинированы. Вы не сможете работать в выбранной профессии. У вас не хватит терпения». Ни черта подобного, старый павлин! У меня терпения столько, что я у тебя самого ещё интервью возьму!

Алика расхаживала по комнате обозлённой тигрицей. Твёрдые шаги, впитываемые длинным ворсом ковра, звучали глухими ударами. Когда она поворачивалась спиной, под тонкой тканью полуночно-синей блузы вырисовывались острые лопатки. Высоко завязанный хвост тёмно-рыжих волос на каждом шаге бил как раз между ними.

– «Вам не хватает выдержки. Вы слишком легко переходите в спор», – передразнивала она. – Да я с ним даже не спорила!

Матвей сидел на диване и наблюдал за этой блузой, заправленной в юбку и отзывающейся на каждое движение Алики. Ткань то раздувалась, то скручивалась на меняющей направление фигурке. А под блузой – Матвей заметил в лазейке между пуговицами – лишь чёрное кружево нижнего белья.

– «Вы не располагаете к себе людей. Чуть что – выпускаете иголки, как дикобраз». Сам он дикобраз! Ничего обо мне не знает. Не знает, что я могу разговорить любого, если захочу. Что часто люди сами ко мне тянутся.

Проблемы с преподавателями у Алики возникали уже не в первый раз. Её не затрудняло исправить педагога или поспорить, если её мнение отличалось. При этом она терпеть не могла, когда её начинали поучать или – что ещё хуже – пытались осадить. Но вести себя со студентами, как с равными, способны далеко не все преподаватели.

Алика вдруг остановилась, обернулась, посмотрела на Матвея. По нахмуренному личику тенью от невидимой фаты пробежалось сомнение.

– Люди ведь ко мне тянутся?

Матвей понял, что Алика выплеснула весь гнев, и теперь выступить должен он.

– Конечно, тянутся, – он поднялся и подошёл к ней. – Ты умеешь выслушать. Тебе так и хочется о чём-нибудь рассказать.

– Правда?

– Правда. Хотя и колкой ты тоже бываешь. С теми, кто тебе не угодил.

– Пока мне не угодил только этот чересчур умный профессор, – сказала Алика и сама обняла Матвея.

Это было так привычно для них – постоянно касаться, обнимать друг друга, тактильно ощущать, когда они наедине.

– Он ко мне придирается, – Алика уткнулась лицом Матвею в плечо. – Специально выводит.

– Может, он проверял, как быстро ты выйдешь из себя?

Прижатые к груди Матвея тонкие плечи подпрыгнули.

– Может. Тогда плохи мои дела.

Матвей позволил себе до мелочей прорисовать в голове видение, как он высвобождает её тело из плена тёмной хлопчатой ткани, как погружает его в белые простыни, что сегодня утром они с Аликой вместе стелили на кровать, и как ближайшие полчаса – нет, час! – до них никто не сможет дозвониться, дописаться или достучаться. Вдыхая запах унисексуальных духов, которые не гасили, а только ярче раскрывали её женственность, он замечтался и не сразу услышал голос:

– ... что я не выдержу в условиях, в которых работают профессионалы. Что военные корреспонденты, сутками сидят в окопах или в полуразрушенных зданиях осаждённого города. «Посмотрел бы я на вас и на вашу выдержку, когда вокруг война. Вы со своими вопросами всем только мешаетесь, информацию собираете по крупицам, чуть ли не по слухам. Убить могут в два счёта, а сами вы брать в руки оружие не имеете права». Он любит напоминать всем, что когда-то работал военным журналистом. Но разве он один такой? И почему он так уверен, что я не выдержу? Как же он удивится, когда поймёт, что ошибался! Уж на мой век вооружённых конфликтов, терактов и прочих кошмаров хватит сполна.

Матвей насторожился, упустив прежнюю нить мыслей и даже не пытаясь её поймать.

– Постой-постой. В каких ещё вооружённых конфликтах ты собираешься участвовать? – спросил он, слегка подтал-

кивая её, чтобы она подняла голову. – Ты сейчас серьёзно?

Алика не торопилась отвечать. В важных вопросах она не суежилась, планировала, как самолёт, подлетающий к земле.

– Вполне. Но только не участвовать, а освещать события.

– То есть ты собираешься ездить по горячим точкам?

– Возможно.

– Возможно?! А что, других мест работать журналистом нет?

Матвей старался заставить себя видеть в этом лишь задетую гордость и бьющий гейзер юношеских амбиций. Надуманные глупости взбалмошной, упрямой девчонки. Но её вдумчивое спокойствие цепляло и даже сердило его.

– Не в «желтую» же газету мне идти. Я хочу заниматься серьёзными делами.

– И поэтому собираешься на войну! – Матвей отпустил её и отошёл. – Ты в своём уме?

– Никуда я пока не собираюсь, – сказала Алика с тем же размеренным спокойствием. – Просто однажды именно это может стать моей работой. Вот если бы тебе нужно было ехать на войну, разве ты бы не поехал?

Матвей подошёл к столу, коснулся пальцами разбросанных между книгами и тетрадями карандашей.

– Не знаю, – сказал он. – Сначала я бы подумал о своей семье. О том, как они будут жить, если вдруг со мной там что-то случится.

– Наверное, Лена с Пашей справились бы, – сказала Али-

ка, немного подумав. – От меня мало практической пользы. Потосковали бы, конечно, но ведь погибнуть можно и в мирное время из-за какой-нибудь нелепой случайности.

Матвей обернулся.

– Лена с Пашей – и всё? Больше никого не вспомнила?

Алика молчала. Матвей понял – растерялась.

– А обо мне ты не подумала? – продолжал он. – Не подумала, что у нас с тобой может быть семья? Могут быть дети?

– Дети? – чуть слышно повторила она.

– Да, Алика, дети! У людей бывают иногда дети.

– Если честно, я не думала об этом, – призналась она. – То есть... ты же ещё только учишься. Разве есть смысл загадывать так надолго вперёд?

– С работой-то ты загадываешь!

– Да, но в моей работе всё зависит от меня, а в себе я уверена.

– А во мне нет?

Алика поняла, что как бы она ни подбирала слова, каждое следующее закапывает её глубже предыдущего, и разлилась.

– Что ты цепляешься к фразам? – сказала она и сорвала резинку, связывающую волосы. Тряхнула головой. – Работа мне сейчас видится яснее, вот и всё. И потом... я не знала, что ты хочешь детей. Ты об этом не говорил.

Не говорил, потому что до этого разговора не думал о детях серьёзно. А тут понял, что если Алику не остановить, то

ничего такого у них может уже и не случиться.

– Все нормальные люди хотят детей, – буркнул Матвей. – Рано или поздно.

Алика выдохнула, не сдерживая улыбки.

– Теперь понятно, – сказала она. – Конечно, когда-нибудь у нас будут дети. Ну, у тебя точно. У меня тоже, наверное... Но я сейчас не о том...

– Нет, – заупрямился Матвей. – Теперь давай как раз *о том* поговорим. У тебя, у меня, у нас... как-то всё это расплывчато. Я хочу видеть чёткую перспективу наших отношений.

Алика, обдумывая, медленно двинулась к кровати, села, расправив на коленях пышную юбку. Одну из её любимых, цвета пенки на капучино.

– Перспектива безгранична, – выдала Алика, не иначе как с насмешкой.

Карандаш в руках Матвея громко хрустнул, сломавшись надвое.

– Издеваешься?

– Нет. Серьёзно, всё может быть.

– Это не ответ!

– Да чёрт возьми, Матвей! – Алика резко поднялась. – Ты требуешь от меня чего-то так, словно сделал мне предложение. Тебе через год ехать на стажировку, куда ты там соби-рался? К чему сейчас все эти разговоры? Вернёшься – тогда и поговорим.

Матвей отвернулся, чтобы Алика не заметила, как пламенеет его лицо.

– Может, я ещё никуда не поеду.

– Не начинай! – сказала Алика, подходя ближе. – Ты вышел в отличники, пишешь научные статьи, занимаешься во всяких кружках по хирургии. Во всём институте не найдётся студента достойнее тебя.

– Не меняй, пожалуйста, тему.

Алика закатила глаза то ли со стоном, то ли гортанным рычанием. Не понятно – этот разговор её больше утомлял или злил.

– Мне девятнадцать лет, Матвей, – сказала она. – О какой семье вообще можно говорить?

Матвей и сам понимал, что все эти разговоры преждевременны, но в него словно вселился упрямый бес, заставляющий спорить дальше.

– Моей маме было столько же, когда я родился.

– Да, но... сейчас она домохозяйка.

– Она домохозяйка не из-за этого! У неё есть высшее образование, она могла бы работать, если бы захотела. Но зачем? Отец получает достаточно, ей не надо думать о деньгах, она занимается своими делами. Её всё устраивает.

– Безусловно. Просто... я бы так не смогла. Мне нужно состояться как специалисту, профессионалу, понимаешь? Закончить институт, стать журналистом, поехать по командировкам. Многому научиться, многое увидеть. Без этого не

будет меня. И тебе, кстати, доучиться не мешает, – прибавила она. – Семья и ребёнок – это ответственность.

Семья. Ребёнок. Ответственность. Конечно, ответственность! Конечно...

Вот он баран! Упёртый и бестолковый. Зачем он завёл этот разговор? Что за споры такие вообще?

Он живёт с родителями. Нигде не работает. На всё деньги ему даёт отец. На еду, на проезд, на то, чтобы сходить с Аликой в кино. Отстёгивает, не спрашивает, а получается, обеспечивает всем – от белых халатов до презервативов.

Алика в этом плане и то самостоятельнее – всегда найдёт подработку. То на каком-нибудь мероприятии на пианино поиграет, то за двоечника курсовую напишет, то статью с французского переведёт.

Матвей однажды взбунтовался и решил сдавать экзамен на сертификат медбрата, но что отец, что Алика – оба оказались резко против.

– *Сын, ну зачем тебе становиться медбратом, если ты можешь стать нейрохирургом? Начнёшь днями-ночами в больнице пропадать, диплом врача так и не увидишь. Ты скажи – тебе денег мало? Так я могу давать большие.*

– *Матвей, нет ничего постыдного в том, что тебя обеспечивает отец. Ты учишься одной из самых сложных профессий в мире, глупо отказываться от помощи. Если бы у меня был отец, я бы не писала за деньги всех этих курсовых и рефератов.*

Но дети и деньги – это ещё полбеды. Вопрос времени. Закончит Матвей медицинский, съездит на стажировку – станет первоклассным специалистом. Тогда уже никакая помощь ему будет не нужна. Сам сможет родителям помогать.

Но вот Алика...

Лишь бы она переболела этой идеей с войной!

Дед Матвея – военврач – рассказывал такие вещи о войнах на Кавказе, что и вспоминать невыносимо, и забыть невозможно. А этой девчонке подавай дельце погорячее. В кабинете сидеть она не любит. Испытать себя хочет. Угрозило же полюбить полоумную.

Матвей обернулся. Всё то время, что он молчал, она ждала, так же не произнося ни слова.

Они стояли и с минуту смотрели друг на друга. Потом Матвей подошёл, обнял Алику, прижал к груди её голову. Спорить с ней он уже не мог. Полоумная или нет, но она – его.

– Я не хочу, чтобы моя жена оказалась на войне, – сказал Матвей. – Не хочу, чтобы ей вообще что-либо угрожало. Я тоже люблю приключения и понимаю твой азарт, но не хочу думать, что что-то может так легко забрать тебя у меня. Какой бы ни была твоя работа, прошу – вспомни обо мне. О том, что без тебя я чокнусь в этом чёртовом мире.

Холодные руки Алики прикоснулись к его спине чуть ниже лопаток.

– Да вряд ли меня возьмут на войну, – сказала она. – Это

так, фантазии. Самое страшное, что мне светит – командировки в Магнитогорск на открытие памятника металлургам.

– Очень хочу в это верить, – Матвей вздохнул. – И часто у тебя будут эти командировки?

– Надеюсь, что да.

Матвей нахмурился.

– А кто будет сидеть с детьми?

Брови Алики вопросительно изогнулись, отчего выражение лица стало подозрительным.

– С детьми? А ты много их хочешь?

– Не меньше трёх.

Алика округлила глаза и засмеялась.

– Вот это тебя растащило! Мне кажется, мой организм на такое не рассчитан.

– Ещё как рассчитан, – возразил Матвей. – Это я тебе как почти врач говорю. А ещё я хочу большого лохматого пса.

– Ладно, – сказала Алика. – Пса я тоже хочу. А там посмотрим. Но вообще, врач профессия оседлая, – добавила она, улыбнувшись. – У тебя командировки будут не часто. Если вообще будут.

– То есть с детьми буду сидеть я?

– Когда я буду уезжать, да, – ответила Алика, не заметив, как они окунулись в одну на двоих фантазию. – На тебе будет их бытовое воспитание: мыть руки перед едой, чистить зубы, варить макароны. А я научу их прекрасному. Они будут играть на фортепьяно и разбираться в живописи. Только бы им

не достался ген, который поймал Пашка. Сын художницы, а не может отличить Дега от Сезанна.

Теперь и Матвей рассмеялся, свободно и громко, забыв о накале, который чуть не поссорил их считанные минуты назад.

– Не трогай брата. Пашка будет не искусствоведам, а врачом. А скинуть детей на меня не получится, – сказал он с напускной серьёзностью. – Я постоянно буду в больнице. Посмотри на моего отца, его не бывает дома при свете дня. А ведь ещё и ночные дежурства. Так что не знаю, что тебе сказать.

– У нас ведь есть твоя мама! – ответила Алика, смеясь. – Она не работает, сидит дома. Так почему бы ей не нянчиться с внуками? Как считаешь?

– Смелый ход!

Интереса ради Матвей вообразил, что бы сказала мама, узнав, какой её ждёт сюрприз. Что её образ жизни – йога каждое утро, бассейн не меньше трёх раз в неделю, посиделки с подругами в пафосных ресторанах, – разбавят прогулки с малышом, покупка памперсов и разговоры о коликах и прорезывании зубов.

– Знаешь, я даже не могу представить её бабушкой.

– Если честно, я тоже, – призналась Алика.

А она никогда не жаловалась на нехватку фантазии.

Глава 13.

Такси подхватило Матвея у метро и покатило в сторону области. Только-только кончившийся рабочий день оставил труженикам последнее испытание – загруженные дороги, пораженные тромбозом вены столицы.

Добирались долго. Матвей отвык от московского движения, частых перестроений машин перед лобовым стеклом, мелькавших на задних бамперах российских номеров. От щебетавшего на родном языке радио.

Зачем он приехал? Что хотел найти? Ясно же, что вернуться в прошлое невозможно.

Всё здесь стало чужим. Город, не любящий гостей и быстро забывающий тех, кто его покинул. Дом, из которого со старыми обоями и мебелью выкинули сонм драгоценных воспоминаний.

Матвей не ожидал, что здесь, в месте, которое он считал родным, можно оказаться лишь незванным гостем.

Даже Алика глядит на него как на чужака.

Всё перемололось. Он уехал, о нём забыли и стали жить дальше.

Его жизнь остановилась, сомкнулась вокруг работы, а у других она вон – идёт, стремится вперёд, к счастью, домашнему теплу, уюту.

У других всё складывается быстро и как бы само собой –

свадьбы, дети, ипотеки. А он – словно заговоренный, словно нет в его организме того, что нужно, чтобы быть мужем и отцом.

За пять последних лет, изнуряющих, как зыбучие пески, он не встретил ни одной женщины, которая могла бы стать его женой. Серьёзные отношения летели мимо него, точно мячи в аут.

Матвей не сразу понял, зачем такси остановилось перед длинной обшарпанной постройкой некогда желтой, а сейчас – цвета мокрой соломы. В детстве он с друзьями забирался в такие бараки пошалить, испытать щекочущий страх и тут же его преодолеть. В том возрасте они не задумывались о понятии «частная собственность», но даже задумавшись, не поверили бы, что эта разруха может кому-то принадлежать.

Охраны не было никакой. Предназначенный для неё закуток у входа давно превратили в склад всякой рухляди. Матвей поднялся на второй этаж по грязной вонючей лестнице, стараясь не наступать на раскиданные шприцы и окурки.

Нужную комнату отыскал быстро по ровненько прибитому, блеснувшему в сумрачном коридоре номерку – 23. Большинство других дверей оставались неопознанными.

Звонка не было. Он постучал. Открывать не торопились. Матвей простоял несколько минут, время от времени ударяя кулаком по двери, но каждый раз видя в этом всё меньше смысла.

И эта дверь оказалась запертой. Что ему думать? Пашки

нет дома? Или Алика сочинила адрес, лишь бы он отстал и больше не тревожил её счастливую семейную жизнь?

Матвей развернулся, решив первым делом позаботиться о билете на ближайший рейс в Нью-Йорк, но металлическое щёлканье остановило его. Он обернулся и увидел Пашку.

Из гибкого, робкого подростка, каким он до сих пор оставался в голове Матвея, Пашка вырос в мужчину с крепкой грудью и плечами. Он подтянулся, но остался ниже Матвея где-то на голову – средний рост для мужчины. Пшеничные волосы, склонные виться, коротко острижены, не растреплешь, как раньше. Только глаза, смотрящие взросло и умно, сохранили детскую голубизну.

– Матвей! Неужели ты? Здорово, дружище!

Пашка, добродушно улыбаясь, раскрыл руки. И Матвей ринулся обнимать его, как человек потерявший и вновь нашедший надежду.

– Пашка!

– Ай, ай, ай! – отдельно пробормотал брат Алики, выпрямляясь, точно в его копчик встроен раскладной механизм.

Матвей тут же убрал руки и отшагнул. Только сейчас он заметил, что Пашка выглядит деревянным и ломким, а на лбу и висках у него поблёскивает пот, как после силовых упражнений.

– Прости, – сказал Пашка, щупая рукой поясницу. – Я тут приболел немного. Двадцать один год, а со спиной мучаюсь,

как старый дед. Да ты проходи, проходи!

Он маленькими шажками отодвинулся в сторону, пропуская Матвея в комнату. И Матвею вдруг показалось, что не было между ними этих пяти лет – так по-дружески Пашка на него смотрел.

– Что со спиной?

Матвей привычно перевоплотился во врача меньше, чем за мгновение.

– Ерунда, – махнул рукой Пашка, в смущённой улыбке потянув лишь один уголок губ. – Не рассчитал сил. Схватил больше, чем следовало.

– Что же ты стоишь? Иди ложись скорее. Не напрягай спину. Где у тебя тут кровать?

Матвей огляделся. Они стояли в узкой прихожей, протекающей в крохотную самодельную кухню. Пашка указал подбородком на дверь справа в самом конце стены. Вернее – на дверной проём без каких-либо створок.

– Диван, – уточнил Пашка. – Там, в комнате.

– Сам доберёшься? Давай помогу.

– Нет-нет, не волнуйся, доберусь. Я уже привык, четвёртый день так передвигаюсь. Сейчас только чайник поставлю, пока на кухне.

– Какой чайник, иди ложись! Я сам потом поставлю, – сказал Матвей и подумал, что не отказался бы от чего-нибудь покрепче. Он как-то не сообразил, что Пашка достиг возраста, когда с ним можно выпить. – Но сначала осматриваю тебя.

Где можно руки помыть?

– В ванной. Через комнату насквозь, – Пашка снова кивнул на дверной проём.

И ступая осторожно, как будто из пола торчали гвозди, и хватаясь руками за стены, потащился туда, где можно было прилечь.

Комната была довольно просторная, но учитывая, что это всё пространство жилища, – прискорбно маленькая. Вокруг удивительный для полуразрушенного здания порядок и опрятность, не считая сложенных в углу коробок с деталями нового шкафа и чуть замявшегося покрывала на диване.

В ванной – чистота, насколько возможно содержать в чистоте старую сантехнику и кое-где треснувшую плитку. Даже зеркало над раковиной без следов засохших брызг.

– Необычная планировка, – сказал Матвей.

– Конечно не трёхкомнатные апартаменты, в которых мы жили раньше, но... – отозвался Пашка. – Кухню самим пришлось организовывать. На общей ничего не работает и бардак такой, что туда просто заходить противно, не то что готовить.

Он уже лежал в удобной для него позе.

– Вставай, – велел Матвей, повыше отодвигая закатанные рукава.

Пашка аккуратно, с задержками дыхания, медленно поднялся. Матвей помог ему снять футболку и принялся осторожными пальцами ощупывать позвоночник.

Does it hurt here? – чуть не спросил по привычке, но вовремя одёрнул себя.

– Здесь болит?

– Нет.

Пальцы Матвея скользнули ниже.

– Здесь?

– Есть немного.

– Здесь?

– Ай!

– Понял, – протянул Матвей так, словно голосом пытался снять боль. – В ноги отдаёт?

– Да, в правую.

Рука Матвея сжала крепкое Пашкино бедро.

– Сюда?

– Да!

Нехорошо. Очень нехорошо.

– Всё, отпускаю, – сказал Матвей и вздохнул. – Снимок ты не делал, правильно понимаю?

Непривычно было произносить подобные слова на русском языке. Они звучали давно забытыми терминами, как если бы он перешёл на латынь.

– Нет, – сказал Пашка, медленно оборачиваясь. – Всё не до того было. Так что со мной, доктор? – с улыбкой спросил он.

– Смещение позвонка и, судя по тому, как болит, защемление нерва.

– Я догадывался, – признался Пашка.

– Что ж ты, такой догадливый, в больницу не пошёл?

– Да думал, сам справлюсь.

– Чем хоть лечишься?

– Там в тумбочке мазь. Если совсем плохо – обезболивающее внутримышечно.

– Боли настолько сильные?

– Бывает иногда.

– Кто делает тебе укол?

– Сам колю. Игольных дел мастеров тут полно, но их о помощи лучше не просить.

– Да уж.

Матвей присел на диван и заглянул в тумбочку, где Пашка хранил лекарства. Порядок сохранялся даже за закрытой дверцей. В одной стороне мазь в коробке, в другой ампулы с обезболивающим, посередине рядами в бумажно-плёночных пакетиках шприцы. На нижней полке ещё какие-то лекарства очень плотной выкладкой.

На мгновение Матвея сбили упаковки препаратов с названиями на русском. Ему показалось, он не понимает, что на них написано.

– Ложись на живот.

Он вернул на место лекарства, оставив только одну мазь. Потом потрогал диван – не слишком ли сильно проминается матрас – и поднялся.

– Вправлять будешь? – спросил Пашка.

– Позвонок надо вправить, – ответил Матвей. – Хочешь – поедem в больницу?

– Нет. Лучше ты.

Пашка долго укладывался, ища менее болезненное положение.

– Готов? – спросил Матвей, когда Пашка наконец замер.

– Да.

Матвей упёрся коленом в низкий диван и склонился над Пашкой. Выдавил немного мази на руку, стал растирать Пашкину спину, ещё сохранившую загар после лета со скучным московским солнцем.

Он разминал мышцы, проходя руками по позвоночнику, и когда приблизился к выпирающему позвонку, Пашка издал звуки, какие бывают, когда отдирают скотча от картона.

– Не шкварчи, – сказал Матвей.

– Костолом ты, доктор Филь, – отозвался Пашка. – Мнёшь так, словно лепишь мне новую спину.

– До тебя никто не жаловался.

– Разумеется! Твои пациенты же под наркозом.

– Не все.

И крепко захватив пальцами сместившийся позвонок, Матвей потянул его вверх. Громкое Пашкино «Ай!» перекрыло щелчок, означающий, что позвонок встал на место.

– Всё, – сказал Матвей, ещё ощупывая воспалённую мышцу возле позвонка.

Пашка дышал тяжело и громко.

– Спасибо.

– Сразу не пройдёт, – сказал Матвей. – Ещё какое-то время будет болеть. Массаж бы поделать недельку. Есть у тебя массажисты знакомые?

– Да откуда, – ответил Пашка, надевая футболку. – Но ты ведь ко мне ещё заглянешь?

Матвей лишь сдержанно кивнул, ничем не показывая, как хотелось услышать ему это своё *ещё заглянешь*. Хотя один человек в этом некогда родном городе по-дружески распахнул перед ним дверь своего дома, даже не подозревая, что тем самым спас от сводящей сердце тоски.

– Алика говорила, что ты приехал, – сказал Пашка. – Надолго домой?

Матвей отвёл взгляд на единственное в комнате окно.

– На две недели.

– Так ты на побывку? А я уж понадеялся, что насовсем вернулся.

– Нет.

– Алика сразу так и подумала, – улыбнулся Пашка чуточку лукаво. – Но это всё мелочи. Рассказывай, как живёшь? Чем занимаешься?

Матвей осмотрелся, увидел старенькое кресло, тоже единственное, почти напротив дивана – мягкой мебели больше не было – и недолго думая, опустился в него. Оно оказалось таким удобным, что страшно захотелось вытянуть ноги.

– Закончил стажировку, – сказал он, уперевшись затыл-

ком в мягкую высокую спинку. – Потом ординатуру. Работа нейрохирурга, сам знаешь, из чего состоит: травмы головы, позвоночника, последствия ДТП, падений с высоты, несостоявшихся самоубийств. Ещё опухоли мозга, аневризмы, мальформации. Повреждения в работе нервной системы, – Матвей вздохнул, только сейчас, осознавая, как он устал. – Всё это я уже видел в Филадельфии, пока проходил ординатуру в отделении неотложной помощи.

– А сейчас где ты работаешь?

– Пока там же, но мне предложили место в нейрохирургическом центре в Бостоне. Может быть, скоро перееду в Масачусетс.

– Если нейрохирургический центр, то конечно надо ехать, – сказал Пашка со знанием дела. – Там аппаратура, наверное, такая, что обычной больнице не снилась. Великие дела можно творить.

– Да, – протянул Матвей.

Каждый разумный человек уже паковал бы пожитки, чтобы бежать туда, где условия лучше и платят больше. И только Матвей тянул время, не отказывался, не соглашался, непонятно на что надеясь.

– За тебя там больницы борются, наверное? – спросил Пашка с улыбкой.

– Не прям уж борются. Откажусь – найдут кого-нибудь другого.

– А вообще, ты был в Бостоне? Хорошо там?

– Да, неплохо.

Матвей не знал, что ещё можно рассказать, а Пашка, видимо, не знал, что ещё можно спросить о городе, в котором никогда не был и вряд ли когда-нибудь побывает. А может, ему хватило того, что там *неплохо*.

– Сам уже оперируешь или пока под присмотром?

– Так, что попроще, – поскромничал Матвей.

Но Пашка его раскусил и заулыбался.

– Вот здорово! Знаешь, я даже чуть-чуть тебе завидую, самую малость! А вообще, я очень за тебя рад.

– Спасибо. А вот твои дела меня огорчили.

Пашка вздохнул, но не слишком грустно.

– Алика уже рассказала?

– Да. И не только Алика.

– Шуму я наделал много. Но кто же знал, что всё так вый-дет? – Пашка снова вздохнул и на этот раз печальнее. – Самое обидное, что из медицинского вышибли. Что ж мне теперь до пенсии ящики таскать? Кстати, который час? Мне ещё на работу надо успеть.

– Шутишь? – Матвей невольно усмехнулся. – Какая к чертям работа? Ты еле ходишь!

– Еле хожу, но ведь хожу, – Пашка заёрзал на диване. – Да я там теперь почти не напрягаюсь. Ребята – водители и продавцы – меня выручают, помогают быстрее разгрузить машину с товаром. Иначе им всю ночь ждать, пока я туда-сюда напозаюсь.

– Даже не думай! – Матвей оторвался от спинки кресла. – Ты соображаешь вообще? Тебе надо лежать и лечить спину. Бери больничный.

Пашка закусил нижнюю губу.

– На такой работе больничный не предусмотрен. Я не оформлен официально.

Матвей не в первый раз сталкивался с тем, что пациент стремится надеть глупостей. Он сразу стал строгим.

– Я запрещаю тебе что-либо таскать. Так ни от какого лечения смысла не будет. Пройдёт спина – делай, что хочешь.

– Когда спина пройдёт, придётся заново искать работу.

– Значит, будешь искать.

Коротко стриженная Пашкина голова склонилась на левый бок.

– На мне судимость. Меня и сюда-то брать не хотели.

– Не разжалобишь, Паш, – Матвей был твёрд, как титановый сплав. – Тебе надо лечиться.

– Но работать мне тоже надо.

– Алика говорила, что вам хватает денег, – не подумав, ляпнул Матвей и тут же пожалел.

Пашка, до этого момента спорящий спокойно, глянул на него из-под сдвинутых бровей.

– И думаешь, меня это устраивает? – спросил он. – Сидеть у сестры на шее? Она терпеть не может то, чем занимается. И если бы ни я, давно бы всё бросила.

– Послушай меня, – сказал Матвей, заглянув ему в гла-

за. – Ты молодой парень. Здоровый и сильный. И сейчас вылечить твою спину будет гораздо проще, чем если ты запустишь или – что ещё хуже – усугубишь. Я тебе помогу. Дам денег, сколько нужно, пока ты не поправишься и не найдёшь работу. В долг, разумеется, – добавил он, видя начинающийся в глаза Пашки протест. – Не волнуйся, никто милостыню раздавать не собирался.

– Не надо ничего, – сказал Пашка. – Если хочешь помочь, пойдём со мной вместе.

– Никуда я не пойду и тебя не пущу! – сказал Матвей, вставая. – Да что ты, в самом деле, – драться со мной будешь, что ли? Ложись и лежи. А я пока со шкафом разберусь. Где ты хочешь его поставить?

Пашка подался вперёд, но боль в спине и не дала ему подняться.

– Ладно тебе, оставь, – сказал он, возвращаясь на место. – Я соберу, когда спина пройдёт. Там одному неудобно будет. Но Матвей уже закатывал рукава рубашки.

– Говори, где ставить! Я его потом двигать не собираюсь.

– Там, где коробки лежат, – сдался Пашка на этот раз без боя.

Он занервничал оттого, что не попадёт на работу. Однако не похоже было, чтобы разозлился всерьёз.

– Вот умница, – сказал Матвей, подходя к будущему шкафу. – Расскажи мне пока, как у Алики дела? Работа, говоришь, не нравится?

– Не нравится, конечно, – ответил Пашка, удобнее расположившись на подушках. – Кому понравится работать на взбалмошную стерву, которая вдобавок проходится свекровью? А Алика с ней в тесном контакте, личный помощник как-никак. Считай, не отходит от неё. Алику это вымораживает, но у неё характер. Она умеет не только бороться, но и терпеть, если нужно.

Матвей слушал и рвал плотный гофрированный картон.

– Не сложились отношения с новыми родственниками?

Пашка поморщился.

– Не то, чтобы совсем не сложились. Мать Никиты, хоть и треплет Алике нервы, а без неё ни дня не может. Даже в отпуск не пускает. А вот отец да, невестку невзлюбил. Хотя чему удивляться? Разве с твоими родителями у Алики что-то складывалось?

– Мои родители ничего против Алики не имели, – ответил Матвей.

Перед ним лежали дверцы, полки, стенки и пакет с шурупами. Он даже нашёл заранее приготовленную отвёртку. Не хватало только инструкции.

– Твоя мама её не переносила, – напомнил Пашка.

– Не говори ерунды! Мама бывала резка с ней, но она со всеми такая. Нам с отцом от неё достаётся куда больше и чаще.

– Ладно-ладно, – Пашка примирительно поднял ладони. – Да и какая уже разница. Кстати, о моей спине Алике не го-

вори.

– Можешь не волноваться. Она просила больше никогда с ней не разговаривать, так что не проболтаюсь. Да где эта чёртова инструкция?

Пашка едва заметно улыбнулся и указал подбородком на подоконник.

– А как ты хотел? – спросил он. – Ты так внезапно появился, что напугал её.

Матвей рванул дурацкую бумажку, с шуршанием затрепетавшую и опавшую у него в руках.

– Напугал? Чего ей бояться?

– Ингода прошлое пугает больше, чем настоящее или будущее, – сказал Пашка. – Дай ей время, и она передумает.

Матвей рассматривал детали, пытаясь сообразить, с чего начать. Из всего выходило, что шкаф небольшой и собирается просто, но мозг отказывался думать о нём.

– Что-то не припомню, чтобы Алика часто меняла свои решения, – пробурчал он и откинул инструкцию. – Так разберусь. Я уже собирал нечто похожее.

– Алика не любит решения, продиктованные страхом. Через пару дней она поймёт, что просто струсила, и ещё сама будет искать с тобой встречи. Страх делает человека рабом, а Алика не из покорных.

Матвей пожалел, что пропустил момент, когда Пашка стал философом. От уверенного голоса и взгляда умного мужчины, в которого вырос некогда излишне романтичный

подросток, Матвей почувствовал себя мальчишкой. Когда только Пашка успел так повзрослеть?

– Из-за тебя Алика не попала к психологу, – продолжал он. – Она обычно в понедельник всегда опаздывает к нему, а тут, после встречи с тобой, разнервничалась и вообще не поехала.

– Она посещает психолога?

Матвей припоминал, что Алика вчера куда-то торопилась.

– Да, – ответил Пашка. – Трижды в неделю.

– Зачем так часто? У неё что-то случилось?

Пашка неопределённо повёл плечом.

– Много чего случилось за это время. Алика изменилась.

– Я заметил, – Матвей отложил отвёртку. – Что с ней, Паш?

Пашка глубоко вдохнул.

– У неё сейчас очень тяжёлый период. Надеюсь, она это преодолеет.

Матвей посмотрел на Пашку прямо, ожидая пояснений. Но брат Алики молчал, стянув губы так, что они побелели. Не расскажет. Наверное, дал сестре слово.

– А этот Никита? – спросил Матвей, возвращаясь к шкафу. – Какой он?

– Никита-то? Как тебе сказать...

– Как есть говори.

– Мы с ним не ладили, – признался Пашка. – Он парень с двойным дном. Любит играть на публику, всем нравиться.

А на самом деле нравиться-то особо нечем.

Матвей на миг замер.

– Я о нём другое слышал.

– Могу поверить. Его вообще все обожают, пока получше не узнают. Весь такой приветливый, галантный, разговаривает вежливо, обтекаемо – юрист, что ты хочешь.

– То есть он не тот идеальный супруг, про которого мне говорила Оксана? – спросил Матвей, чему-то неосознанно радуясь.

– Оксана? – переспросил Пашка, но тут же вспомнил сам. – А, Оксана! Врач, что лечила мать Никиты, и твоя бывшая. Алика говорила, что они встретились. Нет, Оксане Никита просто запудрил глаза.

– Пудрят обычно мозг, – поправил Матвей, мысленно перепроверив себя. – Если я не забыл русский язык совсем.

– Значит, мозг. Ты же знаешь, я во всех этих оборотах не силен. Алика вечно надо мной смеётся.

Матвей долго возился со шкафом. Всё-таки одному неподручно. Был бы ещё шуруповёрт...

– Да брось ты его, – несколько раз говорил Пашка. – Я потом сам закончу.

– Мне немного осталось, – упрямо крутил отвёрткой Матвей. – Ты пока рассказывай, рассказывай.

И Пашка рассказывал. В основном, о том, как сам поступил в институт и о недолгом времени, что ему удалось там поучиться. Они с Матвеем словно очутились в родном пер-

вом меде, вспомнили преподавателей, лекции которых довелось слушать обоим, шутки, которые годами блуждали по университетским коридорам.

Один раз Пашка всё-таки поднялся и пошёл на кухню ставить чайник. Матвей хотел его остановить, но брат Алики проявил настойчивость, достойную своей сестры.

– Ты гость, – сказал он Матвею. – Лена бы меня отчитала, если бы я не напоил тебя чаем.

Они поговорили и о Лене. Сначала о хорошем: Пашка вспомнил, как на седьмой день рождения – первый праздник после детского дома – она подарила ему велосипед. У него до этого был маленький, детский. А тут настоящий, какой отец ему обещал, но не успел купить. На больших колёсах.

– Я и до педалей-то еле дотягивался. Но радовался страшно...

А потом, немного помолчав, Пашка рассказал о дне, когда Лены не стало.

– Всё было как обычно. Она ни на что не жаловалась. Лена вообще никогда не жаловалась. Собралась утром, уехала на работу. Кружку с недопитым кофе забыла на столе. Браслеты вынула из шкапулок, пока решала, какой наденет, да так и оставила на комод. А днём нам позвонили и сказали, что её больше нет. А я, знаешь, всё как будто ждал её. Вот понимаю, что не придёт, а всё равно. Как будто она уехала куда-то и должна вот-вот позвонить.

– Да, – сказал Матвей. – Я чувствую то же самое. Даже

выговорить это не могу – *умерла*, когда говорю о ней.

– Вот и я так же. Даже после похорон не успокоился. На работу к ней ходил. Просил, чтобы мне подробно описали её последние минуты. Думал, если представлю себе всё это, то смирюсь, поверю. Но я только со временем смирился. И то не до конца. Алика говорит, что Лена слишком любила жизнь, чтобы умереть окончательно, – Пашка снова помолчал, а потом добавил: – Нам очень её не хватает. Особенно Алике. Она ведь из тех, кого надо просто любить. Вот какие они есть – такими и любить. И Лена её так и любила.

Матвей молчал.

Они допили чай, Пашка убрал со стола, Матвей вернулся к шкафу. Уже в комнате, чтобы разогнать туман печальных мыслей, стал рассказывать историю из своей ординатуры.

– Однажды привозят в больницу мужчину с травмой головы, – сказал он, закручивая шуруп. – Без сознания. У него кровь скопилась в лобной доле. Оперировал нейрохирург, а я ассистировал. Всё прошло хорошо и относительно быстро. Я остался на дежурство. Ночь была спокойная. Заполнил карты и прилёг в комнате отдыха, но не прошло и получаса, меня будит медсестра, молоденькая совсем, и говорит: «Your patient has passed away» – *ваш пациент скончался*. Я вскочил, пытаюсь понять, что произошло. Все показатели были в норме, с чего он умер-то? Спрашиваю: «Когда умер? Как? Почему раньше не разбудили?» А она только крутит головой и говорит: «Follow me» – *идите за мной*. Подошли к палате.

Я ожидал увидеть там мёртвое тело, а увидел своего пациента, вполне живого и даже в сознании. Разозлился, говорю: «Что за глупые шутки? Вам заняться нечем?» А медсестра шепотом: «You need to talk to him» – *поговорите с ним*, и карту мне его протягивает. Я взял карту. Думаю, осмотрю его, раз уж пришёл. Здравуюсь. Смотрю на приборы. Всё хорошо. Осматриваю пациента, спрашиваю, как он себя чувствует, что болит, а он мне говорит: «У меня не может ничего болеть. Я уже умер. Не тратьте время даром. Все мои органы давно сгнили».

– Синдром Котара! – воскликнул Пашка. – Я читал о таком.

Матвей улыбнулся и даже немного растерялся оттого, что Пашка правильно назвал диагноз.

– Ага. Пациент был уверен, что мёртв, хотя всё говорило об обратном. Я сначала не понял, думал, может, шок или что-то ещё. А он смотрит мне прямо в глаза и говорит, что мёртв. Даже как он умер рассказал. Прыгнул с крыши своего загородного дома, когда от него ушла жена. Я ещё раз проверил показатели и послал медсестру за психиатром.

Пашка, рассмеявшись, дёрнулся, ойкнул, схватился рукой за спину, но боль не уменьшила его смеха.

Когда упорство победило, и шкаф наконец-то собрался, Матвей решил ехать домой.

– Не знаю, как благодарить, – улыбнулся Пашка. – Золотые руки – сразу видно! Ты без машины? Поздно уже, метро

закрыто. Оставайся, кресло раскладывается, спать есть где.

– Я на такси.

Матвей бы с радостью остался. Такого друга, как Пашка, ему ужасно не хватало. Столько всего хотелось рассказать, стольким поделиться, но он трезво рассудил, что Пашке нужен отдых, а если он останется, они не замолчат до самого утра.

– Я завтра приду тебя навестить.

– Приходи, конечно, какой разговор, – улыбнулся Пашка. – Давай тогда я тебя провожу.

И он заёрзал на диване.

– Нет, Паш, не надо. Я помню, где выход. Отдыхай.

– Ничего-ничего, – отозвался Пашка, с трудом поднявшись. – Немного пройтись мне будет даже полезно, а то утомился уже бока греть. Да и тут такие черти живут, незачем тебе одному лазить.

Матвей даже рассмеялся.

– Если меня будут бить, то ты сейчас вряд ли мне чем-то поможешь.

– Если я буду рядом, то, скорее всего, бить тебя не станут, – ответил Пашка то ли в шутку, то ли всерьёз.

В коридорах и на лестнице было темно. Некоторые отверстия для лампочек в потолке пустовали, из других торчало остриё разбитого стекла. Проходы подсвечивали уличные фонари, приблизившие плафоны к самым окнам второго этажа.

– Я думал, это жильё необитаемо, – сказал Матвей, подстраиваясь под медленный шаг Пашки. – Когда к тебе шёл, ни души не встретил.

– Ты просто рано пришёл, – негромко объяснял Пашка. – Они все к ночи оживают, хотя сегодня да, непривычно тихо. Жди беды.

Он шёл, корчась и хватаясь руками за стены. Матвей пожалел, что не настоял на соблюдении постельного режима.

– Таксисты не любят этот адрес, – предупредил Пашка. – Ещё до нашего с Аликой заселения здесь произошла очень нехорошая история с одним таксистом. Она получила огласку, теперь им разрешили не брать заказы с этого адреса. Ты лучше пройди метров сто к жилым домам или наоборот ближе к шоссе. Оно в другой стороне. А то долго ждать будешь.

В этот раз Матвей заметил в коридоре несколько парней. Бледные, иссохшиеся героиновые наркоманы. Парочка из них поживее – или сидят на чём-то полегче, или, может, вообще не употребляют. Все они посмотрели на него подозрительно, даже злобно, но, заметив рядом Пашку, мимо пропустили без эксцессов. Пашка остановился возле них, поздоровался за руку.

– Что со спиной? – слышал Матвей, отошедший немного вперёд, чей-то сиплый голос.

– Потянул, – со своим привычным добродушием ответил Пашка.

Кто-то из парней сочувственно выругался.

– Ага, – согласился Пашка. – Ты погоди, я друга провожу сейчас, зайду к тебе.

– Добро.

Пашка медленно поковылял дальше.

– Ты ведь не употребляешь? – напрямую и строго, как когда Пашка был школьником, спросил Матвей.

– Что ты? Нет, конечно. Разве я похож на наркомана?

– Не похож, – с облегчением отметил Матвей. – Но не вздумай!..

– Да не вздумаю, ты чего?

– Как ты вообще оказался в этом притоне?

– Хорошо хоть какое-то жильё есть, – махнул рукой Пашка, а потом оживился. – Ты мне вот что скажи. У тебя дома остались какие-нибудь учебники? По анатомии там, физиологии? По фарме, может?

– Остались вроде, – ответил Матвей. – Точно не скажу, отец мог раздать студентам.

– Посмотри, пожалуйста, и принеси мне, – попросил Пашка. – Тебе-то они уже не нужны, и так всё знаешь.

– А тебе зачем?

Пашка поморщился от боли или оттого, что придётся отвечать.

– Из института меня, конечно, вышвырнули, но запретить мне интересоваться медициной никто не может. Для меня это как хобби. Разве в этом есть что-то дурное?

– Нет, ничего дурного, ты прав. Завтра привезу.

– Вот спасибо!

Пашка протянул свою крепкую ладонь. Матвей пожал её, а другой рукой коснулся его плеча.

– Только прошу тебя, иди отдыхать.

– Сейчас пойду, не волнуйся.

И Пашка улыбнулся, сверкнув васильковыми глазами.

Глава 14.

– А в каком возрасте у тебя впервые было... с девушкой? – спросил Пашка.

Матвей, не ожидавший такого вопроса, слегка растерялся, но быстро сообразил, что сейчас ему нужно стать как никогда чутким, открытым и серьёзным. Каким бы был настоящий отец.

– В шестнадцать, – ответил он и замолчал, ожидая ещё вопросы.

– Ты... боялся?

– Волновался, – ответил Матвей, стараясь точнее вспомнить свои чувства.

– Но всё прошло хорошо?

– Да. Думаю, да.

– А эта девушка, с которой у тебя было, кто она? Не переживай, – поспешил добавить Пашка. – Я ничего не расскажу Алике.

Матвей заметил, что до сих пор держит в руках учебник, открытый на теме оксидов. Видимо, заниматься химией они сегодня уже не будут.

– Да я не переживаю, – ответил он, закрывая учебник. – Алика знает. Я ей рассказывал. Не во всех подробностях, конечно, но... Её звали Татьяна. Танечка. Мой папа помогал ей писать какую-то научную статью. Собственно, так она и

оказалась у нас дома.

– Она была старше тебя?

– Да, лет на пять, – Матвей прикинул в уме. – Я ещё в школе учился, а она была на третьем или четвёртом курсе медицинского.

– Такая взрослая, и вы всё равно?..

– Переспали, да, – закончил фразу Матвей. Пашка ещё смущался подобных слов. – Я тогда считал себя очень взрослым. Но Таня была во всех этих вещах куда более опытной. Многому меня научила, если это можно так назвать. Со мной ещё идиотская история произошла, – Матвей усмехнулся воспоминаниям и заёрзал на стуле, который вдруг стал неудобным. – Мы как-то внезапно начали встречаться. Разумеется, тайно, у меня дома. Она приходила несколько раз, и всё было отлично. Пока однажды мама не нашла в их с отцом постели заколку. У Тани была такая приметная заколка в виде какой-то ракушки. Как увидишь – сразу представляешь на её белокурых волосах. До сих пор не знаю, как её проглядел. Я ведь, как настоящий разведчик, перед приходом Тани менял на родительской кровати постельное бельё, а после её ухода снова стелил старое, чтобы никто ничего не заметил. Кровать у родителей была больше, и Тане в принципе не нравилась моя комната. Наверное, заколка под кровать упала, а мы не заметили. Но когда мама увидела эту заколку, она подумала самое логичное – что отец ей изменяет – и устроила скандал. Представляешь, какой это для неё удар!

Она же почти двадцать лет его дрессировала, была уверена в нём, как охотник в своём сеттере, а тут такое. Да ещё и со студенткой! Да ещё и прямо в их постели! Она кричала, плакала, швырялась вещами, не знаю, как у неё от всего этого сердце не остановилось. А отец – он ведь на самом деле ни в чём не виноват – не знал, как оправдаться. Чуть не посёдел от маминых истерик. Короче, они уже почти дошли до развода, и я понял, что должен во всём сознаться, – Матвей засмеялся. – В жизни не чувствовал себя так глупо!

Пашка тоже засмеялся, и они как будто оказались наравне. Ни дать ни взять – родные братья.

– К нам на танцы пришла новая пара, – начал Пашка, откровенностью на откровенность. – И мы с Лизой... ты ведь помнишь Лизу?

– Твоя партнёрша, да? Невысокая, тёмная?

– Да, так вот. Мы с Лизой помогали им почувствовать ритм пасадобля, потому что ощущение такое, что они вообще никогда не танцевали. Я, естественно, взял на себя девушку, и стоило мне дотронуться до неё – со мной такого ещё никогда не было, – будто всё внутри перевернулось.

– Ты влюбился?

Матвей постарался спросить так, чтобы в голосе даже случайно не промелькнула насмешка или неодобрение.

– Не знаю, – ответил Пашка. – Мне постоянно хочется прикоснуться к ней. Её тело прямо гипнотизирует. Теперь она только меня просит помогать. Именно меня, хотя в группе

полно других парней. Она такая гибкая, игривая, так легко трогает меня и даёт трогать себя, – Пашка шумно вдохнул. – Мне кажется, она хочет меня. Или просто играет со мной.

– А ты её хочешь? – прямо спросил Матвей.

Пашка нервно вдохнул и потёр лицо руками.

– Понимаешь, я как-то боюсь всего этого. Даже думать об этом... Мне кажется, что у меня ничего не выйдет. А ещё, – добавил Пашка, понизив голос. – Мне это снилось. Уже дважды. А ведь мне почти шестнадцать. И тебе было шестнадцать... Может, со мной что-то не так?

– Всё с тобой нормально, – улыбнулся Матвей. – Просто ты очень волнуешься, а зря. В таком деле чем меньше волнуешься, тем лучше получается. А сколько лет этой девушке?

– Не знаю, мы вроде ровесники. Но у неё такой взгляд, – дыхание Пашки снова стало тяжелым. – Я даже не понимаю, как у меня получается с ней танцевать. А к той девушке, к Тане, ты испытывал что-то, кроме желания? Ты любил её?

– Нет, – честно ответил Матвей. – Я бы даже сказал, что и желание не было таким уж сильным. Но понял я это уже потом, когда появилась возможность сравнивать. А вообще, знаешь, у меня было много девушек, но все такие... – Матвей гримасничал, подбирая слово, – легкодоступные, что ли. И мне казалось, что всё это так здорово, что спать с ними бесподобно, что я влюблён. Я подменял этим понятием любовь, понимаешь? – и по Пашкиному взгляду он видел, что тот всё понимает. – И, естественно, верил, что рождён не для

долгой любви и не для семьи, потому что ни с одной из этих девушек мне бы не хотелось остаться навсегда. Только когда встретил твою сестру, понял, хоть и не сразу, что всё это значит. Мне захотелось не только получать, но и делиться, понимаешь? Своей лаской, теплом... Я это к чему. Пока ты не найдёшь ту девушку, которую действительно полюбишь, всё это будет приятным – без сомнения, – может, даже захватывающим, но пустым. Так стоит ли спешить? Только из-за возраста? Разве это важно?

– Нет, – сказал Пашка, опустив глаза. – Наверное, нет. Но... что если я не полюблю никого до сорока лет?

– Полюбишь! – рассмеялся Матвей. – Разве можно в юности никого не полюбить?

– Даже если и так. А вдруг девушка, которую я полюблю, не полюбит меня?

– Это будет настоящая трагедия. Но ведь и от тебя тоже зависит, полюбит она тебя или нет. Только зачем думать об этом сейчас?

– Не могу не думать. А с тех пор, как к нам пришла та пара...

– Ты слишком много нервничаешь. Накручиваешь себя. Расслабься, – Матвей несильно толкнул его в плечо. – Серьёзно тебе говорю.

– Тебе легко, у тебя уже вон сколько девушек было.

– Было, но если бы я мог, с радостью позабыл бы всех, кроме твоей сестры. А вообще, если тебе так неспокойно,

попробуй позвать эту свою танцовщицу на свидание. Сходите с ней в кино или в кафе. В более личной обстановке вы узнаете друг друга лучше, чем на тренировке, где вместе с вами вся группа.

– Шутишь? Да я даже разговаривать с ней боюсь – начинаю заикаться. Она никуда со мной не пойдёт. А если и пойдёт, тут же поймёт, что я дебил.

Матвей снова не удержался от смеха.

– Если будешь правильно себя вести, она ничего не поймёт, – ответил он. – Шутка. Ты не дебил. Ты просто не уверен в себе. Запомни: ты мужчина. Из вас двоих *ты* сильный и смелый. Женщина должна это чувствовать, иначе всё пропало.

Пашка вздохнул и посмотрел в окно, где ослепительные солнечные лучи растапливали снег, предвосхищая приход весны.

Матвей знал, что вряд ли чем-то ещё поможет Пашке. Говорить можно бесконечно, но он сам должен почувствовать, что такое *стать* мужчиной.

– Как её зовут? – спросил Матвей.

– Николь, – ответил Пашка, не взглянув на него.

– Тянет нас с тобой на девушек со странными именами, – усмехнулся Матвей. – И знаешь, что ещё? – вспомнил он и двинулся вбок, чтобы поймать взгляд Пашки. – Независимо от того, повлияла на тебя моя лекция о любви или нет, не забывай о предохранении. До тех пор, пока ты, после серьёз-

ных разговоров со своей женой, не примешь взвешенного решения стать отцом. Это очень важно, – подчеркнул он, глядя Пашке прямо в глаза. – Я знаю, мы с тобой об этом уже говорили и не раз. И ты уже знаешь весь механизм, но что касается психологического аспекта... Девушки часто стесняются этого и полагаются на нас. Это не хорошо и не плохо – скорее естественно. Они доверяют нам. Поэтому тебе как мужчине, придётся думать за двоих. Понимаешь? Сейчас.

Матвей поднялся, чтобы удобнее было залезть пальцами в карман брюк.

– Вот, – он положил на стол перед Пашкой шуршащий глянцевый квадратик. – Просто носи с собой. На всякий случай. Как носовой платок.

– А ты всегда их с собой носишь? – спросил Пашка, поглядывая на презерватив, но не трогая его.

– Практически. Иногда это спасает. Пойми меня правильно, я люблю твою сестру, но нам ещё рано становиться родителями. Она меня убьёт, если что-то случится, хотя сама тоже не больно-то думает о предохранении. В этом нет ничего пошлого или неприличного, – добавил он, заметя недоверие в глазах Пашки. – Это можно считать обычным средством гигиены. А вообще, если хочешь стать врачом, нужно привыкать говорить о таких вещах открыто. Секс одна из естественных сторон жизни человека. Если ещё не самая естественная. Но одна из самых прекрасных – уж точно.

Пашка посмотрел на Матвея, потом немного левее и вдруг

вздрыгнул и опустил голову чуть ли не к самому столу, словно солдат, прижимающийся к земле в ожидании обстрела.

– Я смотрю, с химии вы перешли на биологию!

Алика вошла в комнату беззвучно. Как же они забыли закрыть дверь?

– Подслушивать нехорошо, – сказал Матвей, поворачиваясь к ней.

– Я журналист, – ответила Алика. – Подслушивать – это мой хлеб. А у вас тут *conversations adultes*.⁴

Она подошла к столу, взяла двумя пальцами презерватив, пошуршала упаковкой.

– Можешь теперь передать это своему сыну, как семейную реликвию.

– Лик... – начал Пашка, но Матвей его перебил:

– Что ты такая противная?

Схватил Алику за руку, потянул и усадил к себе на колени.

Он был недоволен, что она вклинилась в разговор. Однако вряд ли Алика сделала это специально. Просто так, от скуки, она бы их не прервала. Скорее всего услышала, о чём они говорят – подслушивала ли или просто проходила мимо комнаты брата, – а когда Пашка её заметил, растерялась и, вместо того чтобы бежать, решила пойти в наступление. Она не хуже Матвея знала, как Пашке нужен отец. Или тот, кто сможет хоть в чём-то его заменить.

– Зачем пришла? – спросил Матвей.

⁴ Взрослые разговоры (фр.).

– Я голодна. Лена с самого утра занялась конфитюром из вишни. Думаю, другой еды мы сегодня не дождёмся. Этот, – Алика кивнула на брата, – тоже думает совсем не об обеде.

Вот почему она оказалась возле комнаты Пашки – искала себе личного повара.

– Могла бы и сама что-нибудь приготовить, – воспользовался шансом отыгаться Пашка.

– Я не умею готовить, – просто ответила Алика.

Это ни для кого не было секретом, и Алика несколько не стыдилась своей бытовой беспомощности.

– Поэтому Матвей на тебе никогда не женится, – буркнул Пашка.

Матвей засмеялся, но Алика так сильно стукнула брата по голове, что он тут же перестал хохотать и, хоть и запоздало, схватил её за руки.

– Эй! Аль, ты чего?

– А он чего? – спросила она, кивнув на Пашку, потирающего голову.

– Взрослая девочка, а все ждёшь, когда тебе поесть приготовят и в рот положат, – не унимался тот.

– Какой же ты неблагодарный! Как у сестры деньги просить на кино, так ты первый, а как курицу ей сварить, так вон гордый какой. Или что думаешь, презерватив в карман положил, и всё – можешь огрызаться?

– Аль, – попытался влезть в разговор Матвей.

Но Алику было не остановить.

– Я так скажу. Презерватив всё равно, что паспорт – раз ты дорос до секса, значит, повзрослел. А ты как ребёнок себя ведёшь.

– Так всё, – сказал Матвей, вставая и тем самым заставляя Алику встать. – Идём в кафе. Паш, ты с нами?

– Нет, – мрачно ответил Пашка. – Я лучше умру голодной смертью, чем с ней куда-нибудь пойду.

Он снова открыл учебник и тетрадь.

Матвей посмотрел на Алику. *Это нормально, по-твоему?*

Она вздохнула, а потом сказала брату:

– Умри. Тогда я останусь здесь единственной наследницей.

Пашка захлопнул учебник.

– Уговорила. Идём.

Глава 15.

Пашкино общежитие накрыло тревожное оживление. У входа стояла полицейская патрульная машина.

В самом общежитии на первом этаже полицейский в тёмной форменной плащёвке и кепке с резиновой кокардой проверил у Матвея документы и поинтересовался, куда он направляется. На лестнице и на втором этаже сустились люди, низко пригибаясь, будто в помещении шёл дождь. Некоторые, судя по чистой одежде и здоровой коже, не были жильцами этого притона.

Дверь Пашкиной комнаты легко открылась сама собой, когда Матвей коснулся её, чтобы постучать. Он вошёл в пустую прихожую, скудно омытую светом из небольшого окна напротив входа.

– Паш?

– Матвей? – отозвался из комнаты Пашкин голос. – Проходи.

Матвей, выдохнув, быстро скинул пальто, туфли и с пакетом книг прошёл в комнату. Пашка полусидел-полулежал на диване.

– Что у вас тут такое? – спросил Матвей, пожав ему руку.

– Та самая беда, о которой я говорил, – ответил Пашка, заёрзав, чтобы приподняться. – Не люблю, когда здесь долго тихо, потом обязательно случается что-то скверное. Нарко-

маны с первого этажа обчистили несколько комнат, в которых живут... девушки. Но это мелочь, из-за этого никто полицию вызывать не стал бы. Они ещё где-то в городе успели накуролесить, вот тут-то шум и поднялся.

– У тебя ничего не взяли?

– Да что у меня можно взять? Мои неприятности в другом. Я же судим, вот меня и проверяли всё утро, выясняли, имею я отношение к этому или нет.

– Но ты же отношения не имеешь? – уточнил Матвей.

– Нет, конечно! И им, глупым, говорил, чтоб бросали ерундой заниматься, – сокрушался Пашка. – Они уже не первый раз по комнатам шарят. А тут – видимо, девчонки прятать научились – не нашли ничего. Или нашли, но мало, и пошли дальше.

– Ужас какой-то, – Матвей протянул Пашке книги и уселся в кресло. – Как ты здесь живёшь?

Но Пашка, уже не слыша вопроса, вытаскивал и разглядывал учебники.

– То, что надо, – сказал он. – Спасибо большое!

– На здоровье.

– Даже «Судебная медицина», – бормотал Пашка, со значением поджимая губы.

– Вдруг пригодится.

Матвей говорил обычным голосом, чтобы не показать, как ему приятно хоть чем-нибудь порадовать Пашку. Парень так настрадался за последнее время. А с этими книгами сидит и

улыбается – совсем как ребёнок.

– Полицейские ещё и Алику сюда вызвали, – сказал Пашка, всё ещё рассматривая учебники.

Сердце у Матвея будто повернулось вокруг своей оси.

– Алику? Она здесь сейчас?

– Да, у следователя. Им нужен был владелец комнаты, а по документам это Алика. Она ещё не заходила ко мне. Даже не знаю, что будет, когда увидит меня в таком состоянии – еле хожу и потом обливаюсь. Уже и обезболивающее вколол, а всё равно разогнуться не могу.

– И не сможешь пока, – сказал Матвей, судорожно сообщая, как поступить. – Лежи спокойно.

Сам он рывком встал, прошёлся по комнате. Три быстрых шага к окну, разворот, три шага обратно.

– Мне лучше уйти, – наконец сказал он.

Уйти и подождать где-нибудь возле общежития. Недалеко была рощица – грязная и по-осеннему оголённая. Переждать там и, может быть, даже увидеть Алику ещё раз. Пусть всего на несколько капающих воском на грудь мгновений, пока она идёт от скрипучих дверей общежития к своей машине.

Пашка собирался что-то возразить, но не успел сказать ни слова, как в коридоре послышались громкие шаги.

Пространство, время, кровь в венах – всё остановилось. И только сердце всплесками било о рёбра, подстроившись под такт женских каблучков.

– Не могу поверить, что это не анекдот! – крикнула Алика

из прихожей. – Наркоманы, проститутки и следовательно – валепок, который никак не решит, кого хватать первым, – она громко вздохнула. – На свете есть что-то хуже моей работы. Например, быть помощником этого следователя.

Пашка цеплялся руками за подлокотник дивана, пытаясь сесть, и беззвучно корчился от боли в пояснице. Матвей застыл посреди комнаты, как забытый в поле башенный кран. Опомнился, шагнул к Пашке, придержал его за плечо, шепнул:

– Не мучайся.

Он не видел, но чувствовал, что Алика вошла в комнату, физически ощущал спиной её взгляд. Она молчала – то ли от растерянности, то ли ждала, пока Матвей обернётся.

Он поднял голову и посмотрел на неё через плечо. Губы сжаты, подбородок вздёрнут, руки сложены одна за другую на фоне светлой материи полупрозрачной блузки, заправленной в строгую юбку-карандаш. Раньше Алика так одевалась только на официальные мероприятия.

– И ты здесь, – сказала она, глядя на Матвея.

Зелень её глаз стала темнее и ярче. Скоро разразится гроза.

– Да, – ответил он, выпрямляясь ей навстречу. – Или я могу приходить сюда только с твоего разрешения?

– Нет, конечно, приходи, когда хочешь, – она бесшумно прошла по комнате ножками, затянутыми в чёрные колготки, без обуви. – А ты что разлёгся, милый братец? Даже чаем

гостей не напоишь?

Пашка молчал и не двигался.

– Лик, ты только не волнуйся, ладно?

Алика замерла, посмотрела на него пристально.

– Что случилось?

Голос звучал ровно, но Матвей уловил в нём волнение. Не просто волнение – цепенящий страх. Она отвернулась от брата, посмотрела на Матвея и спросила:

– В чём дело?

Глаза её распахнулись, губы приоткрылись, и Матвей увидел перед собой маленькую девочку, вокруг которой мир сошёл с орбиты и несётся в звенящую бездну. Его точно шпилькой укололи в самое сердце.

– Ничего страшного, – сказал он. – Пашка просто немного повредил спину.

Он старался произнести это мягко, но Алика вдруг захлебнулась, будто ей в лицо ударила фонтаном вода, отвернулась и выругалась.

– Лик, – протянул Пашка и извиняясь, и укоряя одновременно.

– Что? – крикнула она. – Павел, черти бы тебя драли, ты совсем дурак? Доработался на своих погрузках-разгрузках? Я же просила не делать глупостей. Просто не плодить новых проблем! Это так сложно, что ли?

– Да я в порядке! – уверял Пашка, попытался встать, но только вскрикнул и медленно погрузился на подушки.

– Я вижу! Ты совсем головой не думаешь? Деньги тебе нужны? Спокойно сидеть не можешь? А вот так лучше? А если бы ты спину сломал? Другого способа не нашёл себя угробить?

– От того веса, что я таскаю, нельзя сломать спину, – ответил Пашка, с ангельским терпением выслушав её крики. – Скажи, Матвей?

Лицо Алики повернулось к нему, а зелёные глаза обожгли, как крапивой.

– Ты всё знал! – взвилась она на Матвея.

– Вчера узнал.

– И не сказал мне!

– Каким образом? Ты же дала понять, что не хочешь со мной общаться.

Алика не ответила. Когда она злилась, виноваты были все кругом.

Пашка задвигался, снова пытаясь подняться, и глухо застонал. Сестра подскочила к нему, тронула за плечо, словно хотела опрокинуть обратно на спину, но в последний момент передумала, испугалась и растерялась окончательно.

– Не шевелись! – сказала она. – Что ты всё дергаешься? Ложись так, чтобы не было больно. Матвей, как ему надо лежать?

Матвей подошёл сзади, но Алика не отходила от брата. Носа коснулся запах её духов, тот же самый, что и пять лет назад.

– Давай помогу, – сказал Матвей

Алика посторонилась. Он придержал Пашку, пока тот не нашёл удобное положение для больной спины. Потом отошёл, давая возможность Алике снова подойти к брату.

– Почему ты сразу мне ничего не сказал? – спросила она уже другим голосом, в котором через волнение проглядывала уставшая нежность.

– Не хотел тебя волновать понапрасну, – простодушно улыбнулся Пашка.

– Понапрасну! – усмехнулась Алика и болезненно поморщилась, совсем как брат.

– Правда, Лик, ничего серьёзного. Только с работы меня всё-таки выгнали.

– Слышать ничего не хочу о твоей работе!

Алика закусилла нижнюю губу – единственный знак раскаяния за резкость – и присела на диван рядом с Пашкой.

– Я побуду с тобой, – сказала она. – Хочешь чего-нибудь? Сходить в магазин? Или, может, заказать еды из ресторана?

– Нет-нет, – тут же ответил Пашка. – Ничего не надо. У меня в холодильнике суп и пельмени. Поезжай на работу. Не хочу, чтобы из-за меня у тебя были проблемы с начальницей.

– Наплевать на неё! – снова вспыхнула Алика. – Я останусь с тобой!

– Лика, – Пашка одной рукой обхватил сестру, а она положила голову ему на плечо. – Со мной всё хорошо. Не беспокойся. Да и я не один.

Алика взглянула на Матвея, и не успел он понять, какие мысли зреют в её голове, как она опустила глаза на пятнистый линолеум.

– Принесёшь попить? – негромко попросил Пашка сестру.

Алика кивнула и ушла на кухню, торопливо и громко топая пятками. Оттуда слышались шум переливающейся воды, звон стекла и проклятия громко и шёпотом. Матвей пошёл посмотреть, что стряслось.

Стакан опрокинулся на столе, и, не разбившись, лежал в небольшой лужице. Алика тёрла её тряпкой так усердно, будто разлилась не вода, а краска.

– Дай, – сказал Матвей, касаясь её ледяной ладони. – Я вытру.

– Не надо.

– Давай. У тебя руки дрожат. Ты только больше плескаешь.

– Ничего у меня не дрожит! – крикнула Алика и, швырнув тряпку в раковину, отвернулась.

Матвей молча смотрел на её плечи, согнутую над столом спину. Пашка прав. Алике сейчас тяжело. Так тяжело, что кажется, она вот-вот упадёт на пол и зарыдает.

Она низко наклонилась вперёд, так что голова и шея скрылись за резко обозначившимися лопатками, и шумно дышала, раскачиваясь в едва заметной яктации.

Никогда Матвей не видел Алику в таком отчаянии. Кричала – да. Дерзила, злилась, могла что-нибудь сломать. Но

что бы едва держалась на ногах...

У Матвея внутри всё сжалось, завязываясь в узел под рёбрами.

– Аль, – позвал он, тронув её за плечо. – Ничего страшного не произошло, честно.

Он приготовился к тому, что она с разворота залепит ему пощёчину, оттолкнёт или сорвётся и закричит. Но Алика лишь подняла голову, обернулась и прижалась лбом к его груди, как в далёком прошлом, которое сейчас казалось сном.

– Я боюсь за него, – прошептала она совсем тихо, чтобы брат в комнате не услышал. – Он глупый, всё время куда-то лезет, я так боюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.